

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ ИМЕНИ С.И. ВАВИЛОВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ СОЮЗ УЧЕНЫХ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НЕСТОР-ИСТОРИЯ»

ИСТОРИКО-БИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2012

Том 4

№ 3

Санкт-Петербург

Главный редактор: Э.И. Колчинский

Редакционная коллегия:

Л. Акерт (*Филадельфия, США*), О.П. Белозеров (*Москва*), Л.Я. Боркин (*Санкт-Петербург, зам. главного редактора*), А.И. Ермолаев (*Санкт-Петербург, отв. секретарь*), М.Б. Конашев (*Санкт-Петербург, зам. главного редактора*), А.В. Самокиш (*Санкт-Петербург*), А.К. Сытин (*Санкт-Петербург*), А.А. Федотова (*Санкт-Петербург*), С.И. Фокин (*Пиза, Италия*)

Международный редакционный совет:

Б.И. Барабаншиков (*Казань, Россия*), Дж. Браун (*Кембридж, Массачусетс, США*), Д. Вайнер (*Тусон, Аризона, США*), Ж. Гайон (*Париж, Франция*), Я.М. Галл (*Санкт-Петербург, Россия*), О.Ю. Елина (*Москва, Россия*), С.Г. Инге-Вечтомов (*Санкт-Петербург, Россия*), Д. Кейн (*Лондон, Великобритания*), К. Коэн (*Париж, Франция*), Ю.А. Лайус (*Санкт-Петербург, Россия*), Е.Б. Музрукова (*Москва, Россия*), Ю.В. Наточин (*Санкт-Петербург, Россия*), О.Я. Пилипчук (*Киев, Украина*), А.Ю. Розанов (*Москва, Россия*), В.О. Самойлов (*Санкт-Петербург, Россия*), У. Хоссфельд (*Йена, Германия*), А.Г. Юсуфов (*Махачкала, Россия*)

Выпускающий редактор номера: О.Ю. Елина

Адрес редакции: 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 5
Телефон редакции: (812) 328-47-12. **Факс:** (812) 328-46-67
E-mail редакции: histbiol@mail.ru **Сайт** журнала: <http://www.ihst.nw.ru>

Журнал издается под научным руководством Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова Российской академии наук
Учредители: Санкт-Петербургский союз ученых и издательство «Нестор-История»
Издатель: «Нестор-История»

Журнал основан в 2009 г. Выходит четыре раза в год. Свидетельство о регистрации журнала ПИ № ФС77-36185 выдано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия 7 мая 2009 г.
ISSN 2076-8176

Корректор: Н.В. Стрельникова
Оригинал-макет: С.В. Кассина
Подписано в печать 10.09.2012
Формат: 70 x 100 1/16
Усл.-печ. листов: 8,38
Тираж: 300 экз.
Заказ № 2697

Отпечатано в типографии «Нестор-история», СПб, ул. Розенштейна, д. 21
Тел. (812)622-01-23

© Редколлегия журнала «Историко-биологические исследования», 2012
© ООО «Санкт-Петербургский союз ученых», 2012
© ООО «Издательство „Нестор-История“», 2012

The Russian Academy of Sciences
Institute for the History of Science and Technology named after Sergey I. Vavilov, St. Petersburg Branch
St. Petersburg Association of Scientists and Scholars
The Publishing House “Nestor-Historia”

STUDIES IN THE HISTORY OF BIOLOGY

2012

Volume 4

No. 3

St. Petersburg

Editor-in-Chief: Eduard I. Kolchinsky (*St. Petersburg, Russia*)

Associate Editors:

Lev J. Borkin (*St. Petersburg, Russia*), Mikhail B. Konashev (*St. Petersburg, Russia*)

Publishing Secretary:

Andrey I. Ermolajev (*St. Petersburg, Russia*)

Editorial Office:

Lloyd Ackert (*Philadelphia, Pennsylvania, USA*), Oleg P. Belozerov (*Moscow, Russia*),
Anastasia A. Fedotova (*St. Petersburg, Russia*), Sergei I. Fokin (*Pisa, Italia*),
Anna V. Samokish (*St. Petersburg, Russia*), Andrey K. Sytin (*St. Petersburg, Russia*)

Editorial Board:

Boris I. Barabanschikov (*Kazan, Russia*), Janet Brown (*Cambridge, Massachusetts, USA*),
Joe Cain (*London, UK*), Claudine Cohen (*Paris, France*), Olga Yu. Elina (*Moscow, Russia*),
Yakov M. Gall (*St. Petersburg, Russia*), Jean Gayon (*Paris, France*),
Uwe Hoßfeld (*Jena, Germany*), Sergei G. Inge-Vechtomov (*St. Petersburg, Russia*),
Julia A. Lajus (*St. Petersburg, Russia*), Elena B. Muzrukova (*Moscow, Russia*), Yuri V. Natochin
(*St. Petersburg, Russia*), Oleg Ya. Pilipchuk (*Kiev, Ukraine*), Alexey Yu. Rozanov (*Moscow, Russia*),
Vladimir O. Samoilov (*St. Petersburg, Russia*), Abdulmalik G. Yusufov (*Makhachkala, Russia*),
Douglas Weiner (*Tucson, Arizona, USA*)

Staff Editor: Olga Yu. Elina (*Moscow, Russia*)

Address of the Editorial Office: Universitetskaya naberezhnaya 5, St. Petersburg, 199034 Russia

Phone: (+7-812) 328-47-12; Fax: (+7-812) 328-46-67

E-mail: histbiol@mail.ru

Website: <http://www.ihst.nw.ru>

The Journal was founded in 2009. Four issues per year are published.

Advisory Institution: St. Petersburg Branch, S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology,
Russian Academy of Sciences

Founders: St. Petersburg Association of Scientists and Scholars, & The Publishing House “Nestor-Historia”

Publisher: The Publishing House “Nestor-Historia”

ISSN 2076-8176

© 2012 by Editorial Office of the Journal “Studies in the History of Biology”

© 2012 by St. Petersburg Association of Scientists and Scholars

© 2012 by Publishing House “Nestor-Historia”

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

От редакции	7
Editor's Foreword	

Исследования / Research

<i>Николай П. Гончаров.</i> Государственная организация аграрной науки в России (К 175-летию РАСХН)	10
<i>Nikolay P. Goncharov.</i> State Agrarian Science in Russia (On the 175th anniversary of the Russian Academy of Agricultural Sciences)	
<i>Ольга Ю. Елина.</i> Местные сельскохозяйственные общества: на пути к аграрной модернизации России	34
<i>Olga Yu. Elina.</i> Local Agricultural Societies: Towards the Agrarian Modernization of Russia	
<i>Светлана Д. Коваленко.</i> Научно-организационная деятельность Сельскохозяйственного научного комитета Украины (1918–1927) по координации отраслевых исследований	64
<i>Svetlana D. Kovalenko.</i> The Ukrainian Agricultural Scientific Committee (1918–1927) in Coordination of Scientific Research in Agriculture	
<i>Анастасия А. Федотова.</i> Ветеринарная командировка почвоведом П.А. Костычева	79
<i>Anastasia A. Fedotova.</i> The “Veterinary” Reasearch Trip of the Soil Scientist Pavel Kostychev	
<i>Natalia Ye. Beregoy.</i> The Fight against Cattle Plague in Russia, 1830–1902: A brief overview of methodical approaches	94
<i>Наталья Е. Берегой.</i> Борьба с чумой рогатого скота в России в 1830–1902: краткий обзор путей и подходов.	
<i>Jenny L. Smith.</i> Improving Socialist Animals: American Farming Experts on the Soviet Collectivization	101
<i>Дженни Л. Смит.</i> Улучшая социалистических животных: американские эксперты о коллективизации	

Рецензии / Reviews and notices of books

<i>Ксения В. Манойленко.</i> О прошлом прикладной ботаники. Рец. на кн. Н.П. Гончарова «Первые заведующие Бюро по прикладной ботанике и организаторы Госсортсети» (2009)	116
<i>Kseniya V. Manoilenko.</i> The Roots of Applied Botany. Review of N.P. Goncharov, “The First Directors of the Bureau of Applied Botany and the Organizers of Gossortset” (Novosibirsk, 2009)	

- Яков М. Галл.* Энциклопедия по истории биологии в Санкт-Петербурге.
Рец. на кн. «Биология в Санкт-Петербурге. 1703–2008.
Энциклопедический словарь» (2011) 118
Yasha M. Gall. Encyclopedia of the History of Biology in St. Petersburg. Review of “Biology in St. Petersburg, 1703–2008, Encyclopedic Dictionary” (St. Petersburg, 2011)

Хроника научной жизни / Chronicle

- Владимир К. Штибен, Евгений В. Смирнов*
«В этих местах я единственный ботанофил»:
Вторая Демидовская конференция «Демидовские встречи» 120
Vladimir K. Shtieben, Evgenii V. Smirnov. Here I am the only Botanophile:
The Second Demidov Conference «Demidov Meetings» (Solikamsk, 11.11.2011)
- Марина В. Куликова.* Юбилей Тимирязевского биологического музея 125
Marina V. Kulikova. The Anniversary of the Timiriazev Biological Museum
(Moscow, 22–25.04.2012)
- Андрей И. Ермолаев.* Славная история Военно-медицинской академии
и её неопределённое будущее 131
Andrey I. Ermolajev. The Glorious History of the Military-Medical Academy
and its Problematic Future (St. Petersburg, 8.04.2012)
- Читайте в ближайших номерах журнала 134
Announcements

Уважаемые читатели!

Этот номер мы решили посвятить истории аграрной науки в России. Выбор темы неслучаен: историки науки по разным причинам не часто обращаются к сюжетам, связанным с отечественным сельским хозяйством, отдавая предпочтение фундаментальному естествознанию. В результате страна не знает свою аграрную историю, существуя между советскими штампами о «тотальной отсталости» дореволюционного земледелия и современными публицистическими мифами о благоденствии русской деревни, «кормившей хлебом полмира».

Предлагаемые вашему вниманию статьи связаны общей тематикой и продолжают ранее начатый разговор (см., например, № 4 за 2010 г.; № 1 за 2012 г.) на тему прикладной биологии в её взаимодействии с хозяйственной деятельностью человека.

Материалы номера охватывают период с середины XIX в. до начала 30-х гг. XX в. — важнейшую эпоху формирования аграрной науки в России. Взгляд через «аграрную призму» важен и при ответе на некоторые общие вопросы, которые нельзя обойти, изучая науку в России, например, как российские учёные определяли свое место и роль в обществе, что для них являлось приоритетом — фундаментальные или прикладные исследования. Оказывается, сельское хозяйство занимало умы не только рядовых агрономов, но и учёных-теоретиков мирового масштаба, таких как Д.И. Менделеев, В.В. Докучаев, П.А. Костычев, В.И. Вернадский. Свою общественную миссию они видели в модернизации аграрной сферы с помощью науки. Сотрудничая в правительственных учреждениях, участвуя в работе сельскохозяйственных обществ, занимаясь экспериментальной агрономией, они тем самым преодолевали обособленность академической науки с её внутренней логикой автономного дисциплинарного развития, утверждали возрастающее влияние запросов практики при определении научных приоритетов.

К подготовке номера нам удалось привлечь широкий круг авторов, которые представляют не только Москву и Петербург, но и Сибирь, Урал, а также Украину и США. Предлагаемые статьи, как мы надеемся, создают достаточно содержательную историческую панораму аграрной науки в Российской империи и молодой Советской России.

Мы постарались расположить материалы так, чтобы начать с работ, затрагивающих институциональные вопросы. Они чрезвычайно важны для введения читателя в агрономическую тематику, поскольку позволяют составить общее представление о процессе формирования отраслевых институций, в корне отличающихся от университетов и других учреждений академического естествознания.

Н.П. Гончаров в статье «**Государственная организация аграрной науки в России (К 175-летию РАСХН)**» предлагает расширить время существования российской сельхозакадемии

почти на век. В конце 1830-х гг. только что открывшееся ведомство земледелия нуждалось в организации научного обеспечения отрасли, для чего был образован Учёный комитет. Созданием этого учреждения и датируется начало государственной научной политики в области агрономии. В статье прослежена трансформация комитета от экспертного собрания до крупнейшего государственного исследовательско-координационного центра аграрной науки начала XX в. Учёный комитет столь эффективно действовал и имел столь удачную структуру, что новая власть полностью использовала его бюро и отделы как основу для создания главной аграрной академии Страны Советов.

О.Ю. Елина в работе **«Местные общества сельского хозяйства: на пути к аграрной модернизации России»** анализирует иной аспект истории аграрной науки — общественный. Статья подводит читателя к размышлениям о том, как поддержка науки реализуется в провинциальном сельскохозяйственном окружении, отмеченном слабым экономическим развитием и недостатком политической самореализации. Именно в провинции, утверждает автор, общества вместе с земствами выступили главной движущей силой, осуществляя анализ хозяйственных запросов и создавая научную базу для их разрешения. Стремительный успех общественных институций, прежде всего опытных учреждений, стал поворотным пунктом правительственной политики, после которого публичная инициатива воспринималась равной государственной.

С.Д. Коваленко возвращает истории забытую организацию — **Сельскохозяйственный учёный (научный) комитет Украины**, деятельности которого в 20-е гг. XX в. посвящена ее работа. Тем самым мы опять оказываемся в пространстве государственной организации агрономии, на этот раз в эпоху революционных преобразований и поиска национальной идентичности. Как показывает автор, власти Украины периода Народной республики выбрали в качестве модели российский Учёный комитет, пригласив председателем новой национальной структуры В.И. Вернадского (главу УК при Временном правительстве). Несмотря на непростую политическую обстановку и частые преобразования самого комитета, именно благодаря его стабильной работе в стране удалось наладить и координировать комплексную отраслевую научную деятельность.

Для второго блока мы отобрали статьи, связанные с ветеринарией и животноводством, о которых пишут крайне редко. Отношение историков отражает исторические реалии «хлеборобной империи»: Россия трудно и с запозданием осваивала премудрости промышленного разведения сельскохозяйственных животных, в том числе училась бороться с эпизоотиями.

Поэтому неудивителен поставленный в работе **А.А. Федотовой** **«Ветеринарная командировка почвовед П.А. Костычева»** вопрос: почему в «ветеринарную» делегацию, отправленную в Западную Европу в 1880-е гг. для изучения методов прививания сибирской язвы, включили агронома и химика Костычева? Предложенный автором ответ убедителен: животноводов и ветеринаров в России катастрофически не хватало; ценился даже косвенный опыт работы в этой области. Статья повествует именно о том, как различные профильные ведомства и общественные организации пытались решить проблему подготовки специалистов. Богатый архивный материал статьи позволяет детально проследить работу механизма под названием «запросы реальной жизни»; очевидна прозрачность междисциплинарных границ аграрной науки как для внешней (производственная необходимость), так и для внутренней (индивидуальный выбор учёного) коррекции.

Н.Е. Берегой прослеживает особенности российского подхода к борьбе с другим «бичом» животноводства — **чумой рогатого скота**. На первый взгляд эта история — пример классического взаимодействия науки, хозяйственных потребностей и власти;

профильные ведомства в ответ на очередную эпидемию создавали экспертные комиссии и комитеты, приглашали иностранных специалистов для проведения исследований. Однако, как показывает автор, в данном случае наука тормозила практику: учёные отрицали вакцинацию, объясняя заболевание внешними причинами (плохой уход, суровый климат и пр.). В центре выстроенного на архивных материалах сюжета — датчанин П. Иессен, жизнь которого на российской службе оказалась в прямом и переносном смысле «борьбой с чумой»: с противниками создания станций по прививанию и за финансирование исследований. Один из важных выводов работы: затянувшееся решение конкретной ветеринарной проблемы повлияло на развитие скотоводства в целом, став тормозом на пути к его технологической модернизации.

Завершающий материал номера — именно об этой несостоявшейся модернизации. Дж. Смит в статье **«Улучшая социалистических животных: американские эксперты о коллективизации»** показывает повседневную жизнь колхозов, занимавшихся элитным разведением свиней, через восприятие её американскими экспертами. В основе работы — их частная и официальная переписка. Из нее вырастает картина кризисного положения дел в отрасли, где наряду с некомпетентным управлением, низким профессиональным уровнем специалистов, трудностями с экспертной оценкой мероприятий, с очевидностью присутствует главная проблема: неподобающие условия содержания и, как следствие, высокая смертность элитных животных. Даже при поправке на возможную необъективность американских «спецов» легко заметить: проблемы сохранились всё те же, что и во времена Иессена и Костычева. Становится очевидным, что сельскохозяйственных животных нельзя «улучшить», не урегулировав вековой дисбаланс между наукой и практикой.

В заключение хотелось бы привлечь внимание читателей к ряду материалов в разделах «Хроника научной жизни» и «рецензии». В частности, к отчету о конференции, проходившей в Соликамске. Она посвящена создателю первого в России частного ботанического сада, любителю-флористу Григорию Демидову, на века вперед определившему высочайший научный уровень частного патронажа прикладной ботаники и агрономии.

Вашему вниманию предлагается также рецензия на энциклопедический справочник «Биология в Санкт-Петербурге. 1703—2008», вышедший в прошлом году. Он уже активно используется учёными нашей страны, в том числе и авторами данного номера журнала.

О.Ю. Елина

ИССЛЕДОВАНИЯ

Государственная организация аграрной науки в России (К 175-летию РАСХН)

Н.П. Гончаров

Институт цитологии и генетики СО РАН, Новосибирск, РФ; gonch@bionet.nsc.ru

В январе 2013 г. государственно-организованной аграрной науке России исполняется 175 лет: Министерство государственных имуществ (позже Министерство земледелия и государственных имуществ), созданное 26 декабря 1837 г. (7 января 1838 г.) по Указу императора Николая I, с первых дней своего существования приступило к организации научного обеспечения отрасли, образовав Учёный комитет. В статье рассматривается история становления Учёного комитета Министерства (вместе с министерством неоднократно реорганизованного), приводятся краткие биографии его председателей, акцентируются основные моменты становления бюро и отделов Учёного комитета, послуживших в 1929 г. основой для создания системы специализированных научно-исследовательских институтов ВАСХНИЛ (ныне РАСХН).

Ключевые слова: ВАСХНИЛ, РАСХН, Министерство земледелия и государственных имуществ, бюро и отделы Учёного комитета МЗиГИ.

В год «великого перелома» закончилась советизация Российской академии наук (РАН), хотя уже и именовавшейся с 1925 г. АН СССР, но до середины 1927 г. всё ещё жившей по Уставу 1836 года Императорской Санкт-Петербургской академии наук (Имп. СПб АН). В этот же год были избраны первые академики-коммунисты (Кольцов, 1993; Наше..., 1996), прошла тотальная кадровая «чистка» академии (Перченко, 1991), были проведены первые аресты по «академическому делу» (Академическое..., 1993, 1998; Перченко, 1995), с поста неперменного секретаря академии был смещён академик С.Ф. Ольденбург (Каганович, 1994) и был разработан новый (второй советский) вариант её устава (Уставы..., 1974). Созданная в этот же 1929 г. «по завету Ильича» (Горбунов, 1934) Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина (ВАСХНИЛ)

была изначально коммунизированной¹ и по определению не могла иметь «буржуазную» историю². Поэтому до последнего времени не было принято искать истоки её возникновения и рассматривать её дореволюционную предысторию в рамках становления аграрной науки Российской империи. Нам известны только три работы, в которых было отмечено наличие такой связи (Гончаров, 2005; Есаков, 2008; Колчинский, 2011), хотя история становления и эволюция учёных комитетов министерств Российской империи и изучена довольно основательно (Мироснос, 2000).

Цель данной работы — проследить один из важнейших аспектов истории организации ВАСХНИЛ, а именно преемственность между её научными институтами и научно-исследовательскими подразделениями (бюро) Учёного комитета Министерства земледелия и государственных имуществ (УК МЗиГИ). При этом кратко остановимся на основных задачах, истории организации и становления этих научно-исследовательских бюро УК министерства, реорганизованных в 1917 г. в отделы Сельскохозяйственного учёного комитета (СХУК), в 1922 г. — в отделы Государственного института опытной агрономии (ГИОА)³ и далее в 1929 г. — в комплекс институтов ВАСХНИЛ; перечислим их руководителей, обратив особое внимание на сохранивших свои посты и в институтах академии. При этом нами не рассматриваются вопросы организации и первых шагов становления ВАСХНИЛ, хотя они и освещены только очень фрагментарно (Никонов, 1995; Стрекопытов, 2002). Тому было множество причин. До сих пор не ясны движущие силы, приведшие к организации ВАСХНИЛ, не выяснена роль тех или иных персон. Заметим, что все основные организаторы ВАСХНИЛ, за исключением умершего в 1934 г. В.И. Ковалевского (Вавилов, 1935), были репрессированы и на длительное время их научно-организационная и административная деятельность выпала из поля зрения исследователей.

Министерство государственных имуществ (МГИ), созданное 26 декабря 1837 г. по Указу императора Николая I, сразу же приступило к организации научного обеспечения отрасли, образовав Учёный комитет (Сельскохозяйственное..., 1914). Согласно положению об УК МГИ он «занимается рассмотрением тех дел, кои, заключая в себе новое предположение, или исправление недостатка существующих учреждений по сельскому хозяйству и государственных имуществ, требуют сведений специальных и соображений ученых» (Положение..., [б.г.], с. 1).

До реорганизации 1922 г. УК (позже СХУК) имел институт действительных членов и членов-корреспондентов⁴. Долгое время УК министерства был совещательным

¹ В марте 1928 г. в письме к селекционеру Т.А. Рунову Н.И. Вавилов писал: «Теперь поворот в политику. Будем изучать колхозы, совхозы. Была довольно бурная сессия президиума Совета [Института прикладной ботаники и новых культур, созданного в 1925 г. как “первое звено” ВАСХНИЛ. — *Н.Г.*] в январе. В результате решено усилить коммунизацию Института. Понемногу она идет...» (Научное..., 1980, с. 329).

² Согласно одной из легенд, прочитав после революции перевод-переработку книги американца А. Гарвуда «Обновленная земля» (Гарвуд, 1909), В.И. Ленин дал поручение своему секретарю (бывшему одновременно и секретарем СНК РСФСР) Н.П. Горбунову принять меры по улучшению сельского хозяйства страны (Горбунов, 1934).

³ Институт возник на основе СХУК в начале 1920-х гг. при первой попытке советской власти реформировать сельскохозяйственное опытное дело в стране.

⁴ В 1935 г. институт действительных членов в ВАСХНИЛ будет восстановлен и первые действительные члены академии будут назначены постановлением СМ СССР от 4 июня 1935 г. В то же время первые члены-корреспонденты ВАСХНИЛ будут выбраны только в 1956 г. после первой отставки Т.Д. Лысенко с поста президента академии.

органом, и его члены на первых порах занимались: 1) рассмотрением и определением предметов и курсов преподавания наук, учебных руководств во всех подведомственных министерству учебных заведениях; 2) рассмотрением книг и сочинений по части сельского хозяйства; 3) изысканием способов к распространению сведений по хозяйственной и камеральной части между чиновниками министерства; 4) составлением и обнародованием задач для публичных конкурсов, рассмотрением ответов и присуждением наград за лучшее их решение; 5) рассмотрением просьб о выдаче привилегий (патентов) и заключений по оным; 6) перепиской с учёными и научными обществами, отечественными и иностранными; 7) рассмотрением доставляемых чиновниками МЗиГИ донесений и описаний разных заведений и открытий по сельскому хозяйству; 8) рассмотрением заслуг по сельскому хозяйству и определением наград за таковые; кроме того, девятым пунктом комитету поручалось «...следовать за ходом государственного хозяйства в Европе, в теоретическом и практическом отношении, и доводить до сведения Министра свои соображения и заключения» (Положение..., [б.г.], с. 2).

Членами УК состояли ведущие сотрудники МГИ, активные деятели общественных сельскохозяйственных организаций, ведущие российские учёные-аграрии, в том числе руководители всех специализированных бюро УК (позже отделов СХУК) (Краткий..., 1899), так как заведовать исследовательскими подразделениями комитета могли только его действительные члены. До революции такой же порядок назначения ведущих НИУ (кабинетами, музеями и пр.) сохранялся и в Имп. СПб АН. Членами УК были: первый российский доктор сельского хозяйства, почвовед Александр Васильевич Советов (1826–1901); один из основоположников современного почвоведения, организатор первой в России агрохимической лаборатории, инициатор создания первых государственных сельскохозяйственных опытных станций МЗиГИ, профессор Павел Андреевич Костычев (1845–1895); этнограф, академик Имп. СПб АН Петр Иванович Кёппен (1793–1864); микробиолог, почётный член РАН Сергей Николаевич Виноградский (1856–1953); физиологи – академик Имп. СПб АН Николай Иванович Железнов (1816–1887) и чл.-корр. Имп. СПб АН Климент Аркадьевич Тимирязев (1843–1920); ботаник, академик Имп. СПб АН Михаил Степанович Воронин (1838–1903); ихтиолог, критик дарвинизма, публицист Николай Яковлевич Данилевский (1822–1885); начальник Отдела земельных улучшений министерства, князь Владислав Иванович Мас(с)альский (1859–1932); директор Императорского сельскохозяйственного музея МЗиГИ Николай Мартынович Сольский (?–1907); ботаник, географ, лесовод, профессор Владимир Николаевич Сукачев (1880–1967); орнитолог, основатель российской фенологии, популярнейший до Первой мировой войны детский писатель, профессор Санкт-Петербургского лесного института Дмитрий Никифорович Кайгородов (1866–1924) и многие другие известные учёные-аграрии (см. Эрк, 1997; Биология..., 2011).

Почётными членами УК чаще всего становились члены Комитета, закончившие в нём плодотворную работу. Среди них — лесовод, профессор Фёдор Карлович Арнольд (1819–1902); ботаник, академик Имп. СПб АН, вице-президент РАН Иван Парфеньевич Бородин (1847–1930); бывшие председатели СХУК Александр Александрович Шульц, Иван Александрович Стебут, Николай Максимович Тулайков, Владимир Иванович Ковалевский и др.

Помимо действительных и почётных членов в УК существовал и институт членов-корреспондентов (Список..., 1859), «избираемых им из лиц, известных своими познаниями или опытностью по предметам административным, учебным и хозяйственным, равно как приобревших по сей части особенную известность своими сочинениями» (Положение..., [б.г.], с. 2).

Активность последних была столь высока, что с 1886 г. медаль «За усердие» стали выдавать «также Членам-корреспондентам Ученого Комитета Министерства Государственных Имуществ, за отличное исполнение поручений по разбору сочинений, собранию необходимых сведений и разрешению вопросов по части сельского хозяйства»⁵. Члены УК, как госслужащие, за выслугу лет регулярно награждались орденами Российской империи (Список..., 1907, 1914). Всего, по подсчётам Ф.Н. Эрка (1997), за первые 80 лет существования УК его членами были около 70 человек. Интересно заметить, что, как и члены Имп. СПб АН, действительные члены УК обязательно должны были проживать в столице.

За 92 года в УК (СХУК, ГИОА) сменилось 17 председателей (табл. 1), первые пять из которых назначались таковыми «по должности» как директора 3-го департамента Министерства государственных имуществ (МГИ) (см. табл. 1). Позже председателем УК назначался один из членов Совета министра МГИ (Положение..., [б.г.]). Последний из них — чл.-корр. РАН (позже академик АН СССР) Н.И. Вавилов, избранный в октябре 1923 г. председателем совета (директором) Государственного института опытной агрономии (ГИОА), был назначен первым президентом ВАСХНИЛ.

Таблица 1

Председатели УК (СХУК, ГИОА)

Время работы	ФИО
27 декабря 1837 — 8 мая 1839	Деллинсгаузен Иван Фёдорович (1792–1845)
8 мая 1839 — 16 января 1844	фон Брадке Егор Фёдорович (1796–1862)
24 января 1844 — 20 декабря 1855	Левшин Алексей Ираклиевич (1797 или 1798–1879)
22 декабря 1855 — 25 февраля 1859	Заблокский-Десятовский Андрей Парфенович (1808–1881)
7 марта 1859 — 1 января 1861	Валуев Пётр Александрович (1815–1890)
2 января 1861 — 29 декабря 1872	Семёнов Виктор Семенович (1809–1872)
19 февраля 1873 — 1887	Петерсон Егор Андреевич (1809–1888)
1889 — 19 декабря 1897	Архипов Иван Павлович (1839–1897)
1898–1905	Стебут Иван Александрович (1833–1923)
вр.и.о. 6 октября 1905 — 1907	Щульц Александр Александрович (1855–1922)
1907 — 4 мая 1916	Голицын Борис Борисович (1862–1916)
ноябрь 1916 — март 1917	Богданов Сергей Михайлович (1859–1920)
10 июня 1917 — ноябрь 1917	Вернадский Владимир Иванович* (1863–1945)
вр.и.о. 1917–1918	Арцыбашев Дмитрий Дмитриевич (1873–1942)
и.о. 1918–1919	Тулайков Николай Максимович (1875–1938?)
20 марта 1920 — июль 1922	Ковалевский Владимир Иванович (1848–1934)
23 августа 1922**	Тулайков Николай Максимович (1875–1938?)
13 октября 1923 — 1929***	Вавилов Николай Иванович (1887–1943)

* Первый выборный председатель СХУК.

** В 1922 г. находился в командировке в Америке и к исполнению обязанностей не приступил.

*** С 25 июня 1929 г. — президент ВАСХНИЛ.

⁵ Свод законов Российской империи. Ст. 744.

1. Первым председателем УК с 1937 по 1939 г. был барон Иван Фёдорович **ДЕЛЛИН-СТАУЗЕН** (1792–1845)⁶. Генерал-майор Свиты Его Императорского Величества (Е.И.В.)⁷. Указом Правительствующего сената от 15 июня 1837 г. был назначен членом Временного совета для управления департаментом государственных имуществ, а в 1838 г. — директором 5-го департамента МГИ, с оставлением в прежнем звании. 27 ноября 1841 г. согласно своей просьбе получил увольнение от службы с «мундиром и с пенсионом оклада двух третей жалованья».

Лит.: http://ru.wikipedia.org/wiki/Деллингстаузен,_Иван_Фёдорович.

2. С 1839 по 1844 г. председателем УК был Егор Фёдорович **фон БРАДКЕ** (1796–1862). Тайный советник, сенатор (1844). Окончил Санкт-Петербургскую школу колонновожатых. Служил по управлению военными поселениями при А.А. Аракчееве и П.А. Клейнмихеле. С 1832 г. — попечитель Киевского учебного округа: 15 июля 1834 г. открыл Имп. университет им. Святого Владимира (г. Киев). С 1839 г. — член главного правления училищ. Директор 3-го департамента МГИ. Под его руководством были разработаны основы кадастрового дела в России⁸, проведена оценка государственных имуществ в нескольких губерниях, осуществлена замена подушного налога поземельным, созданы уставы подведомственных министерству учреждений. В 1854–1862 гг. — попечитель Дерптского округа. В 1861 г. назначен председателем комиссии по выработке нового университетского устава, принятого в 1863 г.

Соч.: Автобиографические записки // Аракчеев: Свидетельства современников; мемуары. М.: Новое лит. обозрение, 2000.

Лит.: <http://www.rulex.ru/01020678.htm>.

3. С 1844 по 1855 г. председателем УК был Алексей Ираклиевич **ЛЕВШИН** (1797 или 1798–1879). Тайный советник. Почётный член Имп. СПб АН (1856). Окончил Харьковский университет (1818). В 1820–1822 гг. служил в Оренбургской пограничной комиссии, вёл переговоры с ханами, предводителями казахских родов, племён и общин, чем «способствовал вхождению их в состав России». С середины 1820-х гг. служил в г. Одессе (в 1831–1837 гг. градоначальник). С 1844 г. — директор 3-го департамента МГИ, 1856–1859 гг. — товарищ министра внутренних дел, с 1868 г. — член Госсовета. Активно участвовал в подготовке крестьянской реформы 1861 г. Один из основателей Русского географического общества.

Соч.: Письма из Малороссии. Харьков: Университ. тип., 1816; Историческое и статистическое обозрение уральских казаков. СПб.: Воен. тип. Глав. штаба, 1823; О просвещении киргиз-кайсаков // Северный архив. 1825. Ч. 18. № 24; Описание киргиз-казачьих, или Киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. 1–3. СПб.: Тип. К. Крайя, 1832; Прогулки русского в Помпеи. СПб.: Тип. И.П. Бочарова, 1843; Достопамятные минуты в моей жизни // Русский архив. 1885. Кн. 2. № 8.

Лит.: На память юбилея А.И. Левшина. СПб.: Тип. т-ва «Общая польза», 1868; Русский биографический словарь: Лабзина–Лященко. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1914. Т. 10.

4. С 1855 по 1859 г. председателем УК был Андрей Парфёнович **ЗАБЛОЦКИЙ-ДЕСЯТОВСКИЙ** (1808–1881). Действительный статский советник. Член-корр. Имп. СПб АН (1856). Окончил Имп. Московский университет (1831). Магистр математики (1831). С 1841 г. член УК, в 1855–1859 гг. — его председатель, с 1857 г. — директор департамента земледелия

⁶ Пример рассматриваемых вопросов, касающихся компетенции Комитета и его председателя, см. в работе М.В. Лоскутовой (2012).

⁷ С 1827 г. Свита И.Е.В. переименована в Генеральный штаб.

⁸ В 1837 г. МГИ приступило к разработке нового земельного кадастра.

и сельской промышленности МГИ. Редактор «Журнала Министерства государственных имуществ» (1841) и «Земледельческой газеты» (1853–1859), управляющий отделом статистики Русского географического общества, с 1875 г. — член Госсовета. В 1840-е гг. для сельских школ, устраиваемых МГИ, вместе с одним из первых действительных членов УК В.Ф. Одоевским (1803 или 1804–1869) издает журнал «Сельское чтение». Участник подготовки и проведения крестьянской реформы 1861 г. В 1841 г. составил записку об освобождении крестьян с земель, опубликованную только через 40 лет после написания под названием «О крепостном состоянии в России» в 4-м томе его мемуаров «Граф Киселев и его время...».

Соч.: Наставления о возделывании льна в северной и средней полосе России. СПб., 1844. (Прил. к «Журн. МГИ», ч. 10, № 3); То же. 2-е изд. СПб., 1854; Ручная книжка для грамотного поселянина. Изд. 9-е. СПб.: Тип. А. Якобсона, 1872; Обзорения государственных доходов России. СПб., 1868; Граф П.Д. Киселев и его время: Мат-лы для истории имп. Александра I, Николая I и Александра II. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1882. Т. 1–4.

Лит.: Андрей Парфенович Заблоцкий-Десятовский. (Материалы) // Русская старина. 1882. Т. 33. № 2; Заблоцкий-Десятовский, Андрей Парфенович // Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 12. СПб., 1894.

5. С 1856 по 1861 г. председателем УК был Пётр Александрович **ВАЛУЕВ** (1815–1890). Статс-секретарь, тайный советник, граф. Почётный член Имп. СПбАН (1875). Курляндский губернатор (1853–1859), директор 2-го департамента МГИ (1859–1860), министр внутренних дел (1861–1868), министр государственных имуществ (1872–1879), председатель Комитета министров (1879–1881). Член Госсовета (1868). Участвовал в проведении реформ — крестьянской (1861), земской (1864), по делам печати (цензурной) (1865) — и в подготовке несостоявшейся конституционной реформы. Автор повести «У Покрова в Лёвшине», романов «Ларин» и «Чёрный Бор». Выкупил в казну имение Петровское-Разумовское для организации в нём сельскохозяйственного вуза.

Соч.: Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. М.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. 1–2; Очерки из области естествознания. Одесса: В.В. Навроцкий, 1891; Современные задачи. М.: Типо-лит. И.М. Кушнирева и К°, 1886. [Вып. 1: Религия и наука.

Лит.: Валуев Петр Александрович // Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 5. СПб., 1891.

6. С 1863 по 1872 г. председатель УК назначен не был и председательствующим был старший по чину генерал-майор Виктор Семёнович **СЕМЁНОВ** (1809–1872). Тайный советник. Окончил Санкт-Петербургский лесной институт (1828). По окончании курса посетил ряд губерний России с целью ознакомления с лесным хозяйством страны. Был командирован за границу: слушал лекции в Лесной академии (Эберсвальд) и Берлинском университете. Ознакомился с устройством лесного управления и приемами лесного хозяйства в различных государствах Европы. С 1833 г. — преподаватель в Лесном институте (с 1858 г. — его директор). В 1859 г. был назначен вице-инспектором Корпуса лесничих. Последние два года жизни состоял председателем Имп. Лесного общества, в организации которого принимал активное участие. Президент Русского энтомологического общества (1865–1866). Редактировал «Памятную книжку для чинов губернского лесного управления» (1845–1846, ч. 1–2). Перевел «Курс древоводства» Альфонса Дю Брейля (1852, ч. 1–2).

Соч.: Лесоохранение: Руководство для офицеров корпуса лесничих. СПб.: Тип. МГИ, 1843; Таксация лесов: Руководство для офицеров корпуса лесничих. СПб.: Тип. МГИ, 1843; О вредных насекомых. СПб.: Тип. МГИ, 1845.

Лит.: *Собичевский В.С.* О первом председателе Лесного общества В.С. Семенове. СПб., [1898]; http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/Семенов.

7. С 1873 по 1887 г. председателем УК был профессор Егор Андреевич **ПЕТЕРСОН** (1809–1888). Тайный советник. Окончил Санкт-Петербургский лесной институт (1829), по окончании которого определён запасным лесничим при Лесном департаменте МГИ. В 1829 г. был назначен преподавателем математики в Лесной институт; в 1831 г. командирован за границу для усовершенствования в лесоводстве и с этой целью в 1834 г. был определён к Прусскому министерству финансов «для наблюдения таксационных комиссий в восточной Пруссии». В 1836 г. назначен учёным лесничим и профессором лесных наук в Лисинское учебное лесничество; в 1840 г. — членом комитета для составления нового «Лесного устава», в 1841 г. — учёным лесничим при 3-м департаменте МГИ, а в 1842 г. — членом УК МГИ и специального комитета министерства по лесной части. С организацией в 1843 г. в МГИ Лесного департамента занял место начальника отделения по устройству лесов и ведению правильного лесного хозяйства и редактора «Исторического обозрения управления государственными имуществами». Член комиссии для пересмотра «Лесного тарифа 1825 года», член Ветеринарного комитета и Мануфактурного совета. В 1864 г. назначен директором Санкт-Петербургского земледельческого института. В 1874 г. министр МГИ П.А. Валуев возложил на него председательство в комиссии по регулированию прав сервитута владельцев в казённых лесах Курляндской губернии. Собрал обширную библиотеку на русском и иностранных языках, которая после его смерти была передана в дар УК МГИ (ныне в Научной сельскохозяйственной библиотеке ВИР).

Соч.: Об основаниях, условиях и последствиях перевода барщинных хозяйств на наемно-рабочее положение в некоторых поместьях Ковенской губернии. СПб.: Тип. Л. Демиса, 1860.

Лит.: *Бобров Р.В.* Учёные лесоводы: профессор лесничества Е.А. Петерсон // Обзорная информация. 1998. Вып. 2–4.

8. С 1889 по 1897 г. председателем УК был профессор Иван Петрович **АРХИПОВ** (1839–1897). Тайный советник. Доктор технологии. Окончил Имп. Московский университет (1860). С 1867 г. — заведующий химическим отделением Имп. Московского технического училища (нынешнее МГТУ им. Н.Э. Баумана), с 1881 по 1883 г. — его директор. Разработал и внедрил несколько способов создания красящих веществ для текстильной промышленности: выделил в чистом виде ализарин, создал два вида ультрамина. Занимался вопросами развития шелководства на Кавказе, изготовления вин на юге России, разработкой способов контроля качества пищевых продуктов. Один из организаторов Политехнической выставки в Москве⁹ и директор её технического отдела в 1872–1897 гг. В 1883 г. перешёл на службу в МГИ в Санкт-Петербург в качестве члена Совета министра. Активно участвовал в обсуждении вопроса о строительстве первого в России нефтепровода в Бакинском районе. Под его руководством в 1894 г. была осуществлена коренная реформа структуры УК и созданы первые бюро комитета (Краткий..., 1899).

Соч.: Кровельный толь. М.: Тип. Грачева и К°, 1864 (в соавт.); О красящих веществах дербентской марены. М.: Университ. тип., 1869; Ультрамарин. Опыт исследования его состава. М.: [б.и.], 1874; О фальсификации вин. СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1887.

Лит.: *Анциупова Г.Н., Павлихин Г.П.* Ректоры МГТУ имени Н.Э. Баумана. М., 2000.

9. С 1898 по 1905 г. председателем УК был профессор Иван Александрович **СТЕБУТ** (1833–1923¹⁰). Тайный советник. Магистр сельского хозяйства (1865). Окончил Горьговецкий земледельческий институт (1854). Изучал за границей опыт рационального ведения

⁹ На основе которой будет создан Политехнический музей.

¹⁰ Умер от голода в год, когда агрономическая общественность столицы торжественно отметила его 90-летие.

сельского хозяйства. Один из основоположников русской агрономической науки, поборник женского образования в России и один из организаторов Высших женских (Стебутовских) сельскохозяйственных курсов в Санкт-Петербурге (1904). Разработал приемы известкования и гипсования почв и первую отечественную классификацию полевых культур. Рекомендовал удобрение почв и лесомелиоративные мероприятия. Преподавал в Горыгорецком земледельческом институте (1860–1864) и Петровской земледельческой и лесной академии (1865–1894), в которой организовал первую в России кафедру растениеводства и опытное поле (1866). В 1870-х гг. организовал опытное хозяйство в своем имении Кроткое Ефремовского уезда Тульской губ. Председательствовал на двух первых съездах по сельскохозяйственному опытному делу в 1901, 1902 г. Один из авторов справочника «Настольная книжка для сельских хозяев» (1875–1880, т. 1–3). Основатель и редактор (1869–1870) журнала «Русское сельское хозяйство». Опубликовал около 250 научных работ.

Соч.: Основы полевой культуры и меры к её улучшению в России. М., 1873–1879. Т. 1–2; Статьи о русском сельском хозяйстве, его недостатках и мерах к его усовершенствованию. 1857–1872; М.: А.Л. Васильев, 1883; Учебник частного растениеводства. Полеводство (Учение о полевой культуре). СПб.: А.Ф. Девриен, 1888; Избр. соч. в 2-х т. М.: Сельхозгиз, 1961–1962. Т. 1–2.

Лит.: *Балашев Л.Л.* Иван Александрович Стебут. М.: Наука, 1966; *Волков В.А., Куликова М.В.* Российская профессура. XVIII — начало XX в. Биологические и медико-биологические науки. Биогр. словарь. СПб.: РХГИ, 2003; *Биология в Санкт-Петербурге. 1703–2008: Энцикл. словарь.* СПб.: Нестор-История, 2011.

10. В 1905–1907 гг. врио председателя УК был Александр Александрович **ШУЛЬЦ** (1855–1922). Тайный советник. С 1890 г. — член УК, с 1906 г. — товарищ главноуправляющего землеустройством и земледелием. С 1917 г. — почётный член СХУК, с 1918 г. — учёный специалист Отдела прикладной ботаники и селекции СХУК. В 1908 г. под его председательством было проведено совещание по организации сельскохозяйственного опытного дела в России (Труды..., 1909), на котором был разработан и внесён в Думу законопроект «О сельскохозяйственных опытных учреждениях», Высочайше утверждённый с доработками и уточнениями в 1912 г. На основании положений закона областные учреждения государственной опытной сети начали создавать селекционные отделы. К 1915 г. в России открылось 12 специализированных селекционных станций, ещё 30 опытных станций и полей имели отделы селекции или занимались ею (Елина, 1997).

Соч.: Очерк современного положения садоводства в России. СПб.: Тип. В. Безобразова и К^о, 1885.

11. С 1907 по 1916 г. председателем УК был академик Имп. СПб АН князь Борис Борисович **ГОЛИЦЫН** (1862–1916)¹¹. Гофмейстер Высочайшего двора. Доктор философии (1890), профессор. Окончил Николаевскую морскую академию (1886) и Страсбургский университет (1896). Директор Физического кабинета АН (1894) и Николаевской главной физической обсерватории (1913; ныне Главная геофизическая обсерватория им. А.И. Воейкова). Управляющий Экспедицией заготовки государственных бумаг (1899–1905). Президент Международной сейсмической ассоциации (1911–1916). С 1915 г. товарищ председателя Комиссии по изучению естественных производительных сил России при Имп. СПб АН (КЕПС), с 1916 г. — начальник Военно-метеорологического управления. Во многом благодаря его энергии финансирование бюро УК возросло в несколько

¹¹ Князь «отличался от большинства учёных своего времени ярко выраженной способностью и потребностью в общественной и государственной деятельности» (Онопrienko, 2002, с. 96).

раз, и они превратились в полноценные научные учреждения (Регель, 1917), большинство из них начали регулярно издавать свои «Труды».

Соч.: Избранные труды. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 1–2.

Лит.: *Онопrienко В.И.* Борис Борисович Голицын, 1862–1916. М.: Наука, 2002.

12. С 1916 по 1917 г. председателем УК был профессор Сергей Михайлович **БОГДАНОВ** (1859–1920). Действительный статский советник. Окончил Киевский университет (1882). Доктор агрономии (1890). Совершенствовал образование в Германии и Австрии. Организовал при Киевском университете агрономическую лабораторию и практическое хозяйство на песчаной почве (хутор Богдановка Радомысльского уезда Киевской губ.), где производилось улучшение почвы для создания в неблагоприятных условиях выгодного сельскохозяйственного производства. С 1907 г. — член III Государственной думы от Киевской губернии; принадлежал к фракции националистов.

Соч.: Деятельность сельскохозяйственной комиссии IV Государственной думы. СПб., 1914; Плодородие почвы вообще и русских почв в частности. СПб., 1897; Второй отчёт о работах по изучению плодородия почв. СПб., 1898; Третий отчёт о работах по изучению плодородия почв. СПб., 1900; Плодородие почвы по новейшим данным. СПб.: Тип. А.В. Суворина, 1906; Иллюстрированный сельскохозяйственный словарь. Энциклопедия сельского хозяйства. Киев: Тип. П. Барского, 1891–1893. Вып. I–XII; Пшеницы Юго-Западного края. СПб.: Тип. В. Демакова, 1890; Возделывание картофеля: по данным науки и практики. СПб., 1903; Учебник агрономии. Изд. 2-е. СПб.: А.Ф. Девриен, 1914; Хозяин-практик. Пособие для начинающих сельских хозяев и для необходимых справок по всем отраслям практического сельского хозяйства. СПб.: А.Ф. Девриен, 1913.

Лит.: Биографический словарь деятелей естествознания и техники. М.: БСЭ, 1958. Т. 1; *Волков В.А., Куликова М.В.* Российская профессура XVIII — начало XX в. Биограф. словарь. СПб.: РХГИ, 2003.

13. Первым «выборным» председателем УК, реорганизованного после Февральской революции в СХУК, стал академик Имп. СПб АН Владимир Иванович **ВЕРНАДСКИЙ** (1863–1945). Доктор химии (1891). Окончил Имп. СПб университет (1885). В 1880-х гг. принимал участие в Полтавской экспедиции В.В. Докучаева. В 1905 г. участвовал в создании Конституционно-демократической (кадетской) партии и состоял членом её ЦК до 1918 г. Член Госсовета (1906, 1908–1911, 1915–1917). Председатель КЕПС (1915–1930) и одновременно с 12 апреля 1917 г. — председатель Комиссии по учёным учреждениям и научным предприятиям при Министерстве народного просвещения (Страницы..., 1981), с 1 августа 1917 г. — товарищ министра народного просвещения. Возглавлял СХУК очень непродолжительное время: 10 июня 1917 г. был избран председателем и 18 июля утверждён министром земледелия в этой должности. В скором времени В.И. оставил пост, «когда изгнал [как] тов[арищ] мин[истра] нар[одного] просв[ещения]»¹². Безуспешно добивался передачи Гатчинского дворца и прилегающей к нему территории под учреждения КЕПС и СХУК.

Соч.: Избранные сочинения: в 5 т. М.: Изд-во АН СССР, 1954–1960.

Лит.: *Волков В.А., Куликова М.В.* Российская профессура. XVIII — начало XX в. Биограф. словарь. СПб.: РХГИ, 2003; Биология в Санкт-Петербурге. 1703–2008: Энцикл. словарь. СПб.: Нестор-История, 2011.

14. В конце 1917 г. — начале 1918 г. и. о. председателя СХУК был Дмитрий Дмитриевич **АРЦЫБАШЕВ** (1873–1942). Учился в Московском университете, окончил Московский

¹² Архив Российской академии наук. Ф. 518. Оп. 2. Д. 7. Л. 54 (цит. по: Савина, 1995).

сельскохозяйственный институт (СХИ). В 1897–1901 гг. преподавал в Горьгорецком земледельческом училище. С 1907 г. — член УК и заведующий Бюро по сельскохозяйственной механике. В 1917–1922 гг. — заведующий Бюро иностранных сношений и зам. председателя СХУК. После революции на дендрологические работы Д.Д. Арцыбашева, как и на помологические И.В. Мичурина, СНК РСФСР выделил специальное финансирование (Горбунов, 1924). В 1925–1928 гг. — заведующий отделом натурализации древесных культур Института прикладной ботаники и новых культур (ИПБиНК). В конце XIX в. своём поместье около с. Мешерка (ныне Липецкая обл.) на площади около 4 га заложил парк, насчитывающий до 70 «иноземных пород деревьев и кустарников». В 1924 г. на его основе была организована Лесостепная опытно-селекционная станция¹³. Репрессирован. Работы «Ассортимент древесных пород и кустарников» и «Итоги акклиматизации древесных пород» не опубликованы.

Соч.: Сборка плугов. СПб.: Тип. под фирмой «Г.П. Пожаров», 1907; Сельскохозяйственное машиностроение в Соединенных Штатах Северной Америки и Канады. СПб.: Тип. «С.-х. вестника», 1909; Орудия и машины сельского хозяйства. 2-е изд. Пг.: А.Ф. Девриен, 1915; Стандартизация сельскохозяйственного инвентаря. М.: Гос. центр. склад НКЗ, 1923; Комбайны, их современные конструкции и значение. М.: Сельхозгиз, 1930; Механизация усадебного хозяйства в совхозах и колхозах. М.: Сельхозгиз, 1931; Декоративное садоводство (Новейшие достижения). М.: Сельхозгиз, 1941.

Лит.: Личное дело Д.Д. Арцыбашева в Архиве ВИР; *Вехов Н.* Мир цветочных фантазий профессора Арцыбашева // Цветоводство. 2004. № 4–6.

15. В 1918–1919 гг. и. о. Председателя СХУК был Николай Максимович **ТУЛАЙКОВ** (1875–1938?). Академик АН СССР (1932), действительный член ВАСХНИЛ (1935). Окончил Московский СХИ (1901) и работал в нём же. Ученик В.Р. Вильямса. Идеолог пропадной системы земледелия. В 1901–1907 гг. изучал почвы Муганской степи (Закавказье), Кавказа и вдоль Туркестанской железной дороги. Стажировался в Беркли (США), где изучал солонцовые почвы и практики сухого земледелия. Директор Безенчукской опытной станции (1910–1916), заведующий Бюро земледелия СХУК (1916–1919) и одновременно заведующий химической лабораторией Департамента земледелия (1916–1918). Позже заведующий кафедрой частного земледелия и проф. Саратовского СХИ (1919–1937), заведующий отделом полеводства Саратовской опытной станции¹⁴ (1919–1937), с 1925 г. — её руководитель. С 1925 г. — член оргкомитета по созданию ВАСХНИЛ, в 1929 г. — зам. президента сельскохозяйственной академии. Как член центрального бюро Всесоюзной ассоциации работников науки и техники для содействия социалистическому строительству в СССР (ВАРНТСО) с 1928 г. участвовал в организации Зернотреста и научных исследований на его опытных станциях в Поволжье, на Северном Кавказе, в Казахстане и Западной Сибири, а также в разработке проектов орошения Заволжья и выявлении «пахотопригодных земель» в Сибири, Казахстане, на Урале и в ряде других регионов. Почётный член ГИОА (1923), член-корреспондент Пражской земледельческой академии (1932). Лауреат премии им. В.И. Ленина (1929). Заслуженный работник науки РСФСР (1929). Член ВКП(б) с 1930 г. Репрессирован. Автор более 400 работ.

Соч.: О почвах. Сельскохозяйственные беседы. 6-е изд. М.: Изд-во НКЗ, 1922; Урожай и опытное дело. 1925; Борьба с засухой в зерновом хозяйстве. Л.: Изд-во АН СССР, 1933; Основы построения агротехники социалистического земледелия. М.: Сельхозгиз, 1936;

¹³ Ныне Мешерской лесостепной опытно-селекционной станции присвоен статус дендрологического парка федерального значения.

¹⁴ Реорганизована в Институт засухи ВАСХНИЛ (ныне НИИСХ Юго-Востока РАСХН).

Основы построения севооборотов зернового хозяйства засушливой зоны. М.: Сельхозгиз, 1937; Паровая обработка, и её значение для поднятия урожайности. Сталинград, 1933.

Лит.: Николай Максимович Тулайков (1875–1938). М.: ЦНХСБ, 1977; Биология в Санкт-Петербурге. 1703–2008: Энцикл. словарь. СПб.: Нестор-История, 2011.

16. В 1920–1922 гг.¹⁵ председателем СХУК был Владимир Иванович **КОВАЛЕВСКИЙ** (1848–1934). Тайный советник. Окончил Константиновское военное училище (1867) и Санкт-Петербургский земледельческий институт (1874). С 1882 г. — заведующий статистическим отделом МГИ, с 1884 г. — вице-директор Департамента окладных сборов Министерства финансов, с 1892 г. — директор Департамента мануфактур и торговли того же министерства, в 1900–1902 гг. — товарищ министра финансов, председатель комиссий по подготовке российских отделов на Всемирных выставках в Чикаго (1893) и Париже (1900). С 1903 г. в отставке, занимался предпринимательской деятельностью. С 1903 г. — товарищ, с 1906 г. по январь 1916 г. (три разрешенных Уставом срока) — председатель Имп. Русского технического общества. С 1882 по 1929 г., более 45 лет, был членом УК (СХУК, ГИОА). С августа 1922 г. — почётный председатель Совета ГИОА, на «3/4 или во всяком случае на 1/2» продолжавший работать директором (Научное..., 1980, с. 139). Бессменный редактор «Известий ГИОА» (1922–1928). Ввел географический принцип в изучение сельского хозяйства. Установил укорочение вегетационного периода сельскохозяйственных культур (хлебов) по направлению к северу, так называемый закон Ковалевского. Один из организаторов ВАСХНИЛ (Вавилов, 1935). Заслуженный работник науки РСФСР (1928). Организовал особую статистическую серию изданий «<...> год в сельскохозяйственном отношении» (1882–1917), возобновлённую в 1936 г. под названием «Сельское хозяйство в СССР» президентом ВАСХНИЛ А.И. Мураловым. Редактор книг «Производительные силы России» (1896), «Россия в конце XIX века» (1900), «Сельскохозяйственное опытное дело в РСФСР, 1917–1927» (1928); главный редактор «Полной энциклопедии сельского хозяйства и соприкасающихся с ним наук» (1900–1912), энциклопедии «Основы сельского хозяйства» (1923).

Соч.: Статистический очерк молочного хозяйства в северной и средних полосах Европейской России. СПб., 1879 (совмест. с И.О. Левицким); Историко-статистический обзор промышленности России. СПб.: Тип. Суворина, 1882; Основы культуры и технической переработки сахарного сорго. СПб.: Тип. В. Демакова, 1883; Цены на пшеницу на международном хлебном рынке. [Б. м.], 1895; Справочная книга русского сельского хозяина. 2-изд. СПб., 1896 (в соавт.); Из старых заметок и воспоминаний // Русское прошлое. СПб., 1991. Вып. 2.

Лит.: *Шенелёв Л.Е., Егоров В.С.* Заслуженный деятель науки РСФСР Владимир Иванович Ковалевский // Тр. по прикл. ботан., генет. и селекции. 1975. Т. 54. Вып. 1; Биология в Санкт-Петербурге. 1703–2008: Энцикл. словарь. СПб.: Нестор-История, 2011.

17. В 1923 г. последним 17-м председателем Совета (директором) ГИОА был избран Николай Иванович **ВАВИЛОВ** (1887–1943). Академик АН СССР (1929), действительный член ВАСХНИЛ (1935). Окончил Московский СХИ (1911), стажировался в Англии, Франции, Германии (1913–1914). Работал на Московской селекционной станции (1911–1917), с 1917 г. — приват-доцент Саратовских высших сельскохозяйственных курсов (с 1918 г. — профессор Саратовского СХИ), с ноября 1917 г. — помощник и в 1920–1929 гг. — заведующий Отделом прикладной ботаники и селекции СХУК (ГИОА), одновременно с 1924 г. — директор ИПБ и НК (с 1930 г. Всесоюзный институт растениеводства). Директор Института генетики АН СССР (1934–1940). Первый президент ВАСХНИЛ (1929–1935),

¹⁵ В 1922 г. избран председателем СХУК на новый пятилетний срок. Однако в связи с реорганизацией СХУК в ГИОА В.В. Ковалевский остался не у дел.

и.о. президента (1937–1938) и её вице-президент (1935–1940). Президент Всесоюзного географического общества (1931–1940). Руководил проведением Всесоюзной конференции по планированию генетико-селекционных исследований (1932). Создал учение об иммунитете растений; сформулировал закон гомологических рядов в наследственной изменчивости; установил очаги формообразования, или центры происхождения, культурных растений. Организатор и руководитель многочисленных экспедиций по сбору растительных ресурсов мира (1920–1940) и географических посевов (1923–1927). Один из первых лауреатов премии им. В.И. Ленина (1926). Член ВЦИК и ЦИК СССР (1926–1935). Почётный член многих иностранных академий и научных обществ. Репрессирован. Редактор «Теоретических основ селекции растений» (1935–1937). Осуществлял общее руководство изданием первых семи томов «Культурной флоры СССР».

Соч.: Иммуניתет растений к инфекционным заболеваниям. М.: Тип. Рябушинских, 1919; Земледельческий Афганистан. Л., 1929 (совмест. с Д.Д. Букиным); Проблема новых культур // Растениеводство. 1932. № 1; Научные основы селекции пшеницы М.; Л.: Сельхозгиз, 1935; Мировые ресурсы хлебных злаков, зерновых, бобовых, льна и их использование в селекции. Опыт агроэкологического обзора важнейших полевых культур. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957.

Лит.: *Волков В.А., Куликова М.В.* Российская профессура. XVIII — начало XX в. Биограф. словарь. СПб.: РХГИ, 2003; *Есаков В.Д.* Николай Иванович Вавилов: Страницы биографии. М.: Наука, 2008; *Гончаров Н.П.* Первые заведующие Бюро по прикладной ботанике и организаторы Госсорсети. Новосибирск: Акад. изд-во «Гео», 2009; Биология в Санкт-Петербурге. 1703–2008: Энцикл. словарь. СПб.: Нестор-История, 2011.

Бюро УК Министерства земледелия и государственных имуществ. После неурожая 1891–1892 гг. и вызванного ими голода¹⁶ в 1893 г. в МГИ был назначен новый министр — А.С. Ермолов¹⁷. Под его руководством в 1894 г. согласно Указу от 21 марта этого же года произошла реорганизация Министерства государственных имуществ в Министерство земледелия и государственных имуществ. В реорганизованном министерстве был создан Департамент земледелия (первый директор — профессор П.А. Костычев (Боркин, 2009)) и была проведена кардинальная реформа УК (Сельскохозяйственный..., 1919). При этом при Департаменте земледелия были организованы первые государственные опытные станции, а при УК «особого типа» научные и научно-опытные учреждения — бюро. После образования бюро на УК «было возложено обсуждение и разработка всяких вопросов, касающихся организации и деятельности опытных учреждений в России» (Сельскохозяйственный..., 1919, с. 7–8). Таким образом, из учреждения административно-совещательного УК становится «комплексом научно-исследовательских учреждений» (там же, с. 12). Каждым бюро заведовал член УК соответствующей специальности (Сельскохозяйственный..., 1914). Созданные по всем основным направлениям сельского хозяйства, эти бюро Комитета, стали играть в нём основную роль, и из учреждения административно-совещательного и занимавшегося

¹⁶ Голодом были охвачены шестнадцать губерний Европейской части России и одна в азиатской (Тобольская) с населением около 35 млн человек. «Избыточная» смертность от голода и сопутствовавших ему эпидемий только в 1892 г. составила около 400 тыс. человек.

¹⁷ Первый министр с высшим сельскохозяйственным образованием. Закончил Санкт-Петербургский земледельческий институт. Занимал пост министра земледелия и государственных имуществ с 1894 до 1905 г. Почётный академик Имп. СПб АН. Автор книги «Организация полевого хозяйства» (Ермолов, 1879 а, б), выдержавшей 5 изданий и переведённой на многие европейские языки.

разработкой вопросов по устройству опытных учреждений УК сам стал «комплексом научно-опытных учреждений» (Сельскохозяйственный..., 1919)¹⁸.

Создание бюро УК МЗиГИ — ключевой момент организации государственного научного обеспечения отрасли, так как их трансформация через отделы СХУК, реорганизованного в 1922 г. в ГИОА, привела к системе специализированных институтов ВАСХНИЛ (см. ниже краткую историю их трансформации). Важно, что основные поставленные перед бюро цели остались в задачах созданных на их основе институтов академии.

Бюро по энтомологии УК (с 1917 г. *Отдел прикладной энтомологии* СХУК, позже ГИОА) создано «для изучения и описания насекомых, вредных в полеводстве, домоводстве и садоводстве» (Сельскохозяйственное..., 1914, с. 254). В 1894 г. членом УК и первым заведующим Бюро был назначен Иосиф Алоизиевич Порчинский (1848–1916). После его смерти с 1916 г. заведующим Бюро стал профессор Владимир Петрович Поспелов (1872–1949). Издавались «Труды Бюро по энтомологии» (т. 1–11, 1906–1916; с 1921 г. — «Известия Отдела прикладной энтомологии»). В 1930 г. на основе этого отдела и Отдела микологии и фитопатологии ГИОА (см. ниже) был организован Институт борьбы с вредителями и болезнями растений (ныне ВНИИ защиты растений (ВИЗР))¹⁹.

Бюро по прикладной ботанике УК «должно было <...> заняться изучением наиболее устойчивых сортов важнейших сельскохозяйственных культур» (Сельскохозяйственное..., 1914, с. 255), позже само растение, «его культурные разновидности, географическое распространение этих последних, их селекция и вредящая им растительность» также вошли в задачи исследований (Сельскохозяйственный..., 1919, с. 20). В 1894 г. первым заведующим бюро был назначен директор Имп. Санкт-Петербургского ботанического сада, доктор ботаники, профессор Александр Федорович Баталин (1847–1896). После его смерти в 1896 г. до 1998 г. и. о. заведующего бюро состоял другой директор Имп. Санкт-Петербургского ботанического сада — доктор ботаники, профессор, известный специалист по головневым Александр Александрович Фишер фон Вальдгейм (1839–1920). В 1899 г. заведующим Бюро был назначен член-корреспондент Имп. СПб АН (с 1902 г. — академик) Иван Парфеньевич Бородин (1847–1930). Он заведовал бюро до 1904 года и в связи с переходом на работу в Ботанический музей Имп. СПб АН передал заведование бюро доктору садоводства, приват-доценту Роберту Эдуардовичу Регелю (1867–1920), который и руководил Бюро (с 1917 г. *Отделом прикладной ботаники и селекции* СХУК) до своей смерти в 1920 г. С 1920 г. членом СХУК и заведующим Отделом был избран профессор Н.И. Вавилов. Издавались «Труды Бюро по прикладной ботанике» (т. 1–10, 1908–1917; с 1918 г. — «Труды по прикладной ботанике и селекции»). В 1924 г. на основе части отдела прикладной ботаники и селекции ГИОА был организован Всесоюзный институт прикладной ботаники и новых культур (ИПБиНК). В 1930 г. Отдел прикладной ботаники ГИОА НКЗ РСФСР и ИПБиНК СНК СССР были объединены и реорганизованы во Всесоюзный институт растениеводства ВАСХНИЛ (ВИР).

¹⁸ Произошло это почти через сто лет после Указа императора Павла I об открытии в 1797 г. близ г. Павловска Санкт-Петербургской практической школы земледелия. В Указе отмечалось, что «по части сельского хозяйства различные подробности одними предписаниями без действительного опыта изъяснены и доказаны быть не могут» (Сельскохозяйственное..., 1914, с. 1). Школа просуществовала 5 лет и вскоре после убийства Павла I была закрыта.

¹⁹ Свод Законов СССР. 1929. № 42. Ст. 375.

В 1894 г. *Бюро по зоологии и зоотехнии* (с 1917 г. — *Отдел зоотехнии СХУК*, позже ГИОА) было «учреждено в целях: а) сообщения общественным учреждениям и частным лицам указаний, касающихся выбора пород, гигиены животных, кормления их, техники маслоделия и сыроварения, адресов хозяйств, имеющих племенных животных, и вообще удовлетворения всякого рода запросов по животноводству, пчеловодству, шелководству; б) изучения мало исследованных пород туземных животных, постановки разного рода опытов по животноводству и распространения зоотехнических знаний с помощью популярных брошюр; в) производства опытов по акклиматизации иностранных пород» (Сельскохозяйственное..., 1914, с. 256). Членом УК и заведующим Бюро в 1894 г. был избран профессор Николай Петрович Чирвинский (1848–1920). В 1898 г. он перешёл на работу в качестве профессора зоотехнии Киевского политехнического института, и его в 1900 г. сменил Павел Александрович Пахомов, руководивший бюро до перехода на работу инспектором сельского хозяйства Харьковской губернии. С 1908 г. заведующим Бюро (с 1917 г. — отделом СХУК, позже ГИОА) состоял профессор и директор Высших женских Стебутовских курсов Ефим (Ефимий) Федотович Лискун (1873–1958). Издавались «Труды бюро по зоотехнии» (т. 1–9, 1909–1917). На основе отдела организован Всесоюзный институт животноводства²⁰.

Подотдел промыслов — охотничьих вредных и полезных зверей и птиц Отдела зоотехнии СХУК исследовал «нашу фауну в целях защиты полезных животных от истребления» и заботился «об упорядочении охотничьего промысла» (Сельскохозяйственный..., 1919, с. 20). Им заведовала коллегия в составе заведующего Отделом зоотехнии Е.Ф. Лискуна и заведующего Лесным отделом М.Е. Ткаченко. В подотделе имелись: с 1915 г. два заповедника — Баргузинский и Саянский (самоликвидировался в 1919 г.) и с 1916 г. — Камчатская экспедиция. На базе подотдела организован Институт охоты и звероводства.

Организованное в 1895 г. *Бюро по земледелию и почвоведению УК* «имеет задачей изучение с сельскохозяйственной точки зрения культурных растений, почвы, удобрительных туков, а также разработку метода сельскохозяйственного опыта» (Сельскохозяйственное..., 1914, с. 256). Его возглавил профессор, создатель отечественной школы почвоведов Петр Самсонович Коссович (1862–1915). После его смерти заведующим бюро был избран Николай Максимович Тулайков, которого на короткое время сменил профессор Леонид Иванович Прасолов (1875–1954), с 1923 по 1927 г. заведующим Отделом СХУК (позже ГИОА) был профессор (с 1927 г. — академик АН СССР) Константин Дмитриевич Глинка (1867–1927). С 1928 г. заведующим снова стал Л.И. Прасолов. Издавались «Журнал опытной агрономии» (с 1900 г.) и «Сообщения Бюро по земледелию и почвоведению» (Вып. 1–25, 1909–1917). На базе Отдела и Московского почвенного института был организован Институт земледелия²¹.

Созданное в 1896 г. *Бюро по метеорологии УК* (с 1917 г. — *Отдел СХУК*, который в 1922 г. был временно закрыт и в 1926 г. восстановлен как *Бюро по сельскохозяйственной метеорологии ГИОА*) «выясняет влияние, оказываемое климатом и погодой на сельское хозяйство, и определяет условия успешной борьбы с атмосферными явлениями, вредными для сельского хозяйства» (Сельскохозяйственное..., 1914, с. 256). Преимущественно при опытных станциях и сельскохозяйственных учебных заведениях отдел «устроил» агрометеорологические станции, общим числом 125 (Сельскохозяйственный..., 1919). При отделе были организованы высшие курсы по агрометеорологии для лиц,

²⁰ СЗ СССР. 1929. № 42. Ст. 375.

²¹ Там же.

окончивших высшие учебные заведения, готовившие наблюдателей и руководителей агрометеостанций. Работой Бюро до 1917 г. руководил член УК, доктор метеорологии и физической географии, профессор (с 1916 г. — чл.-корр. Имп. СПб АН) Петр Иванович Броунов (1852/53–1927). В 1926 г. Бюро сельскохозяйственной метеорологии ГИОА возглавил С.И. Савинов²². Издавались «Труды по сельскохозяйственной метеорологии» (т. 1–19, 1901–1917). В 1930 г. Бюро было реорганизовано в агрометеорологический отдел ВИР (АГМО ВИР), в 1933–1938 гг. — в Агрометеорологический институт в составе Главной геофизической обсерватории (Биология..., 2011), с 1938 г. — опять в отдел ВИРА.

Созданное в 1899 г. *Бюро по промысловой зоологии и рыбоводству* УК «имеет задачей научное исследование вопросов, связанных с разведением рыб и других промысловых животных и производство опытов их разведения» (Сельскохозяйственное..., 1914, с. 257). Его возглавил Оскар Андреевич Гримм (1845–1920), с 1886 г. редактировавший «Вестник рыбопромышленности». Бюро реорганизовано в *Отдел рыболовства и научно-промысловых исследований* (и. о. заведующего отделом Валериан Иванович Мейснер (1879–1933)), выделенный в 1917 г. из бывшего Отдела рыбоводства и охоты Министерства земледелия. При Отделе имелись две ихтиологические лаборатории — Бакинская и Хабаровская, Никольский рыбоводный завод (Демянский уезд Новгородской губернии) (Сельскохозяйственный..., 1919). В 1922–1930 гг. заведующим *Отделом прикладной ихтиологии* ГИОА был профессор Лев Семенович Берг (1876–1950)²³. На базе Отдела и Московского института рыбного хозяйства организован Институт рыбного хозяйства²⁴.

В 1907 г. из Бюро по прикладной ботаники выделилось *Бюро по микологии и фитопатологии* УК (с 1917 г. — одноименный *Отдел* СХУК, позже ГИОА), которое «имеет своей задачей борьбу с грибными паразитами на растениях» (Сельскохозяйственное..., 1914, с. 258). Им с момента основания до 1929 г., то есть реорганизации в ВИЗР, руководил профессор (с 1923 г. — чл.-корр. РАН) Артур Артурович Ячевский (1863–1932). Издавались «Труды Бюро по микологии и фитопатологии» (т. 1–12, 1908–1916), «Ежегодник сведений о болезнях и повреждениях культурных и дикорастущих полезных растений» (1904–1917). Отдел фитопатологии и микологии вошёл в качестве составной части в ВИЗР²⁵.

В 1907 г. «учреждено для разработки методов испытания сельскохозяйственных машин и орудий и для испытания материалов, употребляемых для их сооружения» (Сельскохозяйственное..., 1914, с. 258–259) *Бюро по сельскохозяйственной механике* УК (с 1917 г. — *Отдел машиноведения* СХУК, позже ГИОА). Его возглавил Д.Д. Арцыбашев, руководивший Бюро до 1917 г. В 1917–1920 гг. и. о. заведующего отделом был Ювеналий Александрович Вейс (1878–1950). При Отделе имелись 4 машиноиспытательные станции: Средне-Рогатская, Акимовская (Таврическая губ.), Капланбекская и Омская (Сельскохозяйственный..., 1919). К 1917 г. в структуре Бюро было 11 отделений²⁶. Издавались «Известия Бюро по сельскохозяйственной механике» (т. 1–7(9), 1909–1915(7)). На базе отдела и Института

²² Центральный государственный архив научно-технической документации Санкт-Петербурга (ЦГАНТД СПб). Ф. 179. Оп. 1–1. Д. 511. Л. 7.

²³ В 1922–1929 гг. одновременно зам. директора ГИОА. С 1928 г. — чл.-корр. РАН.

²⁴ СЗ СССР. 1929. № 42. Ст. 375.

²⁵ СЗ СССР, 1929. №42. Ст.375.

²⁶ http://agroingeneria.narod.ru/history/history_0.htm

сельскохозяйственной механики при НТУ ВСНХ СССР в 1930 г. организуется Институт механизации сельского хозяйства.

Созданное в 1911 г. «для изучения культурных растений с точки зрения их питания и отношения к внешним факторам роста» (Сельскохозяйственное..., 1914, с. 259) **Бюро по частному растениеводству** (с 1917 г. — Отдел СХУК, позже ГИОА) возглавил член УК, с 1910 г. профессор, Николай Квинтилианович Недокучаев (1872—?). Издавались «Сообщения Бюро по частному растениеводству» (т. 1–2, 1914–1915). В 1930 г. бюро войдет в состав Института земледелия²⁷.

Созданной в 1901 г. **Учебной комиссией** УК (с 1907 г. — **Учебное бюро** УК) руководил член Совета министра МЗиГИ, тайный советник Сергей Николаевич Ленин (1860–1919). Одновременно в 1902–1905 гг. он был директором Департамента земледелия МЗиГИ. «Задачей его [бюро. — Н.Г.] является разрешение вопросов по организации и учреждению сельскохозяйственных учебных заведений, выработки уставов и программ сельскохозяйственных учебных заведений всех ступеней и типов, составлению планов хозяйств на показательных участках при школах, заложению питомников культурных растений и т.п.» (Сельскохозяйственное..., 1914, с. 260). Издавался журнал «Сельскохозяйственное образование» (т. 1–4, 1914–1917). После Февральской революции Бюро самоликвидировалось.

В 1895 или 1894 г. планировалось создать **Бюро по бактериологии** УК, которое «имеет целью изучение способов борьбы с вредными для сельского хозяйства животными и растительными организмами при помощи микроорганизмов» (Сельскохозяйственное..., 1914, с. 252). Однако вместо бюро при Министерстве была создана **Бактериологическая лаборатория**, которую возглавил Александр Евгеньевич Феоктистов (1860—?) и руководил до 1909 г. Его сменил Михаил Гаврилович Тартаковский (1867–1935). С 1903 г. при лаборатории была создана Центральная лаборатория в г. Томске с филиальными лабораториями в городах Каинске, Змеиногорске, Барнауле, Кургане и Омске (Сельскохозяйственное..., 1914). В 1917 или 1918 г. Бактериологическая лаборатория была переподчинена СХУК и на ее базе было организован **Отдел бактериологии** во главе с её бывшем заведующим М.Г. Тартаковским (Сельскохозяйственный..., 1919). В 1923 г. отдел преобразовывается в Отдел сельскохозяйственной микробиологии ГИОА во главе с чл.-корр. РАН (с 1923 г. академиком) Сергеем Павловичем Костычевым (1877–1931). На базе отдела создан Институт сельскохозяйственной микробиологии.

Созданную в 1896 г. при УК **Постоянную комиссию по сельскохозяйственному опытному делу** (с 1917 г. **Отдел опытных учреждений** СХУК, позже ГИОА), определявшую правовые основы организации и деятельности опытных учреждений в Российской империи и осуществляющую повседневное руководство их работой, возглавил Александр Александрович Шульц. После его отставки 1 сентября 1917 г. исполнение обязанностей заведующего отделом на какое-то время перешло к Н.М. Тулайкову (Сельскохозяйственный..., 1919). (После переезда Правительства в Москву, в июле 1918 г. в Наркомземе РСФСР создается Опытный отдел, который не только дублировал работу Отдела опытных учреждений СХУК, но и принял на себя часть других функций Комитета). Н.М. Тулайкова на посту заведующего сменил проживавший и работавший в Москве профессор Алексей Григорьевич Дояренко (1874–1958), развивший колоссальную активность по сохранению сельскохозяйственного опытного дела в послереволюционной России. В 1918 г. он организовал и возглавил два бюро — Бюро

²⁷ СЗ СССР. 1929. № 42. Ст. 375.

по защите опытных учреждений и Бюро Всероссийских съездов по опытному делу (Труды..., 1919), задачи и даже название первого из них не предвещали ему долгой жизни при новой власти. Бюро Всероссийских съездов по опытному делу ликвидируется в 1923 г. с принятием нового положения о сельскохозяйственном опытном деле (Елина, 1997). Комиссией были организованы и проведены 1-й и 2-й съезды (1901, 1902) и совещание (1908) по сельскохозяйственному опытному делу. К 1915 г. число сельскохозяйственных опытных учреждений достигло 286, а контрольно-семенных станций — 35 (Сельскохозяйственный..., 1919); после реорганизации 1923 г. останется только их меньшая часть (Елина, 1997)²⁸.

Огородничество, плодоводство и декоративное садоводство входят в компетенцию **Отдела садоводства СХУК**, организованного в 1918 г. В отличие от прочих отделов им заведовало не лицо, а в соответствии с велением революционного времени коллегия в составе трёх человек: А.А. Ячевского (председатель), Р.Э. Регеля и А.А. Шульца. Отдел состоял из трёх подразделов: **Огородничества СХУК** (заведующий Анатолий Александрович Фриде), **Плодоводства СХУК** (заведующий — профессор Адам Станиславович Гребницкий-Докторович (1857–1941)) и **Декоративного садоводства СХУК** (заведующий — чл.-корр. Имп. СПб АН²⁹ Владимир Леонтьевич Комаров (1869–1945)) (Сельскохозяйственный ..., 1919).

Бюро лекарственных растений первоначально было организовано в 1916 г. при бывшем Управлении верховного начальника санитарной и эвакуационной части, занималось изучением «вопросов, связанных с использованием лекарственных растений для лечебных целей» (Сельскохозяйственный ..., 1919, с. 20). В 1918 г. оно было передано сначала в ведение Совета врачебных коллегий, а затем — в СХУК. В составе СХУК им заведовал также комитет, состоящий из заведующих другими отделами: А.А. Ячевский (председатель), Р.Э. Регель, Н.П. Недокучаев и М.Г. Тартаковский. При Бюро состояли — склад лекарственных растений, Отдел лекарственных растений Санкт-Петербургского ботанического сада, Юрьевский завод и Курсы по лекарственным растениям (имение Большие Летцы Витебской губ.) (Сельскохозяйственный ..., 1919). Бюро послужило основой для создания в 1931 г. **НИИ по душистым и лекарственным растениям** (ныне ВНИИ лекарственных и ароматических растений).

Лесной отдел организован в 1905 г. первоначально в структуре Лесного департамента ГУЗиЗ (в 1917 г. Отдел передан в СХУК), занимался вопросами «опытного лесоводства в широком смысле слова» (Сельскохозяйственный..., 1919, с. 20). Первым заведующим был избран один из основоположников отечественного лесоводства, профессор Михаил Елевферьевич Ткаченко (1878–1950) (Сельскохозяйственный..., 1919).

Статистико-экономический отдел СХУК, образованный в 1917 г., занимался вопросами экономики и статистики, «касающихся интересов сельского хозяйства» (Сельскохозяйственный ..., 1919, с. 20). Заведующим отделом был избран профессор Александр Аркадьевич Кауфман (1864–1919), один из организаторов и лидеров партии кадетов, с 1919 г. — профессор Иван Федорович Макаров (1878–1971) (с сентября 1923 г. по 24 октября 1925 г. отдел временно закрывался).

²⁸ Однако уже в 1934 г. в ВАСХНИЛ опять будет «407 опытных учреждений, в том числе 111 институтов, 206 зональных специализированных станций, 26 комплексных станций, 36 селекционных центров и 28 филиалов общих институтов на периферии» (Всесоюзная..., 1937, с. 307).

²⁹ с 1920 г. — академик РАН, в 1930–1936 гг. — вице-президент и в 1936–1945 гг. — президент АН СССР.

Главную задачу *Критико-библиографического бюро* СХУК, организованного во второй половине 1918 г., составляла «регистрация литературы по сельскому хозяйству и меры поощрения к развитию таковой» (Сельскохозяйственный ..., 1919, с. 21). Заведующим бюро был профессор Сергей Павлович фон Глазенап (1848–1937)³⁰, помощником — Александр Дмитриевич Педашенко (1864–1925) — составитель знаменитых указателей по сельскохозяйственной литературе России конца XIX — начала XX в. С 1925 г. — заведующий бюро Николай Александрович Энгельгард (1866–?), продолживший составление указателей (Назаренко, 2009). С организацией ВАСХНИЛ функции бюро перешли к ее Фундаментальной сельскохозяйственной библиотеке (директор с 1929 г. — Наталья Николаевна Полозова), первое время имевшей функции исследовательского института, занимавшегося информационным обеспечением отрасли.

Организованным в послереволюционный период **Отделом популяризации СХУК** до его закрытия в 1922 г. заведовал И.Ф. Сорин. В начале 1930-х гг. в ВАСХНИЛ будет заново организован Институт пропаганды и массового опытничества.

В 1925 г. в ГИОА передается **Бюро по сортоиспытанию и районированию сортов**, реорганизованное из созданного в 1922 г. профессором Виктором Викторовичем Талановым (1871–1936) Бюро по введению и распространению новых сортов полевых растений Наркомзема и Американского комитета помощи «Джойнт» (Гончаров, 2002). Бюро стало 3-й составляющей единой государственной системы «сорт — госприемка — семена». Сотрудники бюро под руководством В.В. Таланова организуют сеть сортоучастков, разрабатывают методики проведения сортоиспытания для различных культур, основы апробации и всесторонней оценки сортов, создают «Сортовую книгу СССР» (Батыренко, 1930). В 1930 г. Бюро переименовывается в Отдел по сортоиспытанию и передается в ВИР.

Однако реформирование УК не было доведено до конца: А.С. Ермолов (1892) считал необходимым создание при нём Центрального сельскохозяйственного института. В 1900 г. вторично вопрос об организации Института опытной агрономии был поднят вице-президентом Имп. Вольного экономического общества, академиком А.С. Фаминцыным (1900). Однако только после очередного неурожайного 1906 г. к этому вопросу вернулись, и в 1910 г. в законодательные органы страны был внесён проект преобразования УК в Сельскохозяйственный учёный комитет (СХУК) с учреждением при нём Института опытного земледелия (Сельскохозяйственный..., 1919). В 1916 г. законопроект о преобразовании УК в СХУК с Институтом опытной агрономии, который был одобрен Государственной думой (О преобразовании..., 1916), но, вероятно, из-за отсутствия денег не был Высочайше утверждён. После Февральской революции 1917 г. УК был реорганизован в СХУК, но без создания Института опытной агрономии при нём. Однако согласно «Временному положению о СХУК», преобразованные из бюро отделы становятся практически исследовательскими институтами и подразделяются на соответствующие задачам каждого подотделы, отделения и бюро, при них состоят лаборатории, испытательные, наблюдательные и опытные станции, музеи, библиотеки и прочие вспомогательные учреждения.

В апреле 1918 г. при участии РАН были составлен проект «О преобразовании Сельскохозяйственного учёного комитета и его особых научно-опытных и специальных отделов в Российский институт сельскохозяйственных наук»³¹. В апреле-мае 1918 г.

³⁰ Астроном, почётный член АН СССР (1929), Герой Труда (1932), один из организаторов Русского астрономического общества.

³¹ Архив АН СССР. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 165 (цит. по: Бастракова, 1973).

Опытный отдел Наркомпроса, ведавший со времён Временного правительства всеми научными учреждениями страны, в том числе РАН и СХУК, согласовал с Наркомземом и передал на утверждение в Совнарком проект организации такого института. 21 мая 1918 г. СНК под председательством В.И. Ленина признавал необходимым его создание. Вероятно, начавшаяся Гражданская война и изменение приоритетов власти в это время не позволили претворить в жизнь и этот проект.

В июне 1922 г. был наконец осуществлен принятый Госдумой ещё в 1916 г., но не получивший силу закона (потому что не был Высочайше утвержден) проект реорганизации СХУК и создания при нём Государственного института опытной агрономии (О преобразовании..., 1916). Однако в новом варианте ГИОА поглотил СХУК, так как часть основных функций последнего по руководству сельскохозяйственным опытным делом в стране на тот момент времени явочным порядком уже перешла к Опытному отделу НКЗ (Елина, 2008).

30 декабря того же 1922 г. на I съезде Советов на основе предложения президиума съезда, озвученного Г.И. Петровским (I съезд..., 1923), было принято постановление организовать в Москве «Центральный Научный Институт Сельского Хозяйства с отделениями во всех союзных республиках» (Постановления..., 1923, с. 8). Несмотря на то что «завету Ильича» (идее создания такого института, трансформировавшейся в августе 1924 г. в проект организации Ленинской академии сельскохозяйственных наук) были открыты все пути и за его исполнением с этого времени следил управделами СНК Н.П. Горбунов, от принятия постановления Президиума ЦИК от 8 августа 1924 г. о создании ВАСХНИЛ³² до реализации его (см. постановление Совнаркома СССР от 25 июня 1929 г.³³) прошло ещё пять лет.

При рассмотрении вопроса становления Ленинской сельскохозяйственной академии сразу же бросается в глаза потрясающая организационная преемственность ГИОА и ВАСХНИЛ³⁴. ВАСХНИЛ унаследовала не только преемственность руководства ГИОА, но и преемственность между отделами ГИОА и её будущими специализированными институтами (табл. 2). В январе 1929 г., выступая на Всесоюзном агрономическом съезде с планом создания ВАСХНИЛ, Н.И. Вавилов (1929) подчеркнул преемственность между будущими институтами академии и существующими отделами и бюро ГИОА. Только пять (два из которых были экономического профиля) из первых 12 институтов ВАСХНИЛ³⁵, «развёрнутых» согласно решению постановлению СМ СССР от 25 июня 1929 г., не были из его структуры. Кроме того, было решено «передать Академии, в согласии с правительством Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, Государственный Институт Опытной Агрономии Российской Социалистической Федеративной Советской Республики со всеми его учреждениями и станциями»³⁶. Позже в академию был включён также ряд институтов Наркомзема и других наркоматов и организовано несколько десятков новых институтов (Все-союзная..., 1937).

³² СЗ СССР. 1925. № 39. Ст. 289.

³³ СЗ СССР. 1929. № 42. Ст. 375.

³⁴ ЦГАНТД СПб. Ф. 179. Оп. 1–1. Д. 349. Л. 85–87 об.

³⁵ При этом 12-м институтом был Всесоюзный институт растениеводства, созданный на базе организованного в 1924 г. «как первое звено» академии ИПБиНК СНК СССР и Отдела прикладной ботаники ГИОА.

³⁶ СЗ СССР. 1929. № 42. Ст. 375.

Таблица 2

Преемственность учреждений УК, ГИОА и первых институтов ВАСХНИЛ

Бюро УК (год организации)	Подразделение ГИОА (с 1922 г.)	Институт ВАСХНИЛ (директор)
Бюро прикладной энтомологии (1894)	Отдел прикладной энтомологии	Институт борьбы с вредителями и болезнями (ВИЗР)
Бюро по прикладной ботанике (1894)	Отдел прикладной ботаники и селекции + ИПБиНК	Всесоюзный институт растениеводства (ВИР, дир. Н.И. Вавилов*)
Бюро по зоотехнии (1894)	Отдел зоотехнии	Институт животноводства (дир. Е.Ф. Лискун*)
	Подотдел промыслов — охотничьих вредных и полезных зверей и птиц	Институт охоты и звероводства**
Бюро по земледелию и почвоведению (1895)	Отдел земледелия и почвоведения	Институт земледелия
Бюро по метеорологии (1896)	Бюро по сельскохозяйственной метеорологии	Агрометеорологический отдел ВИР (зав. С.И. Савинов)
Бюро по промысловой зоологии и рыбоводству (1899)	Отдел прикладной ихтиологии	Институт рыбного хозяйства (дир. Н.М. Книпович*)
Бюро по микологии и фитопатологии (1907)	Отдел микологии и фитопатологии	ВИЗР
Бюро по сельскохозяйственной механике (1907)	Отдел машиноведения	Институт механизации сельского хозяйства (дир. В.А. Трифонов*)
Комиссия по сельскохозяйственному опытному делу (?)	Отдел опытных учреждений***	—
Бюро по растениеводству (1911)	Отдел частного растениеводства	Институт земледелия
Бактериологическая лаборатория при МЗиГИ (1894 или 1895)****	Отдел с.-х. микробиологии	Институт с/х микробиологии** (дир. С.П. Костычев)
Лесной отдел при Лесном департаменте МЗиГИ (1905)****	Лесной отдел	Институт лесокультур и агромерлиорации** (дир. М.Е. Ткаченко)
—	Статистико-экономический отдел	?
—	Отдел садоводства:	?
	а) подотдел огородничества	Отдел огородничества ВИР
	б) подотдел плодоводства	Отдел плодоводства ВИР
	в) подотдел декоративного садоводства	?
—	Бюро лекарственных растений	Институт по душистым и лекарственным растениям**
Библиотека УК (1838)	Критико-библиографическое бюро	Фундаментальная с.-х. библиотека (дир. Н.Н. Полозова*)
—	Бюро по сортоиспытанию и районированию (1925)	Бюро районирования и стандартизации ВИР (зав. В.В. Таланов)

* Директора большинства первых институтов избраны 18 июня на заседании Президиума ВАСХНИЛ под председательством Н.П. Горбунова, в присутствии членов президиума В.П. Бушинского, Н.М. Тулайкова, И.Е. Клименко, В.А. Трифонова (ЦГАНТД СПб. Ф. 318. Оп.1—1. Д. 302. Л. 3—5).

** Вторая очередь создаваемых институтов.

*** Ликвидировано в 1923 г. в связи с передачей функций в Опытный отдел НКЗ РСФСР.

**** Подразделения непосредственно подчиненные соответствующим департаментам МЗиГИ.

? — нет информации.

Приведённые выше данные позволяют сделать заключение, что система институтов ВАСХНИЛ возникла на основе хорошо отлаженной, сбалансированной по отраслям аграрной науки системы отделов ГИОА (бывших специализированных бюро УК (СХУК) министерства земледелия) и имела уже сложившиеся богатые традиции научных исследований, как экспериментальных, так и теоретических (см., например: Достижения..., 1929). И хотя ряд членов нынешней сельскохозяйственной академии³⁷ пытаются вывести «родословную» академии из Имп. Московского сельскохозяйственного общества (Жученко, 2004; Никонов, 1995), для этого нет никаких оснований.

***Благодарности.** Считаю своим приятным долгом поблагодарить Фёдора Николаевича Эрка (Северо-Западный НИИ механизации и электрификации сельского хозяйства Россельхозакадемии, г. Санкт-Петербург—Пушкин) за помощь в поисках информации, представленной в табл. 1.*

Литература

- I съезд Советов Союза Советских Социалистических Республик (Стенографический отчет) // I съезд Советов Союза Советских Социалистических Республик (Стенографический отчет с приложениями). М.: Изд. ЦИК СССР, 1922. С. 1—24.
- Академическое дело. 1929—1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 1: Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. СПб., 1993. 296 с.
- Академическое дело, 1929—1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 2: Дело по обвинению академика Е.В. Тарле. Ч. 1—2. СПб., 1998. 746 с.
- Бастракова М.С.* Становление советской системы организации науки (1917—1922). М.: Наука, 1973. 295 с.
- Батыренко В.Г.* Задачи и основные принципы организации государственного сортоиспытания // Труды Всесоюзного съезда по селекции, генетике, семеноводству и племенному делу. Т. 5: Семеноводство и сортоизучение. Л.: Изд. редколлегии съезда, 1930. С. 5—12.
- Биология в Санкт-Петербурге. 1703—2008: Энциклопедический словарь / отв. ред. Э.И. Колчинский; сост. Э.И. Колчинский, А.А. Федотова. СПб.: Нестор-История, 2011. 568 с.
- Боркин Л.Я.* П.А. Костычев (1881—1890): конкуренция как фактор смены растительных сообществ // Историко-биологические исследования. 2009. Т. 1. № 1. С. 66—84.
- Вавилов Н.И.* Успехи научно-исследовательского дела // Сельскохозяйственная газета. 1929. 19 февр.
- Вавилов Н.И.* Памяти В.И. Ковалевского // Природа. 1935. № 1. С. 88—89.
- Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина (ВАСХНИЛ) // Сельскохозяйственная энциклопедия. 2-е изд. М.—Л.: Сельхозгиз, 1937. Т. 1. С. 307—308.
- Гарвуд А.* Обновленная земля: Сказание о победах современного земледелия в Америке / в сокращ. излож. проф. К.А. Тимирязева. М.: Тип. тов-ва И.Д. Сытина, 1909. 226 с.
- Гончаров Н.П.* «Откуда есть пошла» ВАСХНИЛ, или 165 лет государственной организации аграрной науки в России // Сибирский вестник сельскохозяйственной науки. 2004. № 4. С. 119—130.

³⁷ После распада СССР Указом Президента Российской Федерации от 30 января 1992 года № 84 ВАСХНИЛ и РАСХН объединены в единую Российскую академию сельскохозяйственных наук. Члены ВАСХНИЛ, проживающие и работающие на территории России, официально «признаны членами РАСХН» (Романенко, 2004, с. 5).

Гончаров Н.П. Организатор системы государственного сортоиспытания и выдающийся селекционер (130 лет со дня рождения В.В. Таланова) // Информационный вестник ВОГИС. 2002. № 20. С. 6–13.

Горбунов Н.П. Ленин и научно-техническая работа // Великий строитель. Памяти В.И. Ленина. М., 1924. С. 66–69.

Горбунов Н.П. Как Ленин помогал изобретателям // Изобретатель. 1934. № 1. С. 8–9.

Достижения и перспективы в области прикладной ботаники, генетики и селекции. Л.: Изд. ВИПБиНК, 1929. 662 с.

Елина О.Ю. Сельскохозяйственные опытные станции в начале 1920-х гг.: Советский вариант реформы // На переломе: Советская биология в 20–30-х годах / под ред. Э.И. Колчинского. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 1997. Вып. 1. С. 27–85.

Елина О.Ю. От царских садов до советских полей: История сельскохозяйственных опытных учреждений. XVIII — 20-е годы XX в.: В 2 т. Т. 2. М., 2008. 488 с.

[*Ермолов А.С.*] Неурожай и народное бедствие. СПб.: Тип. В. Киршинбаума, 1892. 271 с.

Ермолов А.С. Организация полевого хозяйства. Т. 1: Система полеводства. СПб.: Изд-во А.Ф. Девриена, 1879а. 239 с.

Ермолов А.С. Организация полевого хозяйства. Т. 2: Севообороты. СПб.: Изд-во А.Ф. Девриена, 1879б. 207 с.

Есаков В.Д. Николай Иванович Вавилов: Страницы биографии. М.: Наука, 2008. 280 с.

Жученко А.А. Связь времен и поколений // Сельскохозяйственная биология. Сер. Биология растений. 2004. № 3. С. 3–15.

Каганович Б.С. Начало трагедии // Звезда. 1994. № 12. С. 124–144.

Колчинский Э.И. Предисловие // Биология в Санкт-Петербурге. 1703–2008: Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 4–16.

Кольцов А.В. Выступления учёных в защиту Академии наук. 1917–1929 гг. // На переломе. Вып. 1. Советская биология в 20–х–30-х годах / под ред. Э.И. Колчинского. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 1997. С. 86–93.

Краткий отчет о деятельности Учёного комитета Министерства земледелия и государственных имуществ за время с 30 марта 1898 г. по 30 марта 1899 г. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1899. 63 с.

Лоскутова М.В. «Влияние лесов на обмеление рек есть только недоказанная гипотеза»: прикладная наука и государственная политика по управлению лесным хозяйством Российской империи второй четверти XIX в. // Историко-биологические исследования. 2011. Т. 4. № 1. С. 9–32.

Мироснос А.А. Учёные комитеты и советы министерств и ведомств России в XIX в.: задачи, структура, эволюция. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2000. 225 с.

Назаренко В.И. Предыстория создания ВАСХНИЛ // АПК: экономика, управление. 2009. № 9. С. 31–35.

Научное наследство. Т. 5. Николай Иванович Вавилов. Из эпистолярного наследия 1911–1928 гг. М.: Наука, 1980. 428 с.

«Наше положение хуже каторжного». Первые выборы в Академию наук СССР // Источник. 1996. № 3. С. 109–140.

Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.). М.: Энциклопедия российской деревень, 1995. 574 с.

О преобразовании Учёного комитета Министерства земледелия в Сельскохозяйственный учёный комитет с Институтом опытной агрономии и о введении временного расписания должностей и окладов по сим учреждениям (В Государственную думу) // [Журнал заседаний Учёного комитета № 1645, 20 окт. 1916 г.]. Б. м., 1916. 44 с. (Министерство земледелия).

Онопrienко В.И. Борис Борисович Голицын, 1862–1916. М.: Наука, 2002. 336 с.

Основы сельского хозяйства. Энциклопедия. Пг.: Новая деревня, 1923. Т. 1–4.

Перченков Ф.Ф. Академия наук на «великом переломе» // Звенья. Исторический альманах. 1991. Вып. 1. С. 163–234.

Перченко Ф.Ф. «Дело Академии наук» и «великий перелом» в советской науке // Трагические судьбы: репрессированные учёные Академии наук СССР. М.: Наука, 1995. С. 201–235.

Полная энциклопедия сельского хозяйства и соприкасающихся с ним наук. СПб.: Изд-во А.Ф. Девриена, 1900–1912. Т. 1–12.

Положение об Учёном комитете Министерства государственных имуществ. СПб., [б.г.], 21 с.

Постановление о создании Центрального Народного Института Сельского Хозяйства // I съезд Советов Союза Советских Социалистических Республик (Стенографический отчет с приложениями). М.: Изд. ЦИК СССР, 1922. С. 8.

Производительные силы России. Краткая характеристика различных отраслей труда — соответственно классификации выставки. СПб.: Тип. Лейферта и др., 1896. 1249 с.

Регель Р. Князь Борис Борисович Голицын. 18 февраля 1862 — 4 мая 1916 // Труды Бюро по прикладной ботанике. 1917. Т. 10. № 1. С. 3–9.

Романенко Г.А. [Предисловие] // Российская академия сельскохозяйственных наук. Биографическая энциклопедия / отв. сост. И.В. Боровских; ред. Г.А. Романенко. Тула: Гриф и К°, 2004. С. 5.

Россия в конце XIX века. СПб.: Брокгауз—Ефрон, 1900. 968 с.

Савина А.Г. Чистые линии (В.И. Вернадский о Н.И. Вавилове) // Трагические судьбы: репрессированные учёные Академии наук СССР. М.: Наука, 1995. С. 7–45.

Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет его деятельности, 1837–1912 гг. Пг.: ГУЗиЗ, 1914. 397 с.

Сельскохозяйственное опытное дело в РСФСР, 1917–1927. Л.: ГИОА, 1928. 320 с.

Сельскохозяйственный учёный комитет: Краткий очерк его деятельности и задач. М.—Пг.—Киев: Изд. отдел НКЗ, 1919. 63 с.

Список лиц, служащих по ведомству Главного управления землеустройства и земледелия: 1907 г. СПб.: Русская скоропечатня, 1907. 1040 с.

Список личного состава: Центральные учреждения. Петроград: Министерство земледелия. Пг., 1914. 290 с.

Список сельскохозяйственных опытных и контрольных учреждений. К 1-му января 1915 года. Пг.: Типо-литогр. М.Ф. Фроловой, 1915. 25 с. (ГУЗиЗ. Департамент земледелия).

Список членов-корреспондентов Учёного комитета Министерства государственных имуществ в 1859 году. [СПб., 1859]. 8 с.

Страницы автобиографии В.И. Вернадского / сост. Н.В. Филиппова. М.: Наука, 1981. 350 с.

Стрекопытов С.П. История научно-технических учреждений в России (вторая половина XIX—XX вв.): Учебное пособие. М.: РГГУ, 2002. 425 с.

Теоретические основы селекции. Т. 1–3. М.—Л.: Сельхозгиз, 1935–1937.

Труды совещания по организации сельскохозяйственного опытного дела в России, происходившего при Главном управлении землеустройства и земледелия с 14 по 20 ноября 1908 года. СПб.: Типо-литогр. М.П. Фроловой, 1909. 407 с.

Труды совещания представителей опытного дела и агрономических организаций губернских земельных отделов 12–14 ноября 1918 года в Москве. Москва, 1919. Вып. 1. Секция по опытному делу. 206 с. (Народный комиссариат земледелия РСФСР).

Уставы Академии наук СССР. 1724–1999. М.: Наука, 1974. 208 с.

Фаминцын А.С. Пояснительная записка к проекту Центрального агрономического института // Протоколы 1-го метеорологического съезда при Имп. Академии наук 24–31 янв. 1900. СПб., 1900. С. 109–118.

Эрк Ф.Н. Из истории становления сельскохозяйственной механики в России. СПб.—Пушкин, 1997. 64 с.

State Agrarian Science in Russia (On the 175th anniversary of the Russian Academy of Agricultural Sciences)

NIKOLAY P. GONCHAROV

Institute of Cytology and Genetics of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia; gonch@bionet.nsc.ru

In January of 2013, Russian state organized science will celebrate its 175 anniversary. The Ministry of State Property (later the Ministry of Agriculture and State Property) was founded December 26, 1837 under the decree of the emperor Nikolai I. It immediately started to provide scientific support to the branch and established the Scientific Committee of the Ministry. This article surveys the history of the development of the Committee which was reorganized several times together with the Ministry, and includes short biographies of Committee chairmen. The main events of the development of Bureaus and Departments are highlighted. In 1929 they would become the basis for organizing the Lenin All-Union Academy of Agricultural Sciences (VASKhNIL) research institutes. More recently VASKhNIL was re-organized to become the Russian Academy of Agricultural Sciences.

Keywords: Lenin All-Union Academy of Agricultural Sciences, Ministry of Agriculture and State Property, the Bureaus and Departments of the Scientific Committee MA&SP.

Местные сельскохозяйственные общества: на пути к аграрной модернизации России

О.Ю. Елина

Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, Москва, Россия,
olgaelina@mail.ru

В работе рассмотрены научно-организационные и социально-экономические контексты функционирования местных обществ, составлявших большинство сельскохозяйственных объединений Российской империи. Их деятельность успешно сочетала поддержку и развитие агрономической науки с практической работой по внедрению инноваций в местное сельское хозяйство. В союзе с земствами местные общества лидировали в издании сельскохозяйственной периодики, создании опытных учреждений, организации образовательных институций, просветительской работе среди крестьян. Показано, что общественный сектор являлся важным центром процессов аграрной модернизации в провинции и в империи в целом.

Ключевые слова: сельскохозяйственные общества, агрономическая наука, профессионализация агрономии, общественные научно-образовательные институции, аграрная модернизация.

Выступая в 1908 г. на правительственном совещании по вопросам организации агрономической науки, профессор Московского сельскохозяйственного института Д.Н. Прянишников заявил: «Мысль, что Петербург может заботиться о всей России, эту мысль надо оставить: пусть в Петербурге позаботятся лишь о том, чтобы не мешать возникновению инициативы на местах» (Труды совещания, 1908, с. 45). Через несколько лет другой видный деятель агрономии В.В. Морачевский констатировал: «Почин в деле осуществления целого ряда мероприятий к усовершенствованию сельского хозяйства принадлежит в значительной своей части именно сельскохозяйственным общественным организациям» (Агрономическая помощь в России, 1914, с. 108).

Общественные организации, о которых шла речь, — многочисленные общества сельского хозяйства, прежде всего провинциальные, носители «инициативы на местах». Именно сельскохозяйственные общества (наряду с земствами) оказались главной движущей силой аграрной рационализации, носителями «культуры модернизации» (Kingston-Mann, 1999, p. 4) в российской провинции. Это происходило, в том числе, благодаря беспрецедентному вниманию к развитию агрономической науки, стимулированию ее образовательных и исследовательских институций.

Что представляли собой сельскохозяйственные общественные объединения? Какие факторы способствовали их массовому появлению, в чём состояла организационная специфика? И главное: как именно общества занимались усовершенствованием сельского хозяйства «на местах»? Что позволило им выйти в лидеры в деле вспомоществования агрономической науке?

Ответам на эти вопросы посвящена настоящая работа.

Что представляли собой эти объединения?

О сельскохозяйственных обществах написано, на первый взгляд, немало¹. Главным образом потому, что к их числу принадлежат старейшие и хорошо изученные Вольное

---

¹ Детальный обзор историографии сельскохозяйственных обществ см.: Елина, 2011.

экономическое общество (ВЭО), Московское общество сельского хозяйства (МОСХ). Отдельные стороны деятельности сельскохозяйственных обществ затрагиваются в исследованиях модернизационных процессов в российской деревне².

Вместе с тем изучением данных обществ как самостоятельной группы добровольных объединений занимаются редко³. Возможно, это связано с их крайним разнообразием и многочисленностью: наряду с известными учёными обществами сюда относится огромное количество всевозможных провинциальных организаций. Кроме того, изучение этой группы требует от исследователя охвата значительного временного интервала: истоки добровольных объединений в сфере сельского хозяйства уходят в XVIII в., когда были созданы ВЭО (1765), Лифляндское общепольное экономическое общество (ЛифляндОЭО, 1792). А к 1915 г. в России действовало почти 6 тыс. обществ этого направления, причем за предвоенные годы их число удвоилось⁴.

Определим само понятие «*сельскохозяйственные общества*». В уставных документах они охарактеризованы как объединения, задача которых «содействовать в районе своих действий соединенными силами своих членов развитию и усовершенствованию сельского хозяйства и сельской промышленности» (Устав сельского хозяйства, 1903, ст. 42). Историческая традиция предлагает называть сельскохозяйственными обществами организации, имевшие широкие научные устремления и представительный состав членов (от маститых учёных-профессионалов до любителей-аристократов из числа крупных землевладельцев). Одновременно к этой группе относят объединения крестьян, во множестве создаваемые на рубеже XIX–XX вв. для решения производственно-потребительских проблем.

Словари и энциклопедии дореволюционных лет среди целей сельскохозяйственных обществ называют «практическое усовершенствование сельского хозяйства с помощью науки и хозяйственно-политических мероприятий, защиту и развитие земледельческой промышленности» (Советов, 1899, с. 158). Другое известное издание утверждает: «Сельскохозяйственные общества понимаются нашим законодательством (речь идёт о середине 1910-х гг. — *О.Е.*) как учреждения, которые в своей деятельности имеют в виду прежде всего общественный интерес и общую пользу в сфере сельского хозяйства обслуживаемой ими местности, будь то в области просветительских мероприятий (по распространению знаний, изучению местных условий, выяснению опытным путем различных вопросов сельскохозяйственной практики и т.д.) или мероприятий чисто экономического характера (направленных на облегчение хозяевам данной местности приобретения усовершенствованных орудий, доброкачественных семян, удобрительных туков и пр., по содействию в сбыте сельскохозяйственных продуктов)» (Агрономическая помощь в России, 1914, с. 190). Современные исследователи в качестве базовой характеристики сельскохозяйственных обществ также выделяют совмещение научной работы с обслуживанием практических потребностей сельского хозяйства. При этом сельскохозяйственные общества анализируют как в числе объединений преимущественно экономических — А.Д. Степанский

² Среди обширного блока работ в этой области назовём труды таких авторов, как И.В. Герасимов (Gerasimov, 2009), К. Кингстон-Манн (Kingston-Mann, 1999), С.А. Козлов (2002, 2008), Я. Коцонис (2006).

³ Отметим немногие публикации по данной теме: Довженко, 1975; Козлов, Козлова, 1993; Тихонов, 1961; Чернуха, 1991.

⁴ Приведено по следующим источникам: Агрономическая помощь в России, 1914; Справочные сведения о сельскохозяйственных обществах, 1911; Справочные сведения, 1916, 1917; Глебов (Меркулов), 1908.

(1982), А.С. Туманова (2008), В.Г. Чернуха (1991); так и научных — Дж. Бредли (Bradley, 2010), И.И. Комарова (Путеводитель по научным обществам, 2000).

Оставив за рамками нашего исследования многочисленные крестьянские сельскохозяйственные объединения, созданные для совместной обработки земли, сбыта и переработки продуктов и т. п., сосредоточим внимание на обществах, которые имели в реестре своих задач «разрешение учёных вопросов». При этом в качестве немаловажной характеристики сельскохозяйственных обществ научной направленности следует назвать присутствие в том или ином объеме «экономической» (направленной на практическое ведение хозяйства, *экономики*) составляющей их деятельности⁵. Заметим при этом, что общий баланс складывался с преобладанием первого направления.

Итак, объектом внимания в нашем исследовании станут *научные сельскохозяйственные общества*, затрагивающие в своей деятельности различные вопросы агрономической науки⁶.

Историю сельскохозяйственных обществ традиционно отсчитывают от 1765 г., когда под патронажем императрицы передовые российские землевладельцы объединились с учёными «...ко исправлению земледелия и домостроительства», организовав ВЭО. Отметим, что на модели сельскохозяйственных обществ отработывалась история законодательной регламентации общественной сферы. 31 октября 1765 г. Екатерина II утвердила устав ВЭО; «этот акт, впервые упорядочивший отношения между государством и общественностью, установил главным условием ее организованной работы лояльность власти и получение правительственного разрешения» (Туманова, 2008, с. 143—144). С тех пор все известные деятели агрономии и любители-«экономы» состояли в ВЭО и менее крупных объединениях. В свою очередь все создаваемые общества проходили через процедуру государственной регистрации (на первом этапе с утверждением устава непосредственно монархом).

Выбрав в качестве критерия *территориальный* — «район действия» — мы получаем три основные подгруппы обществ.

В первую вошли *межрегиональные* общества, действовавшие в масштабах всей империи. Их называют также *центральными*. Как правило, они имели статус императорских и наименование «всероссийские» («русские», «русские»): Всероссийское общество сахарозаводчиков, Имп. Российское общество садоводства, Имп. Русское общество акклиматизации животных и растений и др.⁷

Вторую подгруппу составляют *губернские* сельскохозяйственные общества и общества с районом действия в несколько губерний.

К третьей мы относим *уездные* и другие *мелкорайонные* организации (волостные, сельские, приходские и пр.; их называли также *внутриуездными*).

Нас будут интересовать общества двух последних подгрупп. Согласно историографической традиции (например, (Тихонов, 1961)), назовём их *местными*. Главная характеристика местных обществ очевидна: ориентация на решение проблем местного

⁵ Непременное наличие экономической стороны работы «учёных» обществ — главное отличие этой группы от естественнонаучных, которые подобной активностью не занимались.

⁶ Научных сельскохозяйственных обществ в России по нашим данным (подсчёт сделан на основе источников, перечисленных в сноске № 4) было немногим более 200.

⁷ Мы считаем целесообразным опускать определение «императорские», поскольку оно отсутствовало при учреждении обществ, а впоследствии было упразднено для большинства из них в 1910-е гг.

сельского хозяйства. Скажем, что местные общества (как и центральные) могли быть по характеру и целям *общими, общей направленности* (призванными решать общие вопросы сельского хозяйства), или *специальными* (ориентированными на отдельные отрасли). При этом речь пойдет не только об обществах, действовавших в российской глубинке, провинции⁸. К местным мы относим, например, Санкт-Петербургское общество сельского хозяйства, по названию принадлежащее «центру», но по активности — губернское. Особое положение занимают общества, подобные МОСХ, Обществу сельского хозяйства Южной России (ОСХЮЖР), то есть формально местные. Однако первое только на раннем этапе ограничивалось московским регионом; со временем МОСХ распространило свою деятельность на всю Европейскую Россию. Второе исходно охватывало территорию Южного Черноземья, Юга и Юго-Запада империи. Следовательно, по базовым характеристикам их правильнее отнести к межрегиональным, центральным. И все-таки подчеркнем, что в практической работе, особенно в рамках своих региональных отделений, эти общества решали прежде всего проблемы местного хозяйства.

Коротко охарактеризуем особенности географического распределения местных обществ. Можно обнаружить несколько регионов-лидеров по количеству обществ. Больше всего их возникло на территории Украины: в Полтавской губ. (более 300), Черниговской (108), Харьковской (84), Екатеринославской (75). Другим центром активности в сфере аграрной самоорганизации был запад империи (Прибалтика, Белоруссия, Царство Польское): губернии Лифляндская (173), Калишская (145), Люблинская (101), Варшавская (97), Петроковская (95), Курляндская (92), Витебская (88). Далее следовали Волго-Вятский регион и Поволжье: Пермская (162), Вятская (98), Самарская (74), Саратовская (около 70). В лидерах также оказались губернии северной части Центральной России: Костромская (142), Новгородская (134), Вологодская (76). Не анализируя пока причины лидерства, в порядке общих комментариев уточним: по общественной активности эти регионы оставили далеко позади столичный «центр», где показатели существенно ниже (Петербургская губ. — 110, Московская — около 70), несмотря на регистрационную «прописку» там центральных обществ и исторически сложившуюся учебно-агрономическую инфраструктуру.

Сказанное выше подводит к мысли: изучать местные общества, географически дистанцированные от столиц и крупных городов, однако претендующие на роль «центров» аграрной жизни провинции, может помочь помещение их в координаты центр-периферия. Это потребовало знакомства с обширной литературой, преимущественно зарубежной, посвящённой анализу развития местного знания в рамках подхода, который называют «локалистским». Заметим, что социальные историки науки давно интересовались местными общественными институтами. Принципиальное отличие «локалистского подхода» от традиционных состоит в пересмотре привилегированного, «центрального», статуса научного знания, признании того, что наука определяется местным контекстом. Обновлённый интерес к «местному» проявился в широком распространении региональных исследований науки, изучении колониальной и имперской науки, национальных и локальных стилей научных практик и знания, отношений центр—периферия⁹.

⁸ Отметим множественную трактовку понятия «провинциальный»: от не «принадлежащий к столицам» (Nye, 1986) до ещё более узкого — «не относящийся к университетским городам» (Лоскутова, 2011).

⁹ Перечислим некоторые издания: Fox, 1980; Inkster, 1985; Metropolis and Province, 1983; Nye, 1986; Porter, 1980; Todd, 1993; Science and Empires, 1992; Pynson, 1993.

Для нас крайне важны как общие работы в рамках социологии научного знания, так и конкретные исследования «местной науки». Вслед за Э. Шилзом (Shils, 1972, 1975, 1982) мы отмечаем, что понятия «центр» и «периферия» относительны, меняются во времени. Они не обязательно связаны с географией, а если связаны, то географический центр не всегда совпадает с содержательным. Социологическая концепция Шилза наполняется конкретным содержанием в исследованиях С. Шейпина, посвящённых шотландской науке эпохи Возрождения (Shapin, 1974). По мнению Шейпина, наука является формой «организованной публичной культуры» (Shapin, 1974, p. 95) с внешней «аудиторией заказчиков» (имеется в виду публика, в том числе организованные сообщества. — *О.Е.*) и исполнителями-учёными. Большинство аудитории заказчиков составляли дворяне-землевладельцы, для которых сельское хозяйство было источником средств к существованию. Интересы этой периферийной аудитории стали «центральными» при определении направления, которое выбрала шотландская наука в XVIII в. — прежде всего в сфере химии, наук о земле, агрономии.

Рассуждения Шейпина способствуют пониманию того, как поддержка науки реализуется в провинциальном сельскохозяйственном окружении, отмеченном слабым экономическим развитием и недостатком политической самореализации. Схожую картину — при всей разнице национальных и временных контекстов — мы наблюдаем в российской провинции, где именно организованные землевладельцы определяли характер местного научного развития.

Наконец, крайне важны работы, выполненные на отечественном материале. Среди них — исследование Э. Хектен, которая на примере изучения «молодой науки» бактериологии в России показала преимущества локалистского подхода (Хектен, 2001). Понятие «местной науки», считает Хектен, — полезный инструмент при изучении «географически распыленной и институционально децентрализованной дисциплины бактериологии» (Хектен, 2001, с. 40), связанной не с университетами и академиями, а с провинциальными станциями и их местными патронами. Параллели очевидны: институциональная структура агрономической науки, в том числе «молодой науки селекции», в России также опиралась на провинциальные станции, возникшие при поддержке местных сельскохозяйственных обществ. Поэтому в наших исследованиях мы будем использовать все инструменты локалистского подхода — от концепта центральности до отношений патронажа.

Какие факторы способствовали появлению местных обществ?

Как возникали общества «на местах»? Какие факторы способствовали их массовому появлению? Оказали ли влияние на этот процесс ключевые события аграрной истории Российской империи?

Ранний период общественной самоорганизации — конец XVIII — начало XIX вв. — почти не затронул интересующие нас объединения. В это время создавались главным образом крупные центральные общества; появлялись лишь единичные местные — ЛифляндОЭО (1792); Эстляндское экономическое общество (1808).

Первое заметное оживление, которое можно охарактеризовать как этап в организации местных обществ, наблюдалось в конце 30-х годов XIX в. Тогда стали открываться губернские общества и некоторые уездные. Хронология этих событий такова:

1839 — Казанское экономическое о-во;

- 1839 — Курляндское о-во сельского хозяйства (действ. с 1840 г.);
- 1839 — Эстляндское сельскохозяйственное о-во;
- 1839 — Ярославское о-во сельского хозяйства;
- 1845 — Лифляндское о-во поощрения сельского хозяйства и промышленности;
- 1847 — Лебедянское о-во сельского хозяйства (Тамбовская губ.);
- 1848 — Общество сельского хозяйства Юго-Восточной России (Пензенская губ.);
- 1849 — Калужское о-во сельского хозяйства;
- 1849 — Общепольное и сельскохозяйственное о-во для южной Лифляндии;
- 1850 — Кавказское о-во сельского хозяйства;
- 1854 — Юрьевское о-во сельского хозяйства (Владимирская губ.);
- 1858 — Смоленское о-во сельского хозяйства;
- 1859 — Симбирское о-во сельского хозяйства.

На этот процесс явно повлияло учреждение в 1837 г. Министерства государственных имуществ (МГИ) с особым 3-м департаментом для ведения дел по улучшению сельского хозяйства, впоследствии известного как Департамент земледелия (ДЗ). «Управление обществами, служащими к распространению сведений о сельском хозяйстве» попало под юрисдикцию департамента. С тех пор «возникновение новых сельскохозяйственных обществ начинает идти несколько быстрее» (Агрономическая помощь в России, 1914, с. 104). При этом процедура открытия обществ по-прежнему требовала Высочайшего утверждения. Правда, ещё с 1808 г. — по представлению Комитета министров (КМ) с предварительным обсуждением уставных документов на его заседаниях¹⁰. Считается также, что это оживление стало ответной реакцией российской публики на некоторую либерализацию внутренней жизни России 1840-х гг. и небывалый размах общественной активности в странах Западной Европы.

Говоря об обществах этого периода, историки называют их «элитарными» (Герасимов, 2003, с. 283), малоэффективными в плане воздействия на сельское хозяйство (Козлов, 2002, с. 340), противопоставляя им более открытые и активные объединения начала XX в. С этим утверждением можно согласиться, но с одной оговоркой: для развития агрономической науки уже на этом временном отрезке общества сделали немало. Напомним, что именно в 1830-е годы благодаря усилиям членов ВЭО при КМ был создан «Комитет об усовершенствовании земледелия в России», в результате деятельности которого стала выходить «Земледельческая газета» (1834), была открыта казённая Горыгорецкая земледельческая школа (1836, впоследствии преобразованная в институт) и кафедра агрономии в Санкт-Петербургском университете (1836) (Биология в Санкт-Петербурге, 2011, с. 244).

Отмечают и общее ухудшение положения общественных организаций в годы правления Николая I, в том числе попытку огосударствления обществ (Туманова, 2007, с. 55). Однако некоторые из проявлений патернализма — получение рядом обществ статуса императорских, сопутствующее этому финансовое стимулирование, наделение руководства правами государственных служащих и др. — требуют в случае сельскохозяйственных обществ особой трактовки. И вот почему. Аграрные объединения того времени никак нельзя причислить к авангарду либерализма. Как справедливо отмечает С.А. Козлов, большинство членов сельскохозяйственных обществ,

---

¹⁰ В 1808 г. вышли особые правила для КМ, предписывающие ему рассматривать уставы тех обществ, которые хотели получить дополнительные возможности, выходящие за рамки общих узаконений (см.: Исторический обзор, 1903, с. 151).

являясь средними и крупными помещиками, занимали достаточно консервативные общественно-политические позиции (Козлов, 2002, с. 346). Есть основания полагать, что для данной группы обществ результатом государственного контроля стали стимулирующие правительственные вспомоществования, а не ограничения и цензура, почти никак не затронувшая деятельность этих и без того лояльных объединений. Таким образом, мы склонны согласиться с мнением А.Д. Степанского, что «сельскохозяйственные общества развивались в сравнительно благоприятных условиях — царское правительство не только не препятствовало, но, напротив, поощряло их» (Степанский, 1982, с. 10). Добавим, что поощрение выражалось в ставшем со временем регулярным казённом субсидировании обществ и их отдельных проектов, присуждении индивидуальных императорских наград и др.; все это позволяло институционально и тематически расширить деятельность в области агрономии.

В эпоху Великих реформ растущая профессионализация российской общественности, развитие местного самоуправления, рост интереса к агрономическому знанию привели к дальнейшему расширению и структурированию сельскохозяйственных объединений. Одной из отличительных особенностей этого периода стало открытие отделений центральных обществ в провинции, специализация в рамках крупных обществ с образованием секций и комитетов. Другой характеристикой этого этапа стало открытие обществ с уездным (группа уездов, уезд) охватом действия. Как мы видели, первые из числа таких обществ были созданы ещё в 1840-е гг.; пореформенный их список пополнялся в следующем порядке:

- 1865 — Одоевское о-во сельского хозяйства (Тульская губ.);
- 1867 — Таганрогское о-во сельского хозяйства (Область войска Донского);
- 1867 — Тукумское о-во сельского хозяйства (Курляндская губ.);
- 1869 — Чернское о-во сельского хозяйства (Тульская губ.);
- 1870 — Эстское о-во сельского хозяйства (Лифляндская губ.);
- 1873 — Екатериненштадское сельскохозяйственное собрание (Самарская губ.);
- 1875 — Котельническое экономическое о-во (Вятская губ.);
- 1877 — Кобелякское сельскохозяйственное о-во (Полтавская губ.);
- 1877 — Иллукст-Фридрихштадское сельскохозяйственное о-во (Курляндская губ.);
- 1878 — Пошехонское о-во сельского хозяйства (Ярославская губ.);
- 1878 — Даниловское о-во сельского хозяйства (Ярославская губ.);
- 1889 — Купянское о-во сельского хозяйства (Харьковская губ.).

В этом всплеске активности можно усмотреть и связь с первой серьёзной либерализацией законодательства. Регистрацию обществ перевели на уровень соответствующих министерств. 15 апреля 1866 г. было принято положение, согласно которому право утверждать проекты уставов обществ получал министр государственных имуществ по соглашению с министром внутренних дел¹¹. Предполагалось, что законодательный акт не только упростит разрешительную процедуру, но и повысит эффективность деятельности обществ. Утверждать уставы аграрных объединений теперь должен был министр, знакомый с сельским хозяйством и его потребностями. Действительно, МГИ занялось регистрацией обществ, выделением казённых пособий отдельным местным обществам.

С 1880-х гг. к субсидированию общественных проектов приступили земства. И местные общества, и земства преследовали общую цель — скорейшую модернизацию сельского хозяйства в регионе, основанную на рекомендациях агрономической науки.

¹¹ Это положение вошло в дальнейшем в УСХ (см.: Устав сельского хозяйства, 1903, ст. 21).

Научно-практическая деятельность обществ оказалась в русле интересов земств, что предопределило финансовую поддержку со стороны последних.

Историки выделяют 1890-е гг. — начало XX в. как время грандиозного подъема общественной самодеятельности, когда происходил численный рост организаций всех типов (Степанский, 1982, с. 28). Именно на этот период пришёлся своеобразный «двугорбый» пик создания местных сельскохозяйственных обществ. Предпосылки первого всплеска активности лежат в области социально-экономической. В стране после катастрофической засухи 1891–1892 годов начался голод, названный современниками «великим». Бездействие центрального правительства вызвало небывалый общественный резонанс (Ермолов, 1892). Помощь голодающим приобрела характер массового движения, в которое включились частные лица, деятели местного самоуправления, добровольные общества разного профиля. Под влиянием борьбы с голодом произошел количественный рост сельскохозяйственных обществ, которых к 1899 г. насчитывалось уже более 250 (Справочные сведения о сельскохозяйственных обществах, 1911, с. XIII).

Ответной реакцией властей стала реформа министерства: в марте 1894 г. МГИ было преобразовано в Министерство земледелия и государственных имуществ (МЗиГИ). Одним из первых нововведений реформированного министерства явилось создание в конце 1894 г. специального общественного совета по надзору за сельским хозяйством с привлечением представителей сельскохозяйственных обществ, земств и отдельных хозяев — Сельскохозяйственного совета (СС). Имея целью «...содействие установлению тесной и живой связи между Министерством и практическими деятелями в области сельского хозяйства» (Отчёт о деятельности Сельскохозяйственного совета, 1895, с. 3), СС лоббировал интересы аграрной общественности в земледельческом ведомстве. Уже на первой его сессии началось обсуждение проекта «Нормального устава» сельскохозяйственных обществ, разработанного ДЗ МЗиГИ, а также проекта положения о сельскохозяйственных съездах. Для детального рассмотрения проектов при СС была образована специальная комиссия. В докладе, получившем одобрение СС, члены комиссии констатировали важное значение сельскохозяйственных обществ, отмечая при этом их «малую распространённость» и «малую деятельность». Причины этого комиссия видела в «общих условиях нашей провинциальной жизни, не возбуждающих самодеятельности, а эти условия не изменяются и не изменятся с изданием (из общего контекста имеется в виду *без издания*. — О.Е.) “Нормального устава”» (Отчёт о деятельности Сельскохозяйственного совета, 1895, с. 24).

«Нормальный устав» (НУ) был утверждён 28 февраля 1898 г. (Нормальный устав, 1910). В Устав сельского хозяйства — основной закон, регламентирующий все виды деятельности в этой области, — ввели новые положения и статьи. Так, ст. 42 гласила: «Лица, желающие образовать на основе “Нормального устава” сельскохозяйственное общество, подают письменное о том заявление губернатору» (Устав сельского хозяйства, 1903, ст. 42). Таким образом, при условии тождества устава проектируемого общества НУ вопрос о его открытии предоставлялся власти местного губернатора.

Отметим крайне важный момент: положения НУ распространялись только на местные общества, деятельность которых ограничивалась губернией и менее крупным образованием (группа уездов, уезд, волость и так далее)¹². Именно этот документ

¹² Если район действия добровольного объединения превышал размеры губернии, а также при внесении в устав общества каких-либо изменений или дополнений, отсутствующих в «Нормальном уставе», вопрос об открытии общества вносился губернатором на рассмотрение ведомства земледелия (Устав сельского хозяйства, 1903, ст. 40, 44).

предопределил последовавший второй всплеск — фактически «девятый вал» — в самоорганизации периферийной аграрной общественности.

Рассмотрим основные положения НУ, на основе которых строилась деятельность местных обществ. Прежде всего, была определена цель обществ: «Содействовать в районе своих действий соединенными силами своих членов развитию и усовершенствованию сельского хозяйства и сельской промышленности» (Нормальный устав, 1910, с. 5). В соответствии с этим формулировались полномочия, конкретные задачи и обязанности местных обществ. Главнейшие из них: 1) изучать положение в различных отраслях сельского хозяйства путем обсуждения соответствующих вопросов на собраниях общества, в специальных комиссиях и на съездах; снаряжать экспедиции и экскурсии для обозрения хозяйств членов общества, а также для всевозможных сельскохозяйственных исследований; 2) распространять теоретические и практические сведения по сельскому хозяйству путём устройства публичных чтений, издания и распространения трудов общества, а при возможности — создания собственного периодического издания, организации сельскохозяйственного училища, библиотеки, музея; 3) распространять среди местных хозяев наиболее правильные способы ведения хозяйства путем испытания и адаптации к местным условиям передовых отечественных и зарубежных приемов и культур; устраивать конкурсы земледельческих машин и орудий, организовывать опытные учреждения и содействовать их деятельности; 4) способствовать местным хозяевам в правильной организации хозяйства, принимать на себя посредничество по снабжению необходимыми орудиями и материалами, сбыту продуктов, открывая с этой целью справочно-комиссионные бюро, сельскохозяйственные склады и т. п.; 5) устраивать выставки, аукционы, поощрять отличившихся на поприще сельского хозяйства присуждением почётных наград (Нормальный устав, 1910, с. 5–7).

«Нормальный устав» стал тем долгожданным нормативным документом, принятие которого кардинально изменило положение в сфере аграрной самоорганизации на местах. Это подтверждали комментарии современников: «Насколько быстрые завоевания в массах сельского населения стала делать с этого времени идея объединения хозяев в сельскохозяйственные культурные общества, показывают следующие цифры: к концу 1905 года число сельскохозяйственных обществ возросло уже почти до одной тысячи, следовательно, всего лишь за 8 лет с 1898 г. численность обществ увеличилась более чем в 3,5 раза» (Справочные сведения о сельскохозяйственных обществах, 1911, с. XV).

Отметим техническую простоту «бумажной» процедуры. Для организации общества на основе устава требовалось, получив шаблонный текст, всего лишь вписать название общества, места проведения собраний, пребывания совета и пр.

Утверждение 4 марта 1906 г. «Временных правил об обществах и союзах»¹³ (ВП) послужило новым стимулом к росту местных сельскохозяйственных объединений. ВП позволяли регистрировать создаваемое общество (независимо от характера его деятельности) упрощённым порядком — путём подачи заявления на имя главы местной администрации (губернатора или градоначальника). Заявление об образовании общества должно было содержать сведения о его целях, районе действия, правилах приёма членов, способе избрания правления и распорядителя, а также исчерпывающую информацию об учредителях. Общество считалось зарегистрированным, если в течение двух недель учредителям не сообщалось об отказе.

¹³ Подробнее о «Временных правилах» см.: Туманова, 2008, с. 144–171.

Как показывают статистические данные предвоенных лет, принятие ВП повлекло рост численности местных сельскохозяйственных обществ, прежде всего *общей направленности*. При этом подавляющее число вновь созданных объединений относилось к разряду *мелкорайонных* (менее уезда), а также студенческих кружков и пр. Своеобразна их география: большинство было зарегистрировано в губерниях Царства Польского, некоторых западных (Ковенской, Виленской, Витебской) и Московской (Агрономическая помощь в России, 1914, с. 188). Такое распределение можно объяснить традиционно высокой (по сравнению со средней по России) агрономической активностью западных окраин империи, на которые не распространялось действие НУ. Что касается «неправительственного центра» — Москвы, там самоорганизация захватывала новые пласты общества; возникали всевозможные студенческие кружки, комиссии и т. д.

7 мая 1911 г. была утверждена новая редакция «Нормального устава». Поправки внесли главным образом в положения о правовой стороне деятельности обществ. Так, изменилось содержание параграфов о членстве: отныне в общества допускались лишь подданные Российской империи. Далее, если в прежнем уставе воспитанники учебных заведений, как низших, так и высших, не имели права вступать в общества, теперь запрет сохранялся только для учащихся низших и средних школ. Это позволило в прямом и переносном смысле влить в общества новую кровь: пополнить объединения представителями студенчества. Кроме того, устав 1911 г., как и ВП, требовал представлять список учредителей общества (Нормальный устав, 1912, с. 12).

Приведем общую статистику распределения сельскохозяйственных обществ в зависимости от характера законодательных актов, лежащих в основе их деятельности. По данным начала 1913 г. из 3962 сельскохозяйственных обществ Российской империи:

- 2654 (67 %) действовали на основании «Нормального устава»;
- 819 (20,7 %) — «Временных правил»;
- 489 (12,3 %) — особых уставов (Агрономическая помощь в России, 1914).

Эти цифры дают основания для некоторых обобщений. Итак, важнейшим поворотным пунктом в истории формирования аграрной общественной сферы в России стало принятие Нормального устава. Что неудивительно, поскольку устав упростил создание местных обществ, вовлек в процессы самоорганизации значительные массы сельских хозяев российской глубинки. Не менее важный импульс аграрной самоорганизации был придан принятием «Временных правил», которые способствовали узакониванию кружковой активности, проникновению общественной жизни на уровень отдельного поселения и т. д. И итоговый общий вывод: подавляющее большинство — 87,7 % (3412 из 3962) — сельскохозяйственных обществ Российской империи относилось к числу местных, с радиусом действия не более губернии.

В чем состояла специфика их организационного устройства?

Разнообразие местных обществ выразилось, в том числе, в значительных отличиях в их *организационном устройстве*. Многие определялись принадлежностью объединений к тому или иному типу (общие или специальные) и подгруппе (губернские, уездные). Отметим при этом, что даже в пределах одной подгруппы в устройстве обществ присутствовали специфические черты, обусловленные их географическим положением, научно-практическими интересами, особенностями властных отношений¹⁴.

¹⁴ Об этом же свидетельствуют исследования естественнонаучных обществ (см.: Савчук, 1994).

Начнем с *организационной структуры* обществ.

Если крупные всероссийские объединения в своей работе опирались на комитеты, отделения, часто — региональные отделы, то подавляющее большинство местных обществ либо вообще не имели структурных подразделений, либо действовали через значительно более простые с точки зрения организации комиссии. Нередко комиссии работали *de facto*, не проходя утверждение на общем собрании и соответственно оставаясь официально незарегистрированными.

Особая картина наблюдалась на Западе и Юго-Западе империи. Там на губернском уровне общества имели отделения, отделы. Например, при Виленском губернском обществе сельского хозяйства (1899) состояли комитеты: агрономический, винокуренный, по скотоводству и молочному хозяйству, для содействия образованию и др. (Потребительские и сельскохозяйственные общества, 1910, с. 349–350). Подольское общество сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности (ПодолОСХ, 1888) имело 9 отделений (среди них — полеводства, садоводства, лесоводства, скотоводства) и два региональных отдела (там же, с. 432–433). Более того — отдельные *уездные* общества также имели отраслевые комитеты и подчинённые подразделения (волостные и пр.). Например, Лохвицкое общество сельских хозяев Полтавской губ. (1886) включало четыре комитета (животноводства, пчеловодства, рыболовства и рыбоводства, кустарный) и два региональных отделения (там же, с. 437). При Уманско-Липовецком сельскохозяйственном обществе Киевской губ. (1901) существовало 11 отделений, в том числе научно-агрономическое, полеводства, экономико-статистическое, техническо-промышленное (там же, с. 375–376).

Также вариативна картина *внутреннего устройства* обществ.

Каждое общество обязано своим существованием *членам-учредителям*. Отметим, что данная категория членов в ранних нормативных документах не выделялась; тем не менее в уставах ряда обществ специально оговаривались права и полномочия группы лиц, которым принадлежала инициатива их основания. Так, Тверское общество сельского хозяйства и садоводства (ТверОСХиС) в качестве приложения к уставу 1863 г. имело документ, где говорилось: «первоначальные распоряжения по открытию действий общества возлагаются на Членов-учредителей..., которые избирают совет, президента, секретаря и казначея» (Устав Тверского общества, 1864, с. 15). Коррективы внесли «Временные правила» и поздние редакции «Нормального устава»; предлагалось не только приводить поименный список учредителей, но полностью указать биографические данные, звание и место жительства. В отдельных изданиях устава помещались специальные наставления, адресованные учредителям (Нормальный устав, 1912, с. 12). Можно предположить, что такая гласность служила гарантией эффективности деятельности конкретного общества, связывая его инициаторов персональной ответственностью за проявленную активность. Некоторые общества приводили список членов-учредителей в каждом годовом отчёте.

Традиция основания центральных обществ земельной аристократией распространилась «на места»: учредителями губернских обществ стали провинциальные помещичьи дворяне. Когда центр активности переместился на уровень уезда и волости, изменился и социальный состав учредителей. Возросло число обществ, созданных по инициативе сельской интеллигенции, образованных крестьян. Так, среди учредителей уездных и волостных обществ:

- 32,1 % составляли земские деятели, прежде всего агрономы;
- 23,7 % — крестьяне;

- 10,7 % — местные землевладельцы (дворяне, представители буржуазии);
- 9,4 % — священнослужители;
- 7,9 % — народные учителя (Агрономическая помощь в России, 1914, с. 197).

Центральную группу, ядро общества, составляли *действительные члены*. Исторически процедура избрания новых членов была достаточно сложной: требовались рекомендации, аграрный опыт, учёные труды. Например, шестой параграф устава ОСХЮжнР предписывал выдвигать в действительные члены «помещиков и жителей Новороссийского края и Бессарабской области и внутренних губерний России, равно как и иностранцев, известных своими познаниями и опытами в сельском хозяйстве, или учёными трудами, относящимися к цели занятий общества» (Боровский, 1878, прил. 1, с. 4.). Определённый порядок рекомендаций соблюдался и в большинстве губернских обществ. Так, в уставе Рязанского общества сельского хозяйства (РязОСХ, 1864) оговаривалось, что «желающий быть избран в члены общества предлагается одним действительным или почетным членом» (Устав Рязанского общества, 1866, с. 4–5). Чтобы вступить в уездные общества, достаточно было готовности платить взносы.

Здесь же уместно сказать и о размерах *членских взносов*, которые для местных обществ имели разброс от 3 до 15 руб. Выделялось на общем фоне лишь ОСХЮжнР, которое при своем основании установило членский взнос в 50 руб. Добавим в качестве бытового фона: в документах отмечено, что устав общества был «Высочайше утверждён 12 сентября 1828 г. на корабле “Париж”» (Боровский, 1878, приложение 1, с. 5). Вероятно, с императорского борта сумма в 50 руб. не казалась столь крупной. Правда, уже в следующем уставе, принятом в 1845 г., размер членских взносов сократился в разы — до 8 руб. (там же, с. 7). В отдельных случаях в общества принимали без уплаты членских взносов — «в уважение особенных причин» (Устав Тверского общества, 1864, с. 5).

Действительный член мог стать *пожизненным*, что требовало единовременного взноса от 30 до 100 руб. Например, в РязОСХ эта сумма составляла 50 руб. (Устав Рязанского общества, 1866, с. 5). *Почётных членов* обычно избирали на годичном собрании. В большинстве местных обществ две последние категории членов отсутствовали.

Следующими по важности после действительных были *члены-корреспонденты*. Как и в других типах добровольных объединений, они участвовали в общественной жизни с правом совещательного голоса, но освобождались от уплаты членских взносов. Избирали членов этой категории так же, как и действительных. Другое название этой группы — *члены-соревнователи* — встречалось в сельскохозяйственных обществах крайне редко¹⁵.

Число членов в различных обществах варьировало от нескольких сотен в губернских до десятков в волостных объединениях и кружках. Так, в ПолтОСХ в 1887 г. состояло 222 члена (включая почётных и пожизненных) и 36 корреспондентов (Тихомиров, 1887, с. 18–26); в Киевском обществе по данным 1892 г. насчитывалось около 400 членов (Рева, 1892, с. 10); ХарькОСХ в 1908 г. имело в своем составе 301 члена (из них 276 действительных, 19 почётных, 6 пожизненных), а также 11 соревнователей (Головко, 1910, с. 118). Что касается менее крупных обществ, интересную картину дает Ярославская губерния. Там действовало около 60 мелкорайонных обществ, среднее число членов в этих обществах составляло немногим более 30 человек. На этом фоне выделялись три волостные общества: Хлестовское (72 члена), Пречистенское (100), Цикаловское (168)

¹⁵ *Дускультанты* (занимавшиеся переводческой деятельностью) как самостоятельная группа существовали только на ранних этапах.

(Неклепаев, 1913, с. 10). В целом по империи данные в отношении численного состава местных обществ таковы: в среднем 170 человек для губернских, 100 — для уездных, 65 — для волостных, 50 человек для обществ с радиусом действия меньше волости (Агрономическая помощь в России, 1914, с. 201–203).

Приведённые цифры можно дополнить картинами «реального членства». Так, в некоторых обществах, возможно, из-за оторванности их работы от запросов населения, отмечалась «своего рода текучесть элементов», когда «вступают в общество, не объясняя причин», и через два-три года «уходят из общества, ничем не мотивируя свой уход» (Рева, 1892, с. 3). Такая картина наблюдалась в Киевской губернии. В Ярославской губернии сетовали на «некультурность многих членов, которые жалуются, когда их часто собирают, и не являются на собрания» (Неклепаев, 1913, с. 17).

Если попытаться нарисовать *социальный портрет* члена местного общества, можно заметить, что чем меньше район деятельности общества, тем «ближе к земле» его участники. Это люди, связанные с сельским трудом, — крестьяне и мелкие землевладельцы. Подчеркнём: не с агрономией, не с любительством в этой сфере, а с трудовой земледельческой практикой. Например, таких было большинство в волостных обществах. Там же отмечался самый высокий процент неграмотных членов: 15 % для объединений общей направленности и 5 % для обществ специальных (Агрономическая помощь в России, 1914, с. 206). Чем «крупнее» местное общество, тем заметнее присутствие в его рядах профессионалов: деятелей земской агрономии, кооперации, людей науки. В губернских объединениях они составляли примерно 60 % (Агрономическая помощь в России, 1914, с. 203).

Возглавлял местные общества председатель, реже — президент¹⁶. Он же являлся главой важной структуры — *совета*; работа совета состояла в решении организационных вопросов, ведении финансов, осуществлении представительских функций (Нормальный устав, 1912, пар. 26). Заседания проводились ежемесячно, в случае необходимости — чаще. Так, в 1913 г. при опросе некоторые общества Ярославской губернии высказали пожелания собирать совет «по крайней мере два-три раза в месяц. Эти частые собрания способствовали бы к объединению членов, а при обмене их мыслей выяснили бы нужды деревни и средства, как устранить эти нужды» (Неклепаев, 1913, с. 17).

Рассмотрим, как проходила «повседневная жизнь» местных обществ. Основой её были *собрания* — обыкновенные, годовые и чрезвычайные. Созыв последних предполагал экстраординарную ситуацию, например закрытие общества. Обыкновенные и годовые «посвящаются рассмотрению текущих дел и вообще всех вопросов, относящихся к деятельности общества, а также выборам действительных членов и членов-корреспондентов и сотрудников» (Нормальный устав, 1910, пар. 37). По уставу ХарькОСХ, например, общие обыкновенные собрания созывались примерно пять раз в год. Годичное собрание того же общества проходило в январе: читался отчет, рассматривалась и утверждалась смета и т. п. (Устав Харьковского общества, 1891, с. 8–11). Что касается мелкорайонных обществ, большинство из них проводили только годовые собрания. В целом сельскохозяйственные общества, в отличие от естественнонаучных, вынуждены были придерживаться сезонности сборов, освобождая «горячие» периоды посевных, уборочных и других работ. В интервалах между собраниями бюрократическую работу осуществляли *члены-сотрудники*: секретари, казначеи и пр., в отдельных случаях получавшие за нее вознаграждение.

¹⁶ Одним из обществ, где избирался президент, было РязОСХ (Устав Рязанского общества, 1866, с. 10). Президент стоял во главе и всех крупных межрегиональных обществ.

Таковы положения уставных документов. Приведём и свидетельства современников, говорящие о том, что реальная жизнь обществ расходилась с регламентированной. Вот одно из описаний: «Общее собрание членов Киевского сельскохозяйственного общества — это один сплошной курьез. Номинально общество это имеет около 400 членов, в действительности же бывает иногда, что на общее собрание нельзя созвать более 20 человек, да и то ещё слава Богу!» (Рева, 1892, с. 26). Причины, по мнению автора: расстояния, нехватка времени, отсутствие интереса к общественной жизни.

Бюджет обществ формировался из нескольких доходных категорий. Основой были *членские взносы*, о которых говорилось выше. Бюджет рядового местного общества складывался из следующих статей: «а) годовичные и единовременные взносы членов; б) проценты с капиталов; в) деньги, выручаемые от продажи изданий и от сельскохозяйственных предприятий общества; г) субсидии и пожертвования земства и частных лиц» (Устав Харьковского общества, 1891, с. 13). Добавим, что со временем почти все общества (кроме мелких производственных) стали получать регулярное казенное вспомоществование. Основные статьи расходов: «оборудование, семена, удобрения и др.; научно-просветительская работа (включая опытные учреждения, библиотеки, выставки, курсы и др.); издательско-типографские и канцелярские расходы; вознаграждение секретарям, членам совета и ревизионной комиссии; разъезды по делам общества; прочие расходы» (Головко, 1910, с. 113).

По отзывам представителей местных обществ, бюджеты их «весьма примитивны и не всегда сводили концы с концами, но они очень любопытны для характеристики финансового положения наших сельскохозяйственных обществ» (Неклепаев, 1913, с. 81). Например, бюджет волостного общества Ярославской губернии — примерно 150 руб. (членские взносы — около 50, пособие губернского земства — 75, остальное — выручка от операций с сельхозпродуктами). Бюджет более крупного уездного общества той же губернии — около 3000 руб. (членские взносы и пожертвования — более 550 руб., средства от продажи продукции — около 1500 руб., пособие губернского земства — 960 руб.) (Неклепаев, 1913, с. 82–85). Губернские общества, как правило, располагали значительно более внушительными средствами. Так, бюджет ХарькосХ в 1907/1908 г. выразился суммой в 10 400 руб., из которых по 3000 поступали в виде субсидий от губернского земства и ДЗ (Головко, 1910, с. 132). Неудивительно, что именно недостаток средств был назван респондентами общественных опросов главным препятствием в работе. Вслед за харьковским агрономом А.Г. Головко многие задавали риторический вопрос: «В самом деле, что может сделать, например, <...> уездное общество, у которого средний годовой бюджет 3858 губ. Можно ли с такими средствами иметь все необходимое для правильной работы и вести ее в должных размерах?» (там же). По всеобщему мнению, именно «недостаток средств не дает обществам возможности иметь секретарей с надлежащей научной и практической подготовкой, т.к. никто не пойдет в деревню на 100–400 руб. в год; по той же причине <...> общества не могут широко развернуть свою работу <...>, вознаградить членов совета за их труды» (там же).

Как именно сельскохозяйственные общества занимались «усовершенствованием сельского хозяйства»?

Какой же была эта общественная работа? Как, при общем недостатке средств, удавалось «развернуть ее широко»? Что определяло характер и направления агрономических мероприятий «на местах»?

Каждое из местных обществ внесло свой индивидуальный, часто уникальный вклад в дело усовершенствования сельского хозяйства. Работа в этой сфере шла по нескольким основным направлениям.

Одно из них — конкретная *экономическая помощь* сельским хозяйствам. Здесь общества объединили свои усилия с земствами. Среди основных форм помощи: устройство прокатных и зерноочистительных станций; приобретение племенных производителей и организация случных пунктов; налаживание работы всевозможных складов (семян, удобрений, инвентаря и пр.) и организация снабжения (по низким ценам или бесплатного) местных крестьян. При этом заметим, что на проведение подобных мероприятий общества получали крупные целевые субсидии от ведомства земледелия.

Второе направление связано с первым и заключается в приглашении специального *агрономического персонала* — агрономов, консультантов, инструкторов, то есть является опосредованной помощью сельским хозяйствам (Елина, 2008, т. 1; Коцонис, 2006).

Важнейшее для нас и наиболее существенное в контексте рационализации сельского хозяйства направление деятельности — поддержка и развитие *агрономической науки*. Речь идёт о создании всевозможных *институций* (просветительско-пропагандистских, образовательных, исследовательских), о финансировании *агрономических исследований*. В рамках этого направления можно выделить четыре главных формы работы, в которую в той или иной степени были вовлечены местные общества: 1) издательская деятельность, прежде всего выпуск периодики; 2) проведение выставок и съездов; 3) организация исследовательских учреждений и поддержка научных исследований; 4) устройство просветительских и учебных заведений.

Начнем разговор с *периодической печати* (сборников, журналов, газет, записок, трудов и т. п.), в которой нашли отражения научно-практические достижения агрономии и результаты текущей работы обществ. Напомним, что общества регулярно выпускали и информационные издания — всевозможные протоколы, отчёты о своей деятельности и пр.

Сельскохозяйственная периодическая печать обязана своим появлением первому российскому обществу — ВЭО. Многие из губернских обществ середины XIX в. также имели свое печатное издание. «Взрыв агрожурналистики», по выражению И.В. Герасимова (2003, с. 282), в период после революции 1905–1907 гг. связывают с ростом численности и расширением деятельности местных обществ.

Тем не менее далеко не все общества имели свой печатный орган; ещё меньшее их число публиковало статьи научной направленности. К 1916 г. в России издавалось более 300 газет, еженедельников и журналов в области сельского хозяйства¹⁷. По нашим подсчётам, собственно научные материалы публиковали примерно 190 изданий. Из них на долю обществ (преимущественно местных) приходится примерно 110, или около 60 %; 27 (14 %) были земскими, 31 (16 %) — государственными; 24 (примерно 12 %) принадлежали частным лицам. И.В. Герасимов, проводивший общую оценку влияния общественных секторов на развитие агропериодики, приводит следующие данные: к 1916 г. правительственные учреждения, земства и частные издатели контролировали примерно по 15 % изданий (вместе — 45 %); остальные 55 % приходились на «конгломерат всевозможных общественных организаций: кооперативы, сельскохозяйственные и профессиональные общества» (Герасимов, 2003, с. 285). Как видим, цифры близки, особенно

¹⁷ Существуют и другие цифры (см., напр.: Вит-ъ, 1915, с. 76; Агрономическая помощь в России, 1914, с. 344), где общее число периодических изданий к 1914 г. приблизительно 350.

по сельскохозяйственным обществам. Таким образом, сельскохозяйственные общественные объединения оказались явными лидерами в издании научной периодики¹⁸.

Рассмотрим варианты её содержательного наполнения на примере печатного органа одного из наиболее известных местных обществ — Лебедянского Тамбовской губ. Уездное по статусу, оно охватило своей деятельностью и соседние Рязанскую, Тульскую, Орловскую и Воронежскую губернии¹⁹. «Записки Лебедянского общества сельского хозяйства» стали выходить с 1848 г. Ежегодно старались подготовить два тома; за 14 лет существования журнала было опубликовано 22 выпуска «Записок». Материалы предварительно докладывались на собраниях ЛОСХ. В числе первых обсуждались вопросы плодородия подпахотного слоя, участия различных слоёв почвы в обеспечении жизни растений и др. Темы работ, опубликованных в «Записках», включали многие важные вопросы агрономической науки и практики. Перечень их обширен: способы и средства удобрения земли, рациональные севообороты, культура кукурузы и сахарной свёклы в центральных губерниях, акклиматизация растений, борьба с вредителями растений, восстановление и разведение лесов, способы переработки продуктов сельского хозяйства, организация труда в сельском хозяйстве и др.²⁰ Членами Лебедянского общества и постоянными авторами «Записок» были первый доктор сельского хозяйства А.В. Советов, ботаник, академик Н.И. Железнов, ботаник-лесовод Н.И. Анненков, химики-технологи П.А. Ильенков и М.Я. Киттары. В обществе состояли многие известные «любители» из числа местных хозяев: А.А. Стахович, М.А. Стахович, А.А. Бобринский, А.С. Хомяков, А.И. Кошелев, Ю.Ф. Самарин. Членом общества был будущий министр земледелия агрохимик А.С. Ермолов (Обозрение действий Лебедянского общества, 1858). На рубеже 1860-х гг. Лебедянское общество решено было присоединить к РязОСХ. Несмотря на свою короткую жизнь, Лебедянское общество и его «Записки» сыграли важную роль центра популяризации агрономии и коммуникации учёных в центральных губерниях.

Если «Записки» уже по жанру принадлежат научной периодике, то для многих других местных изданий трудно выделить какой бы то ни было формальный критерий «научности». Нельзя, например, ориентироваться на название или предполагаемую аудиторию издания. Так, еженедельник «Хуторянин» ПолтОСХ адресован, как может показаться, далёким от науки хуторским хозяевам. Однако издание содержательно соответствовало статусу «научного», публиковало статьи по агрономии; в частности, в 1910 г. там были напечатаны первые научные сообщения Н.И. Вавилова, в то время — практиканта Полтавской опытной станции (Вавилов, 1910а, 1910б). «Вятская газета», «еженедельное подцензурное издание с приложениями по сельскому хозяйству, ремеслам и страховому делу» издавалась с 1894 по 1907 г. губернским земством при поддержке сельскохозяйственного общества. Позиционированная как «доступное по цене и содержанию издание для народа» (Арефьев, 1898, с. 16), «народная газета» (Кулябко-Корецкий, 1899, с. 1), по названию и целям она была ещё дальше от науки. Тем не менее в Вятке выпускали регулярные сельскохозяйственные приложения с научно-популярными статьями по естествознанию, отзывами о книгах по сельскому хозяйству; имелась рубрика

¹⁸ Подсчёты основаны на данных: (Справочник по ... периодической печати, 1916).

¹⁹ Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 419. Оп. 1. Т. 1 (1818–1849). Д. 742. Л. 1–6.

²⁰ Сведения собраны на основе изучения выпусков «Записок» (Записки Лебедянского общества, 1848–1861).

«новые открытия и изобретения». В 1899 г. газета получила большую золотую медаль ВЭО за содействие развитию сельского хозяйства. Среди других известных научно-агрономических журналов и еженедельников, издаваемых на общественные средства, — «Записки» ОСХЮЖНР, «Южно-русская сельскохозяйственная газета» и «Агрономический журнал» ХарькосХ, «Полтавские агрономические известия» ПолтосХ и губернского земства, «Земский агроном» (издавался на частные средства А.В. Тейтелем при поддержке общественных организаций Самарской губернии) и др.

Скажем и о весомом вкладе местных обществ в создание корпуса *агрономической научной и учебной литературы*. Как правило, в виде отдельных оттисков выходили все наиболее важные работы, опубликованные в периодических изданиях. И главное: под грифом обществ были изданы многие монографические труды ведущих учёных-аграрников. Например, в 1911 г. ХарькосХ выпустило книгу «Сортоводство. Селекция сельскохозяйственных растений» А.И. Стебута — одно из первых отечественных руководств по селекции (Стебут, 1911).

Теперь о том, что касается *устройства конкурсов, выставок, проведения съездов*, в чём общества также были пионерами. В России XIX в. при слабом развитии сельскохозяйственного образования и малом количестве опытных учреждений подобная деятельность была не менее важной с точки зрения просветительства и консолидации зарождающегося дисциплинарного сообщества, чем выпуск периодики.

Интерес к выставочной деятельности местные общества проявили в 1840-х гг., начав регулярно проводить выставки-ярмарки — сначала в губерниях Центральной России, затем по всей империи (Никонов, 1995, с. 36). Первую крупную выставку устроило Ярославское общество сельского хозяйства в 1845 г. в с. Великом (Дмитриев, 1961, с. 173).

История российских сельскохозяйственных съездов тесно связана с оживлением контактов членов обществ, в первую очередь ВЭО и МосХ, с их европейскими коллегами в 1840—1860-е гг.²¹ В 1864 г. в Москве состоялся первый отечественный сельскохозяйственный съезд, организованный МосХ и приуроченный к всероссийской выставке. Со временем из «центра» — Петербурга и Москвы — активность переместилась на периферию. Так, в начале 1880-х гг. на Юге империи (Одесса, Харьков) земства и общества региона проводили ежегодные съезды по специальным вопросам агрономии, в частности по борьбе с вредителями сельского хозяйства. На южнорусских съездах были приняты важные организационные решения о создании областных опытных станций (Елина, Савчук, 1998, с. 96—110).

Местные общества устраивали и сельскохозяйственные форумы общеимперского масштаба. Так, поворотным событием в становлении новой дисциплины агрономии того времени — селекции — стал проведённый в 1911 г. ХарькосХ при поддержке местных обществ и земств Первый Всероссийский съезд по селекции сельскохозяйственных растений. Съезд собрал более 250 делегатов; среди них — министр А.В. Кривошеин, глава Бюро по прикладной ботанике министерства Р.Э. Регель, известные столичные профессора-аграрники; большинство участников принадлежали к общественному сектору²². Не останавливаясь на научной стороне работы съезда, выделим

²¹ ЦИАМ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 9799. Л. 1—4. К этому времени в Англии, Германии, Франции и других странах созыв съездов стал традицией. Члены МосХ неоднократно высказывались о важности организации подобных форумов в России (Попенченко, 1843, с. 334, 335).

²² Государственный архив Харьковской области (ГАХО, Украина). Ф. 237. Оп. 1. Д. 1. Л. 104.

главное: участники приняли важные организационные решения в области селекции: о необходимости подготовки специалистов, о создании сети селекционных станций, об учреждении российского общества селекционеров, о выпуске специализированного периодического издания, о регулярном созыве съездов (Труды первого Всероссийского съезда..., 1911, с. 20–34).

Отметим некоторые особенности, которые высветило начинание ХарькОСХ. Впервые инициатива созыва всероссийского съезда в специальной области агрономии принадлежала местным общественным организациям; впервые всероссийский съезд был организован на средства местных обществ и земств; впервые отбор докладчиков, формирование повестки дня и прочее осуществлял комитет съезда, состоящий из представителей местного научного сообщества — без участия столичных учёных. Наконец, впервые местные инициативы в течение продолжительного времени определяли политику формирующегося селекционного сообщества. Иными словами, Харьковский съезд продемонстрировал «центробежные тенденции» — смещение центра агрономической научной активности из центра на периферию — от столичных университетов и академий в местные общественные организации.

Решения съезда были выполнены практически в полном объеме, в том числе усилиями местных обществ. После 1911 г. селекционные отделы и специализированные станции стали открываться во многих регионах; началось чтение курсов по селекции в высших учебных заведениях²³. Вслед за Харьковом в 1912 г. в Петербурге прошёл Второй селекционный съезд, организованный Северным обществом сельского хозяйства (Труды областного съезда по селекции, 1912). Намеченный на 1915 г. также общественный съезд в Москве не состоялся из-за военных событий²⁴. Таким образом, можно утверждать, что инициативы местных обществ дали ощутимый толчок развитию селекции в России.

Разумеется, проводить общероссийские форумы могли лишь финансово состоятельные научно-практические общества, к которым относились Северное общество, ХарькОСХ и некоторые другие объединения Украины, Поволжья, запада империи. Губернские общества других регионов были также вовлечены в организацию съездов и выставок, но в значительно более скромном, провинциальном формате.

Создание *опытных учреждений, патронаж научных исследований* — центральное направление общественной активности. Его важность определяется несколькими обстоятельствами. Во-первых, научно-практическая работа опытных (экспериментальных) полей, станций и институтов «на местах» является залогом прогресса агрономической науки в любой стране. Во-вторых, только на основе применения результатов региональных исследований возможна рационализация сельскохозяйственного производства — как «на местах», так и в масштабах всей страны. Для нас создание исследовательских учреждений служит важнейшим показателем при определении степени «научности» того или иного общества.

Участие общественных организаций в этом процессе представляется особенно значимым на фоне длительного — вплоть до последнего десятилетия XIX в. — отсутствия внимания центральной власти (ведомства земледелия) к этой сфере.

Скажем сразу: в создании исследовательских институций местные общества при участии земств оказались лидерами, оставив позади государство. Вывод сделан на основании следующих цифр: из 330 опытных учреждений Российской империи 17 являлись

²³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 382. Оп. 9. Д. 264. Л. 9–17.

²⁴ ЦИАМ. Ф. 419. Оп. 1. Т. 2. Д. 2719–2721.

частными; государство учредило примерно 90; около 100 были созданы по инициативе земств; сельскохозяйственные общества организовали более 120. Дальнейшее изучение последней группы показало: более 90 учреждений принадлежали местным объединениям. При этом губернские и уездные общества открыли одинаковое число опытных учреждений — соответственно 35 и 36; 21 возникло благодаря всевозможным объединениям производителей и земледельцев: товариществ, акционерных обществ и пр.²⁵ Местные общества создали и наибольшее разнообразие опытных учреждений: на примерах из этой группы можно изучать весь спектр опытных институций — от экспериментального поля до селекционной станции.

Исторически первой формой участия обществ в патронаже агрономической науки была *общественная поддержка исследований в частных владениях*. Инициатива принадлежала отдельным членам общества; идею коллективно обсуждали, утверждали проект, выработывали программу работ и т. д. Причины взаимодействия частного лица с обществом в данном деле — и «учёные», и финансовые. Главенствующую роль играла наука: учёные-профессионалы и просвещённые любители благодаря поддержке своих обществ могли осуществить исследования по интересующим их актуальным вопросам агрономической науки. Что касается финансовой помощи, искать её заставляло непосильное бремя затрат: частный патрон, как правило, не мог полностью покрыть дорогостоящие проекты из собственных средств и вынужден был обращаться за дополнительным вспомоществованием. Причины благосклонного общественного отклика на частные инициативы будут изложены ниже, поскольку являются универсальными для общественной поддержки опытных учреждений в целом.

Приведем примеры. В 1880-е гг. под патронажем ХарькОСХ было организовано девять опытных полей в частных владениях Харьковской губернии (Морочанское, Студеньковское, Белоколодезное, Тростянецкое и др.). Инициатива в этом начинании принадлежала профессору Харьковского университета, члену ХарькОСХ А.Е. Зайкевичу. Программа исследований включала вопросы агротехники сахарной свеклы, картофеля, кукурузы, зерновых культур и многолетних трав (Зайкевич, 1893). Нетрудно заметить, что это начинание укладывалось в схему спорадической поддержки исследований в частных владениях, у истоков которой стояли Д.И. Менделеев и ВЭО (Керова, Гасанова, 1990).

Примером другой модели может служить Чистопольское (Змеевское) опытное поле Казанской губернии. Оно возникло в 1898 г. по инициативе членов Чистопольского общества сельского хозяйства князей Ливен — прежде всего П.А. Ливена, земского гласного. Семья Ливен предоставила для опытных работ участок из земель своей экономии Змеево. Использовались существующие постройки, в которых оборудовали лабораторию, метеостанцию, квартиры для сотрудников. Бюджет опытного поля формировался из средств общества, пожертвований в разной форме от князей Ливен и субсидий ДЗ (1000 руб.). Организационный план и программа опытного поля разрабатывались обществом при содействии губернского и уездного земских агрономов. Работы велись по трём направлениям: 1) приемы обработки и удобрения почвы; 2) изучение многопольных севооборотов и травосеяния; 3) сортоиспытание. Главными «опытными»

²⁵ Подсчёты сделаны нами (Елина, 2008, т. 2, с. 278–352). Общее количество известных нам опытных учреждений приближается к 400 в 1916 г. С учётом неопределённой цеховой принадлежности ряда учреждений и других поправок (прекращение работы, слияние учреждений и пр.) мы получили цифру 330. Эти данные открыты для уточнения.

культурами были хлебные злаки, корнеплоды, горох, чечевица, подсолнух, лён. В отчётах Чистопольского поля 1910-х гг. отмечены «признаки улучшения местной культуры хлебов», «расширение травосеяния на крестьянских землях», что объясняли проведением коллективных опытов и продажей крестьянам сортовых семян по низким ценам (Чистопольское (Змиевское) опытное поле, 1912, с. 72–75).

С конца 1880-х — начала 1890-х гг. местные общества выступают как независимые организаторы опытных учреждений. Разберём, какие причины побуждали к реализации таких дорогостоящих проектов, как функционировали эти учреждения, какие научно-практические задачи решали.

Если говорить о мотивах создания обществами опытных институций, они кажутся очевидными: рационализация сельского хозяйства в конце XIX в. уже не мыслилась в отрыве от науки. Отметим и особые социально-экономические обстоятельства, которые повлияли на все общества вне зависимости от их местоположения и размера. Речь идёт о неурожае и «великом голоде» 1891–1892 гг., когда соображения морального толка и бедственное положение сельских хозяев всех уровней стали решающими аргументами для выделения денег на научные эксперименты.

Однако далеко не все общества вкладывались в науку; среди тех, кто это делал, явно выделяются лидеры. Здесь мы переходим на уровень «локального», к анализу влияния местных факторов на запросы земледелия. И соответственно, на формирование характера науки «на местах», поскольку местная землевладельческая общественность побуждала учёных прислушаться к своим интересам.

Анализируя географию опытных институций, созданных местными обществами, можно увидеть их осязаемое присутствие в губерниях Западного района (Прибалтике, Царстве Польском, Белоруссии — 26), на Юге и Юго-Западе России (Екатеринославской, Киевской, Подольской и других губ. — 22), в Северном и Южном Черноземье (от Курской и Тамбовской до Харьковской и области войска Донского — 21). Для сравнения: в Центральном и Северном районах (Московская, Владимирская, Калужская, Рязанская, Тверская, Костромская, Вологодская, Новгородская, Петербургская губ.) местные общества открыли лишь 7 опытных станций и полей²⁶. Очевидный вывод: позицию местных обществ в создании опытных учреждений определяли региональные особенности.

Можно предположить, что на Западе империи, наряду с экономическими соображениями, сказывалось влияние давних европейских установок на развитие агрономической науки при общественной поддержке. Напомним про высокий уровень аграрной самоорганизации в этом регионе, что позволило развивать общественную поддержку при абсолютном неучастии «центра» и отсутствии вспомоществования земств.

Для хлеборобных областей (от Черниговской и Херсонской губ. на западе до Самарской и Саратовской на востоке) главные побудительные причины лежали в области социально-экономической. Именно этот регион являлся главной житницей империи; его можно условно назвать «черноземным». Наличие множества крупных высокодоходных хозяйств с достаточно дешёвой рабочей силой позволяло местным обществам «нанимать» науку для получения ещё больших доходов. Однако с основным богатством

²⁶ Подсчёты сделаны на основе: Елина, 2008, т. 2, с. 278–352. Отметим Восточный район (поволжские губернии, от Саратовской до Казанской), где практически все опытные учреждения — 25 из 29 — были созданы по инициативе земств; два учреждения возникли при поддержке сельскохозяйственных обществ.

региона — чернозёмами и относительно мягким климатом, было связано немало проблем: почвенная эрозия, засухи, весенние заморозки и пр. Борьба с таким набором «бедствий» можно было только с помощью рекомендаций региональной науки; разработки столичных ученых в данном случае не подходили. Проблемы хлебного экспорта (структурные: малая доля продуктов переработки, биологические: низкое качество зерна и пр.), стремление увеличить доходность торговли — другой побудительный мотив, заставивший выделять деньги на научные исследования, изучать опыт главного соперника в этой сфере — США. Со временем важным стимулом развития опытных учреждений стала и научная конкуренция между соседними губерниями. Об инициативах объединений сельских хозяев региона говорили современники: «Почин <...> принадлежит сельскохозяйственным обществам главных земледельческих губерний черноземной полосы, где частые недороды и общий недостаток влаги заставляли более передовых хозяев прибегать за помощью к науке. При этом, как и в устройстве первых опытов Императорского Вольного экономического общества, в этих начинаниях сельскохозяйственных обществ принимают самое энергичное участие представители агрономических и естественных наук, которым нередко принадлежит самая мысль устройства тех или иных опытных учреждений» (Агрономическая помощь в России, 1914, с. 360).

Что могла предложить наука для решения отмеченных проблем? Разумеется, традиционно рассчитывали на агротехнику: разработку рекомендаций по сохранению влаги (техника вспашки, время посева и пр.), создание особых севооборотов и др. Повышение урожаев уже не представляли себе без участия агрохимии, применения удобрений. Но главные ожидания в регионе (как и во всем мире) были связаны с молодой тогда наукой селекцией, которая бралась за кардинальное «улучшение» посевного материала. Итак, потребность в новых высокопродуктивных сортах, обладающих особыми характеристиками (засухоустойчивость, зимостойкость, высокое содержание питательных веществ и т. д.) привела к созданию общественных опытных учреждений, основным направлением работы которых стала селекция. Неудивительно, что центр селекционной деятельности в России пришёлся главным образом на Чернозёмный регион, то есть оказался на географической периферии. Большинство местных общественных опытных учреждений были так или иначе связаны со всем спектром работ в области селекции — от сортоиспытания известных и интродукции новых культур до выведения новых сортов. Кроме того, местные опытные поля и станции выполняли традиционные циклы работ по исследованию региональных почв, выработке рекомендаций по применению удобрений, севооборотам и т. д.

Покажем на конкретных примерах, как возникали местные опытные учреждения и выстраивались их научные программы.

История старейшего из них уходит в 70-е гг. XIX в., когда в Полтавском обществе сельского хозяйства возникла идея организации опытного поля. Вопрос так и остался открытым из-за отсутствия денег. Только в 1884 г. была получена субсидия в 10 тыс. руб. от губернского земства на покупку 20 десятин близ Полтавы, что позволило начать работу. В 1893 г. земство за свой счёт добавило опытному полю ещё 45 десятин (Справочник по сельскохозяйственным опытным учреждениям, 1912, с. 148–162). На обустройство, строительные работы и прочее ПолтОСХ потратило крупную сумму в 40 тыс. руб., причём «...частные лица приходили на помощь... пожертвованиями лошадей, орудий и т. п.» (там же, с. 160). Бюджет учреждения был также внушительным: он складывался из субсидий земства (3–4 тыс. руб.), средств от продажи сельскохозяйственных продуктов (1500 руб.), пособий ДЗ (от 900 руб. при основании до 4 тыс. руб. в 1900-е гг.),

«регулярных взносов члена общества г. Безака» (300 руб.), доходов от заказных исследований и продажи выпусков печатного издания — «Трудов» Полтавского опытного поля (200 руб.). Материалы исследований, помимо «Трудов», публиковались в ведущих местных общественных изданиях, в том числе в «Записках» ПолтОСХ и еженедельнике «Хуторянин». В 1910 г. поле было преобразовано в Полтавскую опытную станцию; бюджет возрос до 19 тыс. руб., вскоре был открыт селекционный отдел (Сборник сведений о сельскохозяйственных опытных учреждениях, 1911, с. 139–165). Среди сотрудников станции назовём С.Ф. Третьякова, выпускника Московского университета и Ново-Александрийского института сельского хозяйства и лесоводства. Под его началом была разработана программа опытов, направленная на «решение вопроса борьбы с засухой» и включавшая изучение агротехнических приемов, «испытание сортов основных хлебов... с их последующим улучшением» (там же, с. 162). Систематические селекционные исследования проводились уже в 1905–1910 гг. Главные результаты, принесшие известность Полтавской станции, — выведение селекционных сортов, — были получены уже в советское время.

Особые опытные учреждения возникли под патронажем обществ, которые можно условно назвать агропромышленными. В этой области лидировали объединения свеклосахарной промышленности — производителей семян и сахарозаводчиков. Территориально они охватывали Южное Черноземье, часть губерний Южного и Юго-Западного районов, некоторые балтийские и привислинские губернии. Это были весьма успешные, «богатые» общества: по вкладу в общемировой сбор сахарной свёклы перед войной 1914 г. Российская империя занимала второе место, уступая лишь Германии (Чаянов, 1927).

В 1886 г. акционерным обществом «К. Бущинский и М. Лонжинский» была основана одна из первых опытных станций — Немерчанская в Подольской губернии. Помимо селекции сахарной свеклы на станции занимались также выведением новых сортов зерновых (в том числе с использованием гибридизации — работы Э.Ю. Заленского), некоторыми теоретическими вопросами — изучением наследования приобретенных изменений. В 1890 г. в Киевской губ. была создана общественная Кальникская опытная станция, также ориентированная на селекционные работы по культуре сахарной свеклы. В 1899 г. также в Киевской губ. была открыта Верхняцкая селекционная станция, которая принадлежала Товариществу сахарного завода «Верхнячка» (Елина, 2008, т. 1, с. 253–262).

Харьковское общество сельского хозяйства в 1908 г. открыло первую широкопрофильную специализированную селекционную станцию. На её строительство и оборудование были затрачены деньги общества, Харьковского губернского земства и казны (общая сумма — более 50 тыс. руб.). Участок земли общество арендовало у городских властей Харькова. В содержании станции (годовой бюджет — около 9500 руб.) примерно поровну (по 4000 руб.) участвовали земство и сменившее МЗиГИ Главное управление землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ); использовались также доходы от продажи сельхозпродуктов. В задачи станции входило «изучение и возможное улучшение возделываемых в данной области сельскохозяйственных растений и выведение новых сортов; в ближайшее время (речь идет о 1911 г. — *О.Е.*) изучаются сорта главнейших хлебных растений (пшеницы, ржи, ячменя, кукурузы и проса), а также некоторых кормовых растений (вики, клевера и люцерны) и начаты уже селекционные работы» (Сборник сведений о сельскохозяйственных опытных учреждениях, 1911, с. 252). На станции работали известные учёные: профессор Новоалександрийского института сельского хозяйства и лесоводства

П.В. Будрин²⁷, В.Я. Юрьев. Со временем Харьковская станция выпустила множество сортов пшеницы, ржи, ячменя, кукурузы, вики и др.

При этом надо отметить, что в рамках государственного сектора в тот период селекционных станций ещё не существовало. Так, известный селекционер, учитель Н.И. Вавилова, приват-доцент кафедры общего земледелия Московского сельскохозяйственного института (МСХИ) Д.Л. Рудзинский долгие годы добивался открытия в институте селекционной станции; борьба увенчалась успехом только в 1908 г. Станция стала первым государственным учреждением в области селекции в России (Elina, 1997).

Имена Рудзинского, Регеля и других столичных адептов селекции и ее теоретической основы — менделизма — не перекрывают длинного списка «периферийных» учёных-менделистов, в том числе оказавшихся во главе активно создававшихся общественных селекционных подразделений. Воспользовавшись выражением И.В. Герасимова, скажем, что эти люди принадлежали к *новой генерации* профессионалов-аграрников (Герасимов, 2003, с. 282). И хотя Герасимов не настаивает на возрасте как главной характеристике поколения, мы утверждаем: как правило, их объединяла именно молодость и увлечение «молодой» наукой селекцией. Возглавить работы по селекции поручали не опытным агрономам с именем (и, возможно, консервативными взглядами на растениеводство), а поколению тридцатилетних, открытому для восприятия нового. Есть и другое объяснение: молодые социально мобильнее, их легче (дешевле) нанять. Мы полагаем, что истина — посередине: агрономы новой генерации действительно охотнее шли на перемену места работы, нуждаясь в стабильном заработке; одновременно они были увлечены новыми научными концепциями, способны быстро освоить зарубежный опыт и реализовать его на практике. Отметим, что зарубежные стажировки общества организовывали на собственные средства, привлекая земства; иногда поездки удачно совпадали с командировками для подготовки к профессорскому званию. Так, возглавить работы по селекции на Одесском опытном поле, организованном ОСХЮжнР, пригласили 26-летнего приват-доцента Новороссийского университета А.А. Сапегина. Во время целевой зарубежной командировки от университета уже по инициативе общества он объехал ведущие селекционные станции Западной Европы, изучая организацию и методики селекции. В результате селекционная программа в Одессе была выстроена по схеме передовой в то время Свалёфской селекционной станцией в Швеции (также общественной). Впоследствии (1918) под началом Сапегина опытное поле было преобразовано в селекционную станцию, которая отчиталась перед новой советской властью десятком ценных сортов озимой и яровой пшеницы; в их числе Земка, Кооператорка, Степнячка, Одесская-4 (Драголи, Кушнир, 1978, с. 21–45.).

Подводя итог сказанному, отметим, что местные объединения не только возглавили список патронов опытных селекционных учреждений, но фактически оказались в центре процесса консолидации агрономического сообщества России. На этот факт обращали внимание и современники, учёные-аграрники новой генерации. Так, в 1911 г. в предисловии к уже упоминавшейся книге «Сортоводство» молодой селекционер А.И. Стебут, руководивший в то время земской опытной станцией в Саратове, отмечал: «Интерес к селекционным... вопросам несомненно крепнет в России... И нельзя не отметить в высокой степени

---

²⁷ Одним из первых профессоров империи Будрин включил в свой курс растениеводства в Новой Александрии и особенно Харьковском университете (приват-доцентский курс) разделы по методам научной селекции и менделизму (Вергунов, Коваленко, 2004).

многозначительного и отрадного явления, что это движение совершается пока исключительно по частной, вернее, общественной инициативе. Это, пожалуй, первое дело, в котором с самого начала местные силы на свой страх рискнули начать новое дело» (Стебут, 1911, с. V).

Нам осталось сказать об *учебно-просветительской* деятельности обществ. Эта тема — логичное продолжение разговора об опытных учреждениях. Одним из направлений их работы была «агрономическая помощь» местным хозяевам. Она заключалась в проведении экскурсий с демонстрацией инноваций, в организации *показательных*, или *коллективных опытов* на крестьянских землях и т. п.

Как проводилась такая работа, рассмотрим на примере Елецкого общества сельского хозяйства Орловской губ. (1913). Для коллективных опытов по договорённости с крестьянами было рекомендовано несколько десятков хозяйств. Из предложенной программы крестьяне сами отобрали следующие интересовавшие их направления: агротехника озимых (10 хозяйств), время вспашки овса (9 хозяйств), влияние минеральных удобрений (4 хозяйства). Предварительная работа по разбивке и налаживанию опытных участков осуществлялась специальным персоналом; в дальнейшем крестьяне самостоятельно продолжали работу под контролем инструкторов. Единовременные расходы составили около 4000 руб.; текущие расходы (содержание заведующего опытами, постоянных и разъездных инструкторов, покупка орудий, материалов и пр. — 5330 руб.) покрывались местным земством. Как говорилось в отчёте, опыты «представляли живой практический интерес для участников», способствуя улучшению местной культуры земледелия (Доклад о коллективных опытах, 1915, с. 8–11).

Проведение бесед, чтений, устройство курсов и прочее относится к достаточно поздней форме просветительской деятельности вообще и общественной в частности. Это направление начало оформляться после принятия временных правил по устройству чтений в конце 1890-х гг. и особенно положения о сельскохозяйственном образовании 1904 г., которым «чтения и беседы поставлены были в ряду учебных установлений для распространения сельскохозяйственных знаний» (Агрономическая помощь в России, 1914, с. 328–330).

Популярностью у крестьян пользовались *сезонные курсы* разной продолжительности — от нескольких дней до недель. Как правило, они охватывали какую-либо отдельную отрасль сельского хозяйства, устраивались в сезон соответствующих работ в полевых условиях. Их разновидность — *передвижные курсы*. Самые известные принадлежали многочисленным обществам пчеловодства (Об устройстве Передвижных курсов, 1914). Альтернативой были более основательные *зимние курсы*, в том числе для подготовки инструкторов по специальным отраслям сельского хозяйства и т. д. Среди других интересных примеров — *агрономические чтения и беседы* в воинских частях; этим занималось Московское общество распространения сельскохозяйственных знаний в народе²⁸. По данным 1912 г. общественным сектором было устроено 37 % чтений и 38 % курсов по сельскому хозяйству (Агрономическая помощь в России, 1914, с. 338–341).

Создание *сельскохозяйственных школ* всех ступеней, напротив, имеет глубокие корни, уходящие в ранние периоды деятельности известных межрегиональных обществ. Так, основание опытного хутора МОСХ (1821) относится к числу первых мероприятий общества. Как правило, общества поддерживали частные инициативы своих членов; проект МОСХ был предложен Д.М. Полторацким, считавшим важным, чтобы «многие заимствовали познания... практической части земледелия» (цит. по: Неручев, 1877,

²⁸ ЦИАМ. Ф. 1575. Оп. 1. Д. 17. Л. 5–9.

с. 2). Если говорить о вступлении на эту стезю местных обществ, одним из первых было Симбирское общество сельского хозяйства, открывшее сельскохозяйственную школу I разряда в 1890-х гг. (Агрономическая помощь в России, 1914, с. 260).

Говоря об общественном участии в создании женских школ, И.И. Юкина отмечает: «частная инициатива по организации женского сельскохозяйственного образования, нашедшая свое представительское лицо в виде профессора И.А. Стебута, образовала еще один инициативный “узел” женской сети» (Юкина, 2007, с. 208). С поддержки частных женских школ в российской глубинке начало свою деятельность Общество содействия женскому сельскохозяйственному образованию, созданное в 1889 г. по инициативе известного агронома И.А. Стебута. Среди этих учебных заведений — Зозулинская женская практическая школа сельского хозяйства и домоводства в поместье А.Н. Червонной (1888), Понемуньская женская школа домоводства и сельского хозяйства в гродненском имении баронессы А.И. Будберг (1889), Преображенская женская сельскохозяйственная школа в имении известного общественного деятеля Н.Н. Неплюева (Черниговская губ., 1891, под патронажем его матери и сестёр) и др. (Елина, 2011). В 1904 г. общество открыло Высшие женские сельскохозяйственные курсы в Петербурге, вскоре получившие имя их основателя И.А. Стебута. Курсы возглавил профессор Е.Ф. Лискун; преподавать пригласили С.В. Аверинцева (зоология), В.Н. Сукачева (систематика и география растений), Г.Н. Бонга (агрономическая химия), В.Н. Брунста (общая агрономия), П.С. Броунова (метеорология), Н.К. Недокучаева (растениеводство, частное земледелие), В.В. Пашкевича (плодоводство); летом читался один из первых в России курсов селекции с практическими занятиями (Л.С. Иванова)²⁹. До 1914 г. здесь получили дипломы агронома 33 выпускницы. Курсы имели свою учебно-опытную площадку в имении Княжий двор Шимского уезда Новгородской губ. (Очерк ..., 1915). Не отставала и провинция. В 1913 г. Саратовское общество сельского хозяйства организовало в городе Высшие сельскохозяйственные курсы с 4-летним сроком обучения и правами института (Саратовские..., 1939, т. 1, с. 3–4). Сельскохозяйственные школы и курсы планировались к открытию обществами в Самаре, Омске и Минске.

Объединения аграрной общественности, по сути, проводили собственную политику в области аграрной науки. «Общественный фактор» в результате приходилось учитывать центральному правительству при подготовке законодательных актов в этой сфере. Так, на земских совещаниях по опытному делу в Чернигове, Екатеринославе и Харькове в 1907–1908 гг., не дожидаясь распоряжений центра, самостоятельно приняли решение о сознании крупных областных станций, проводящих оригинальные научные исследования. И только вслед за этим вопрос удалось вынести на повестку дня правительственного совещания. Не удивительно, что при обсуждении проекта закона об областных станциях общественное лобби настаивало на местном подчинении и финансировании этих учреждений; точку зрения регионов поддержали многие столичные учёные. Итоговый документ полностью устраивал аграрную общественность. Областные станции создавались «губернскими земствами или земствами смежных губерний»; менее крупные опытные учреждения рекомендовалось создавать исключительно на местном уровне, по согласованию с местными обществами (Собрание узаконений, 1912, ст. 1011). Принятый закон, по сути, легитимизировал общественное лидерство в организации аграрной науки. Остается добавить, что

²⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-2306. Оп. 18. Д. 652. Л. 29–29об.

практика создания областных опытных станций подтвердила справедливость предположений о чисто декларативном характере обещаний правительства: при создании некоторых станций земства с трудом получали «казённые» субсидии.

Заключение

Подводя итог изучению развития местных сельскохозяйственных обществ, предложим вариант их общей периодизации:

— рубеж XVIII–XIX вв. — учреждение первых региональных объединений для вспомоществования сельскому хозяйству;

— 1830-е — 1860-е гг. — открытие губернских обществ; первые общественные инициативы в области агрономии; принятие сельскохозяйственных обществ под эгиду ведомства земледелия;

— конец 1860-х — начало 1890-х гг. — перевод регистрации обществ на ведомственный уровень; появление уездных объединений; земская поддержка общественных инициатив;

— середина 1890-х гг. — 1917 г. — государственное субсидирование местных обществ; массовое создание обществ с малым радиусом действия после введения НУ и ВП; активность и лидерство местных обществ в сфере институционализации агрономии.

Итак, общества «на местах» родились в силу потребностей землевладельцев обсуждать и разрешать проблемы местного сельского хозяйства. Значение имел и «научный интерес»: участие в работе обществ стало своего рода университетом для тех, кто интересовался агрономией. Наблюдалось возрастание объема сельскохозяйственной активности в триаде «индивидуум—общество—государство»³⁰. На ранних этапах в деятельности обществ много значила индивидуальная активность отдельных членов. Расширение самоорганизации на местах вывело на авансцену общественную инициативу *per se*. Заметную роль играла земская поддержка, позволившая увеличить объём и повысить качество агрономической работы. Массовое создание местных обществ связано с либерализацией аграрного законодательства. При этом многие сферы их деятельности — от организации опытных учреждений до мероприятий агрономической помощи — начали регулярно субсидироваться правительством (при сохранении общественной инициативы).

Местные общества составляли большинство сельскохозяйственных объединений Российской империи. Как правило, в союзе с земствами они лидировали в издании периодики, просветительской работе среди крестьян, создали большую часть опытных учреждений, оставив далеко позади государство. Общественный сектор являлся «центром» процессов аграрной модернизации в провинции, а значит и в империи в целом.

Стоит отметить и вариативность организационной структуры и деятельности местных сельскохозяйственных обществ в зависимости от различающихся региональных факторов: плодородия земель, близости или удалённости от европейских институций, наличия местных центров финансовой поддержки и пр. Общественная

³⁰ Согласно Ю. Хабермасу (Habermas, 1989, p. 27–31), общества занимают промежуточное положение между личностью и государством; через общественную сферу осуществляются их коммуникации.

форма организации максимально подходила для оперативного решения разнообразных местных агрономических задач в условиях малоповоротливой государственной машины Российской империи.

Литература:

Агрономическая помощь в России / под ред. В.В. Морачевского. Пг.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1914. 607 с.

Арефьев В. Читатель народной газеты // Русское богатство. 1898. № 12. Отд. II. С. 16–40.

Биология в Санкт-Петербурге, 1703–2008: энциклопедический словарь / отв. ред. Э.И. Колчинский; сост.: Э.И. Колчинский, А.А. Федотова. СПб.: Нестор-История, 2011.

Боровский М.П. Исторический обзор 50-летней деятельности Императорского Общества сельского хозяйства Южной России с 1828 по 1878 год. Одесса: П. Францев, 1878. 276, 76 с.

Бредли Дж. Общественные организации и развитие гражданского общества в дореволюционной России // Общественные науки и современность. 1994. № 5. С. 77–89.

Вавилов Н.И. Опрыскивание как средство борьбы с осотом (*Girsium arvense* Scop.) // Хуторянин (Полтава). 1910а. № 37. С. 1492–1494.

Вавилов Н.И. Опыт протравливания семян, инфицированных головней // Хуторянин (Полтава). 1910б. № 38. С. 1543–1545.

Вергунов В.А., Коваленко С.Д. Петр Васильевич Будрин. М.: Наука, 2004. 188 с.

Вит-ъ. Сельскохозяйственная периодическая печать в России: к ее пятидесятилетию // Агрономический журнал. 1915. № 7–8.

Герасимов И.В. Все влияние «знающим людям»: новая генерация российской интеллигенции как модернизаторы // Власть и наука. Учёные и власть. 1880-е — начало 1920-х гг. Материалы международного научного colloquium. СПб.: Д. Буланин, 2003. С. 278–297.

Глебов (Меркулов) А.В. Сельскохозяйственные общества. 3-е изд. СПб.: Н. Ермин, 1908. 32 с.

Головки А.Г. Сельскохозяйственные общества Харьковской губернии. Харьков: Харьк. губ. земская управа, 1910.

Дмитриев С.С. Возникновение сельскохозяйственных выставок в России // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961. С. 172–180.

Доклад № 75 о коллективных опытах восточной половины Орловской губ. (в районах опытных полей Елецкого и Орловского). Орел: Тип. губ. земской управы, 1915. С. 8–11.

Елина О.Ю. От царских садов до советских полей. История сельскохозяйственных опытных учреждений. XVIII – 20-е годы XX века. в 2-х т. М.: Эгмонт Россия, 2008. Т. 1: 479 с.; Т.2: 487 с.

Елина О.Ю. Сельскохозяйственные общества России, 1765–1920-е гг.: вклад в развитие агрономии // Российская история. 2011. № 2. С. 27–45.

Елина О.Ю., Савчук В.С. Опытные сельскохозяйственные станции Российской империи: тенденции развития на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Днепропетровского университета. 1998. Вып. 4. С. 96–110.

Ермолов А.С. Неурожай и народное бедствие (причины голода и борьбы с ним). СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1892. 271 с.

Зайкевич А.Е. Труды опытных полей организованных в некоторых частных хозяйствах черноземной полосы России. Отчет за 1892 г. Харьков: Тип. И.М. Варшавчика, 1893. 100 с.

Записки Лебедянского общества сельского хозяйства. М., 1848–1861.

Исторический обзор деятельности Комитета министров: К столетию Комитета министров (1802–1902) / сост. С.М. Середонин. Т. 1. СПб.: Канц. Комитета министров, 1903. 608 с.

Керова Л.С., Гасанова Н.В. Боблово — одна из творческих лабораторий Д.И. Менделеева. Л.: ЛО ИИЕТ, 1990. 49 с.

Козлов С.А. Аграрные традиции и новации в дореформенной России (центрально-нечерноземные губернии). М.: РОССПЭН, 2002. 557 с.

- Козлов С.А.* Аграрная рационализация в центрально-нечерноземной России в пореформенный период (по материалам экономической печати). М.: Ин-т рос. истории, 2008. 442 с.
- Кочонис Я.* Как крестьян делали отсталыми. Сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России, 1861–1914. М.: НЛЮ, 2006. 320 с.
- Кулябко-Корецкий Н.Г.* Опыт издания народной газеты: Вятская газета, 1894–1899 гг. СПб.: Тип. В. Демакова, 1899. 111 с.
- Лоскутова М.В.* Любители и профессионалы: естествознание в российской провинции второй половины XIX — начала XX в. // ВИЕТ. 2011. № 2. С. 45–66.
- Неклепаев И.Я.* Сельскохозяйственные общества в Ярославской губернии. Ярославль: Типо-лит. губ. зем. управы, 1913. 106 с.
- Неручев М.В.* Хутор Императорского Московского общества сельского хозяйства. Исторический очерк. М.: Унив. тип. (М. Катков), 1877. 221 с.
- Никонов А.А.* Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.). М.: Энциклопедия российских деревень, 1995. 576 с.
- Нормальный устав для местных сельскохозяйственных обществ: утв. 28 февр. 1898 г. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1910. 28 с.
- Нормальный устав для местных сельскохозяйственных обществ : утв. 7 мая 1911 г. СПб.: Санкт-Петербург. отд. сельхоз. кооперации, 1912. 20 с.
- Об устройстве Передвижных курсов Русским обществом пчеловодства. СПб.: Общественная польза, 1914. 9 с.
- Обозрение действий Лебединского общества сельского хозяйства за первое десятилетие с 1847 по 1857 г. М.: Тип. В. Готье, 1858. 106 с.
- Отчет о деятельности Сельскохозяйственного совета в первую его сессию (с 7 января по 15 февраля 1895 г.). СПб.: Тип. В.Ф. Киришбаума, 1895. 53 с.
- Очерк развития Стебутовских сельскохозяйственных высших курсов за десятилетие их существования и отчет об их состоянии за 1913/1914 гг. / сост. *Е.Ф. Лискун*. Пг., 1915. 137 с.
- Попенченко К.* Об учреждении съездов для совещаний по предметам сельского хозяйства // Земледельческая газета. 1843. № 42 (25 мая). С. 334–335.
- Потребительские и сельскохозяйственные общества Российской империи. Справочник. 3-е доп. изд. / под. ред. В.В. Сапелкина, В.М. Макарова. СПб.: Тип. А.Ф. Штольценбурга, 1910. XLIV, 548 с.
- Путеводитель по научным обществам России / сост. И.И. Комарова. Нью-Йорк: Norman Ross Publishing Inc., 2000. 883 с.
- Рева И.М.* Киевское сельскохозяйственное общество, его деятели и деятельность. Киев: тип. Ун-та Св. Владимира, 1892. 31 с.
- Савчук В.С.* Естественнонаучные общества Юга Российской империи, вторая половина XIX — начало XX в. Днепрпетровск: Вид. ДДУ, 1994. 231 с.
- Саратовские сельскохозяйственные высшие женские курсы // Труды Саратовского сельскохозяйственного института. 1939. Т. 1. 52 с.
- Сборник сведений о сельскохозяйственных опытных учреждениях Российской империи. Вып. 1–2. М.: Тип. М.П. Фроловой, 1911–1913.
- Собрания узаконений и распоряжений правительства, издаваемые при Правительствующем Сенате. СПб.: Тип. Сената, 1912. № 121. Ст. 1011.
- Советов А.В.* Сельскохозяйственные общества // Энциклопедический словарь: в 86 т. Т. 63. СПб.: Брокгауз–Ефрон, 1899. С. 158–160.
- Справочник по сельскохозяйственной периодической печати 1916 г. / под ред. В.В. Морачевского. Пг.: Тип. В.Ф. Киришбаума, 1916. IV, 191 с.
- Справочник по сельскохозяйственным опытным учреждениям России / сост. А.Г. Дояренко. М.: Тип. О.Л. Сомовой, 1912. XXXI, 372, 68 с.
- Справочные сведения о сельскохозяйственных обществах. Ч. 1: Адрес-календарь сведений к весне 1911 г. / под ред. В.В. Морачевского. СПб.: Тип. В.Ф. Киришбаума, 1911. VII, 434, XV с.
- Справочные сведения о сельскохозяйственных обществах по данным на 1915 г. / под ред. В.В. Морачевского. Пг.: Тип. В.Ф. Киришбаума, 1916. 257 с.

Справочные сведения о сельскохозяйственных обществах: доп. выпуск адрес-календарных сведений к 1 янв. 1917 г. / под ред. В.В. Морачевского. Пг.: Тип. В.Ф. Киришбаума, 1917. XIV, 298 с.

Стебут А.И. Сортоводство (селекция сельскохозяйственных растений). Харьков: Изд. «Южно-рус. сельхоз. газ.», 1911. 220 с.

Степанский А.Д. Общественные организации России на рубеже XIX–XX вв. М.: МГИАИ, 1982. 81 с.

Тихомиров В.А. Историческая записка о деятельности Полтавского сельскохозяйственного общества с 1865 г. по 1887 г. Полтава: Тип. насл. Н. Пигуренко, 1887. 257 с.

Тихонов Б.В. Обзор «Записок» местных сельскохозяйственных обществ 30–50-х гг. XIX в. // Проблемы источниковедения. М., 1961. Т. 9. С. 92–162.

Труды областного совещания представителей земств южных губерний России, созванного для обсуждения вопроса о хлебном жуке в Одессе 28 февраля — 6 марта 1881 г. Одесса, 1881. 136 с.

Труды областного съезда представителей земств восьми губерний южной России с 10 по 19 февраля 1882 г. в г. Харькове по вопросу об истреблении хлебного жука и других вредных в сельском хозяйстве насекомых. Харьков, 1882. 132 с.

Труды областного съезда представителей земств и сельских хозяев Южной России, проходившего 7–20 сентября 1910 г. в г. Екатеринославе. Екатеринослав, 1910. 345 с.

Труды Первого Всероссийского съезда деятелей по селекции сельскохозяйственных растений, семеноводству и распространению семенного материала 10–15 января в г. Харькове. Харьков, 1911. Вып. I–IV.

Труды Совещания по организации сельскохозяйственного опытного дела в России, проходившего при ГУЗиЗ с 14 по 20 ноября 1908 г. СПб.: Тип. М.П. Фроловой, 1909. XIV, 407 с.

Туманова А.С. Общественность и формы ее самоорганизации в имперской России, конец XVIII — начало XX вв. // Отечественная история. 2007. № 6. С. 50–63.

Туманова А.С. Общественные организации и русская публика в начале XX века. М.: РОССПЭН, 2008. 320 с.

Устав сельского хозяйства / Свод законов Российской империи. Т. 12. Ч. II. СПб.: Гос. тип., 1903. 142 с.

Устав Рязанского общества сельского хозяйства. М., 1866. 14 с.

Устав Тверского общества сельского хозяйства и садоводства. М., 1864. 15 с.

Устав Харьковского общества сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности. Харьков: Тип. И. Варшавчика, 1891. 18 с.

Чаянов А.В. Сельское хозяйство СССР // Энциклопедический словарь «Гранат». 1927. Т. 41. С. 2–22.

Чернуха В.Г. Сельскохозяйственные общества в России в 60–70-е гг. // Проблемы социально-экономической истории России. СПб., 1991. С. 188–196.

Чистопольское (Змиевское) опытное поле // Сборник сведений о сельскохозяйственных опытных учреждениях. Вып. I. М.: Тип. М.П. Фроловой, 1912.

Bradley J. Voluntary Associations in Tsarist Russia: Science, Patriotism, and Civil Society. Cambridge (Mass.): Cambridge Univ. Press, 2009. 336 p.

Elina O. Yu. Dionisy Rudzinsky. The plant breeding station at the Moscow Agricultural Academy and its contacts with Svalöf, 1900–1917 // Sveriges Utsädesfeorenings Tidskrift. 1997. Vol. 12. P. 225–234.

Fox R. The Savant Confronts his Peers: Scientific Societies in France, 1815–1914 // Reflexions Historiques, 1980. Vol. 7. P. 241–282.

Gerasimov I.V. Modernism and Public Reform in Late Imperial Russia: Rural Professionals and Self-Organization, 1905–1930. Houndmills, Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009. 340 p.

Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere. An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Cambridge: Univ. of Cambridge Press, 1989. 301 p.

Inkster I. Scientific Enterprise and the Colonial “Model”: Observations on the Australian Experience in Historical Context // Social Studies of Science, 1985. Vol. 15. P. 677–704.

Kingston-Mann K. In Search of the True West: Culture, Economics and Problems of Russian Development. New Jersey: Princeton Univ. Press, 1999. 301 p.

Metropolis and Province: Science in British Culture, 1780–1850 / ed. by I. Inkster and J. Morrell. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 1983. 288 p.

Nye M.J. Science in the Provinces. Scientific Communities and Provincial Leadership in France, 1860–1930. Berkeley, Los Angeles, London: Univ. of California Press, 1986. 328 p.

Porter R.S. Science, Provincial Culture, and Public Opinion in Enlightenment England // *British Journal for Eighteenth Century Studies*, 1980. Vol. 3. P. 20–46.

Todd J. Science at the Periphery: An Interpretation of Australian Scientific and Technological Dependency and Development prior to 1914 // *Annals of Science*. 1993. Vol. 50. P. 33–58.

Science and Empires: Historical Studies about Scientific Development and European Expansion / ed. by P. Petitjean, C. Jami, and M.M. Moulin. Dordrecht: Kluwer Academic Press, 1992. 411 p.

Pyenson L. Civilizing Mission: Exact Sciences and French Overseas Expansion, 1830–1940. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, 1993. 377 p.

Shapin S. The audience for science in eighteenth-century Edinburgh // *History of Science*, 1974. Vol. 12. P. 95–121.

Shils Ed. The Constitution of the Society. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1982. 383 p.

Shils Ed. Center and Periphery. Essays in Macrosociology. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1975. 516 p.

Local Agricultural Societies: Towards the Agrarian Modernization of Russia

OLGA YU. ELINA

Institute for the History of Science and Technology named after Sergey I. Vavilov, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; olgaelina@mail.ru

The focus of the paper is on the Russian local agricultural societies: their organization as well as scientific and economic development. The public agricultural activities succeeded in supporting and developing agrarian sciences through practical applications and innovation in local agricultural practice. The paper argues that local societies supported by the zemstvos became the centers of the agricultural progress in the province. Thus they spearheaded the process of agrarian modernization in the Russian Empire.

Keywords: agricultural societies, agronomical science, professionalization of agronomy, public scientific and educational institutions, agrarian modernization.

Научно-организационная деятельность Сельскохозяйственного научного комитета Украины (1918–1927) по координации отраслевых исследований

С.Д. КОВАЛЕНКО

Государственная научная сельскохозяйственная библиотека
Национальной академии аграрных наук Украины, Киев, Украина;
kovalenkosd@ukr.net

Историко-научный анализ деятельности Сельскохозяйственного научного комитета Украины (СХНКУ) в 1920-е гг. дает основание квалифицировать его как орган, впервые взявший на себя труд по координации работ в сельском хозяйстве Украины. Несмотря на непростую политическую обстановку, именно благодаря СХНКУ в стране начала налаживаться комплексная отраслевая научная деятельность. В этот период его структурными подразделениями были получены первые научные результаты, ставшие базовыми, которые в дальнейшем предопределили достижения в аграрных и смежных с ними отраслях.

Ключевые слова: Сельскохозяйственный научный комитет Украины, сельское хозяйство, научная деятельность, аграрная наука, опытное дело, В.И. Вернадский.

В результате фундаментального исследования этапов становления и развития Национальной академии аграрных наук (НААН) в рамках научных тем Центра истории аграрной науки Государственной научной сельскохозяйственной библиотеки (ГНСХБ) НААН в анналы памяти исторических научных событий справедливо возвращена совершенно забытая государственная структура — Сельскохозяйственный учёный (позже — научный) комитет Украины (СХУКУ/СХНКУ). В 20-х годах XX в. Комитет координировал деятельность научных учреждений и организаций Украины, в связи с чем его по праву можно считать одним из предшественников современной отраслевой академии наук (Сільськогосподарський..., 2006, с. 4). Деятельность СХНКУ отражена в ряде научных работ сотрудников Центра под руководством члена-корреспондента НААН В.А. Вергунова (Вергунов, 2001, с. 31–33; Вергунов, 2005а, с. 167–182; Вергунов, 2006, с. 25–52; Пашківська, 2002, с. 126–130; Вергунов, 2005b, с. 143–147; Красніцька, 2009, с. 106–112; Коваленко, 2009, с. 152–157; Коваленко, 2011; и др.).

Первоначально, а именно 1 ноября 1918 г., по приказу Министерства земельных дел Украины (ч. 162), за подписью министра В. Леонтовича¹, был создан Учёный комитет. Первым его председателем 16 ноября 1918 г. был назначен Владимир Иванович Вернадский² — согласно приказу (ч. 172), подписанному заместителем министра. Учёный комитет создавался и как аналог Санкт-Петербургского сельскохозяйственного учёного комитета (СХУК) — государственной организации, существовавшей в стране ещё до 1917 г. (Вергунов, 2006, с. 25–52).

¹ Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГАВО Украины). Ф. 1061. Оп. 1. Д. 32. Л. 202.

² Там же. Л. 216.

Петербургский СХУК (первоначальное название — Учёный комитет) был создан 26 декабря 1837 г. (Высшие..., 2002) при Министерстве государственных имуществ Российской империи как совещательный орган. В его задачу входило рассмотрение новых предложений, вскрытие недостатков в работе и исправление ошибок, допущенных учреждениями, находящимися в подчинении МГИ, а также относящимися к сельскому хозяйству. Положительным моментом в этом отношении было понимание того, что работа таких учреждений требовала и должна была основываться на специальных научных знаниях. В компетенцию Учёного комитета, помимо прочего, входило рассмотрение дел, содержащих предложения, проекты и изобретения. Деятельность Комитета с такими функциями сохранялась до 1894 г. В 1917 г. Учёный комитет был преобразован в СХУК, а в 1922 г. на его базе был создан Государственный институт опытной агрономии с отраслевыми отделами, которые по своим функциям соответствовали бюро (Справка..., http://www.sznii.ru/bibl/books/spravka_istoria.htm).

Председателем реорганизованного Временным правительством СХУК Министерства земледелия 10 июня 1917 г. единогласно был избран профессор В.И. Вернадский, а 18 июля — утверждён в этой должности. Незамедлительно были намечены практические пути реализации замыслов Вернадского — политика и учёного, поскольку аграрный вопрос был поставлен во главу угла коренного переустройства общественной жизни отсталой страны, обременённой пережитками крепостничества. Это свидетельствовало о существенном продвижении общества по пути экономического и социального обновления.

Наука, как инструмент преобразования общества, не могла не импонировать В. Вернадскому — государственному деятелю, энергично приступившему к исполнению новых обязанностей. Состав СХУК украшал весь цвет тогдашней сельскохозяйственной науки: К.А. Тимирязев, Д.Н. Прянишников, И.П. Бородин, Н.М. Тулайков, П.И. Броунов, Н.П. Чирвинский, И.А. Стебут и многие другие. В списке, составленном одной из инициативных групп, кандидатом в состав Сельскохозяйственного учёного комитета значился также профессор Саратовского университета Н.И. Вавилов. Позднее учёный возглавил Государственный институт опытной агрономии — учреждение, объединившее подразделения бывшего СХУК. Решение о преобразовании СХУК в Институт, как центральное исследовательское учреждение РСФСР, было принято в 1921 г. на Съезде опытников, проходившем в Москве (Недокучаев, 1929, с. 35).

Пребывание профессора В.И. Вернадского на посту председателя СХУК было недолгим. Последовавшие вскоре после его избрания события Октябрьской революции, поездки в южные губернии России, постепенный отход от какой бы то ни было политической деятельности, способствовали сосредоточению внимания Вернадского на научных и научно-организационных проблемах, над разрешением которых учёный упорно и плодотворно трудился в годы становления советской власти (Савина, 1995, с. 7–45).

Учитывая активную деятельность В.И. Вернадского в СХУК РСФСР, как координирующем органе аграрной науки, он был в 1918 г. назначен председателем Сельскохозяйственного учёного комитета Украины (СХУКУ). При этом подчеркивалось, что идеи В.И. Вернадского относительно форм организации и координации научно-исследовательской работы в аграрном секторе России к тому времени нашли практическое воплощение, в отличие от положения дел в сельском хозяйстве Украины (Вергунов, 2006, с. 25–52).

В декабре 1918 г. было утверждено штатное расписание и Положение о Комитете. В первоначальный состав Комитета входили следующие отделы: опытной агрономии,

естествознания с ботанической и почвенной секциями и метеорологической. Учитывая организационные проблемы и нехватку квалифицированных кадров, отделы выполняли, в основном, канцелярскую работу. Научная деятельность к тому же была крайне затруднена из-за сложной политической ситуации в Украине. Однако уже возникло твёрдое понимание, что сельское хозяйство должно и может развиваться исключительно на научной основе, требующей новаторских решений. С этой целью 30 декабря 1918 г. министр земельных дел М. Шаповал издаёт приказ, направленный на активизацию деятельности СХУКУ. Согласно данному приказу, право назначать председателя Комитета предоставлялось самому Комитету — с последующим утверждением кандидатуры министром земельных дел.

Частая смена власти в Украине, несовпадение политических взглядов В.И. Вернадского и руководства республики вынудили учёного в начале 1919 г. «самоустраниться» от выполнения обязанностей председателя СХУКУ. С 1 января 1919 г. Вернадский входит в состав Комитета как рядовой его член. В Центральном государственном архиве высших органов власти и управления (ЦГАВО) Украины хранится «Дело члена Научного Комитета Вернадского Владимира Ивановича» (30.I.1919 — 4.IV.1919), которое содержит отдельные документы, характеризующие ситуацию того времени. Так, в заявлении В.И. Вернадского от 30 января 1919 г. на имя нового председателя СХУКУ, академика Украинской академии наук (УАН) П. Тутковского, возглавлявшего Комитет до мая 1919 г., изложена просьба: «...Прошу Вас заявить Комитету, что я снимаю с себя обязанности Члена Ученого Комитета, потому что условия, на которых я считал возможным войти в состав Комитета Министерства З. Дел не выполнены...»³. Председатель П. Тутковский несколько месяцев ведет переговоры с В. Вернадским по поводу его членства в Комитете «...на пользу родной нам науки и на улучшение сельскохозяйственного состояния нашего крестьянства...»⁴, о чём свидетельствует переписка учёных. В результате 1 апреля 1919 г. тайным голосованием В.И. Вернадский единогласно избирается членом СХУКУ⁵.

В начале 1919 г. были сделаны новые кадровые назначения, а также произошли изменения в структуре Комитета. С 1 января 1919 г., помимо председателя Комитета В.И. Вернадского, были уволены с занимаемых должностей и. о. директора научно-исследовательского отдела В. Козакевич, а также и. о. заведующего метеорологического отдела К. Слефогт, которые в то же время были оставлены в Комитете как внештатные сотрудники. Новыми членами Комитета стали профессора П. Тутковский, Ю. Высоцкий, В. Вернадский, директором Научно-исследовательского отдела был назначен приват-доцент Б. Кречун, заведующим Бюро почвоведения — приват-доцент М. Флоров, заведующим Ботаническим бюро — приват-доцент А. Яната, и. о. заведующего Метеорологическим бюро — М. Данилевский. Ведомство также поручало Комитету: разработать и подать на утверждение Устав, программу и план деятельности Комитета, штатное расписание, а также смету расходов СХУКУ и его научных учреждений на 1919 г.; подать на утверждение списки кандидатов СХУКУ и технического персонала и др. В составе Комитета было организовано новое бюро, которое возглавил учёный агроном И. Щёголев. В ведение СХУКУ из Департамента земледелия был переведён отдел по борьбе с вредителями и болезнями растений. Были открыты Энтомологическая секция при Зоологическом бюро во главе с И. Щёголевым и Фитопато-

³ ЦГАВО Украины. Ф. 27. Оп. 17 л. Д. 678. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 2.

⁵ Там же. Л. 6.

логическая секция при Ботаническом бюро во главе с Г. Неводовским. В состав Комитета из Департамента государственного имущества также был переведён отдел охраны природы. К этому времени назрела необходимость разработки проекта дальнейшей организации дела охраны природы Украины, что было отобразено в постановлениях совещания I съезда естествоиспытателей, состоявшегося 1–6 августа 1918 г. Все вышеперечисленные действия согласовывались с УАН.

27 января 1919 г. заместитель министра земельных дел Е. Архипенко утвердил Временный устав СХВКУ, который состоял из четырёх разделов: 1. Задания Учёного комитета; 2. Деятельность Учёного комитета; 3. Состав Учёного комитета; 4. Организация Учёного комитета. Таким образом, согласно этому документу, были очерчены главные аспекты деятельности Комитета.

Основные задания Комитета включали: согласование научной деятельности центральных и местных научных учреждений, имеющее целью развитие и плановую организацию в Украине сельскохозяйственной научной работы; поддержку организации школьной и внешкольной популяризации отраслевых и смежных с ними наук.

Через соответствующие органы СХУКУ осуществлял: руководство центральными и местными учреждениями Народного комиссариата земельных дел (Наркомзем); координацию в Украине научной деятельности государственных, земских, городских, общественных, частных учреждений посредством проведения съездов и совещаний; организацию постоянно действующих комитетов, а также предварительного обсуждения и санкционирования всех законопроектов, мероприятий НКЗД и принятия научно обоснованных решений. Вопросы, связанные с деятельностью СХУКУ, на рассмотрение Комитета вносились непосредственно министром или руководством этого органа. В компетенцию Комитета входили полномочия по разработке внеочередных планов относительно организации центральных и местных научных учреждений, проведению обследований местного и общетерриториального значения, а также различных практических мероприятий (исключение составляли мероприятия, относящиеся к компетенции отдельных департаментов и научных учреждений НКЗД). Комитет оказывал помощь местным учреждениям по созданию необходимых научных организаций, проведению ими сельскохозяйственной научной работы, а также по финансированию отдельных мероприятий. Кроме того, Комитет стимулировал научную деятельность сотрудников и подготовку специалистов через дополнительное финансирование, организацию конкурсов с учреждением поощрительных стипендий, а также через организацию и проведение курсов, создание печатных органов, в первую очередь, для периодических и непериодических научных и научно-популярных работ, содержащих краткие рефераты и резюме на языках государств Западной Европы.

Состав СХУКУ определялся министром, члены его избирались в соответствии с установленной численностью и утверждались в штатном порядке или же непосредственно министром. В Комитет входили: министр, его заместители, учёный секретарь, заведующие отделов и подотделов, представители высших школ и центральных научных учреждений Украины, в которых имелись соответствующие кафедры и отделы, а также представители краевых опытных сельскохозяйственных станций и других краевых научных учреждений страны.

Таким образом, СХУКУ был главной автономной организацией, которая как административная структура подчинялась министру НКЗД. Председатель, заместитель и учёный секретарь выбирались сроком на три года и утверждались министром. Заседания проводились и считались правомочными, если присутствовала бóльшая часть

приглашённых членов, проживающих в Киеве. В очередных заседаниях могли принимать участие и иметь право голоса иногородние члены Комитета. В отдельных случаях, согласно постановлению очередных заседаний, организовывались пленарные сессии с участием всех иногородних членов. Заседания сессий считались правомочными при участии в них не менее 1/3 общего количества членов Комитета. Структура СХУКУ со временем была расширена, усовершенствована и имела в своем составе восемь отделов: 1. Лесной; 2. Опытного дела; 3. Ботанический (с секцией фитопатологии); 4. Зоологический (с секцией энтомологии); 5. Почвоведения; 6. Гидрогеологический; 7. Метеорологический; 8. Библиотечный. Новые отделы, подотделы, секции и другие учреждения, такие как музеи, станции, институты, создавались согласно постановлениям Комитета, утверждённым министром. Комитет также сам утверждал режим работы, инструкции по организации деятельности отделов, секций, учреждений и другие документы, которые этими же подразделениями разрабатывались. Инструкции относительно функций Комитета и других учреждений утверждались министром. Избрание заведующих отделов, подотделов, секций, а также всего штатного персонала осуществлялось коллегиями отделов и соответствующих учреждений; коллегиальные решения в дальнейшем утверждались Комитетом на очередных заседаниях. Увольнение проводилось в том же порядке, что и избрание или назначение. Комитет имел свой расчётный счёт и был его распорядителем. Все дела велись на украинском языке.

Спустя некоторое время, Наркомзем пересмотрел и утвердил Устав комитета, его штатное расписание, состав членов, специалистов, технического персонала, однако, бюджет на первое полугодие 1919 г. в сумме 1 808 274 руб. был утверждён только в начале второго полугодия.

Заместитель председателя СХНКУ А. Яната подаёт на рассмотрение министру земельных дел Украинской Советской Республики детальную смету расходов на первую половину 1920 г. в сумме 20 млн рублей⁶. На основании этого для финансирования различных направлений деятельности Комитета в первом полугодии 1920 г. было выделено 20 880 740 руб. Эта сумма в 10 раз превышала ту, которая была направлена на функционирование и развитие Комитета в 1919 г. Однако в связи с инфляционными процессами, имеющими тем не менее место в молодом советском государстве, уровень жизни населения Украины в 1920 г. заметно упал, а рубль «подешевел» вдесятеро⁷.

С июня 1919 г. по декабрь 1920 г. СХУКУ—СХНКУ возглавляет известный учёный-аграрий С.Л. Франкфурт. В 1919 г. Комитет испытывает определённые трудности, связанные с нахождением у власти белогвардейской армии генерала А. Деникина. В частности, резко ухудшается материальное положение сотрудников Комитета. По приказу властей, подлежали ликвидации все учреждения Наркомзема, следовательно, формально должен был прекратить свое существование и Комитет; действующим оставался только его президиум, который должен был дать возможность подведомственным научным учреждениям завершить научные работы, подвести их итог, а также обеспечить сохранность имущества при переезде в новое помещение.

В декабре 1919 г. СХУКУ возобновляет свою деятельность. Для соблюдения формальностей, связанных с укреплением положения в целом и материального состояния, в частности, СХУКУ подаёт соответствующим властным структурам докладную записку, по которой в начале 1920 г. получает положительную резолюцию.

⁶ ЦГАВО Украины. Ф. 1230. Оп. 1. Д. 9. Л. 112.

⁷ Там же. Оп. 2. Д. 2. Л. 4.

Начало 1920 г. ознаменовалось новыми коренными изменениями как в научно-организационной, так и в сугубо научной деятельности СХУКУ. Так, ведомственное управление — Наркомзем Украины — был переведён в г. Харьков, вследствие чего связь с ним могла осуществляться исключительно по почте. Подобная ситуация не способствовала успешной деятельности секций и бюро Комитета. Перевод же Комитета в г. Харьков в тот период времени был крайне затруднительным.

Одновременно был разработан новый проект Устава СХУКУ — применительно к УАН, который был утверждён Комиссией по рассмотрению проекта Устава в составе М. Фролова, В. Огиевского и А. Янаты⁸. После доработки проект был утверждён на Общем собрании УАН⁹, состоявшемся 15 марта 1920 г. Позже СХУКУ переименовывается в Сельскохозяйственный *научный* комитет Украины (СХНКУ)¹⁰, а постановлением Коллегии Наркомзема от 25 ноября 1920 г. утверждается его устав. По состоянию на 6 декабря 1920 г., согласно штатному расписанию, в подразделениях (секции, подсекции, бюро, институты, станции, лаборатории, музеи и прочих), а также комиссиях СХНКУ работало 140 специалистов¹¹.

К началу 1920 г. научную деятельность Комитета можно было оценить как удовлетворительную. Большую часть времени персонала занимало решение организационных вопросов структурных подразделений. На протяжении года им были посвящены 62 собрания, из них: 33 — заседания пленарные; 25 — заседания президиума; 2 — совещания заведующих секций; 7 — заседания комиссии специалистов Технической секции; 5 — заседания Комитета по делам охоты Секции охраны природы; 5 — заседания комиссии при Бюро семеноведения Ботанической секции, 5 — заседания комиссии и коллегии специалистов при Ботанической и других секциях. Основное внимание уделялось работе секций, подсекций, бюро и отдельных специальных учреждений. Различными коллегиальными органами было обсуждено значительное количество докладов. К разряду общих вопросов, решение которых находилось в компетенции Комитета, можно отнести следующие: согласование деятельности Комитета и Всеукраинского бюро сельскохозяйственного опытного дела в организации работы сельскохозяйственных опытных учреждений Украины; согласование работы Комитета и губернских, местных и других сельскохозяйственных научных и опытных учреждений и организаций Украины; объединение научных сельскохозяйственных работ на территории Украины на основе специального «Положения о порядке организации съездов, совещаний, специальных комитетов, комиссий и др.»; организация систематической подготовки сельскохозяйственных научных кадров в соответствии с новым «Положением об институтах стипендиатов, практикантов и корреспондентов секций Комитета», а также проектом Устава и планом организации Института популяризации новейших научных знаний в области сельского хозяйства; координация деятельности СХУКУ и Наркомзема; согласование работы СХУКУ и УАН, а также многие другие.

Следует отметить, что организационная работа Комитета стала воистину первым и основополагающим шагом к дальнейшей плодотворной и долговременной деятельности этой структуры. В частности, к организационным вопросам относился подбор кадров для Комитета и учреждений, находящихся в его ведении. С этой целью на протяжении

⁸ ЦГАВО Украины. Ф. 1230. Оп. 2. Д. 1 (1920). Л. 10–11.

⁹ Там же. Л. 15–17.

¹⁰ Там же. Л. 46–47.

¹¹ Там же. Л. 48–57.

года было организовано 17 командировок сотрудников СХНКУ. Результаты организационной работы Комитета публиковались в его печатном органе — «Трудах».

В конце 1920 г. повторно была проведена работа по усовершенствованию структуры СХУКУ. В результате в его состав входило уже 10 секций: 1. Ботаническая (заведующий А. Яната), которая включала восемь Бюро — семеноведения (заведующий Д. Ларионов), микологии и фитопатологии (заведующий Г. Неводовский), сорняков (специалист Я. Лепченко), луговой, болотной флоры и кормовых растений (специалист А. Соколовский), лекарственных растений (заведующий Л. Марченко), технических растений, хлебных растений, флористики (заведующий А. Яната); 2. Зоологическая (заведующий И. Щеголев), с двумя подсекциями — энтомологической (заведующий И. Щеголев) и зоотехнической (заведующий О. Кривуша); 3. Секция почвоведения (заведующий М. Флоров); 4. Секция опытного дела; 5. Лесная секция (заведующий В. Огиевский); 6. Метеорологическая (заведующий М. Данилевский); 7. Охраны природы (заведующий М. Шарлемань); 8. Экономическая (заведующий С. Веселовский); 9. Секция популяризационная (заведующий К. Осьмак); 10. Техническая (заведующий М. Дьяченко). Все секции, подсекции, бюро имели определенные наработки (Коротке..., 1920, с. 3–16), соответствующие их функциям и заданиям¹², в частности, издавались научные труды и составлялась библиография по каждому из отраслевых направлений СХУКУ.

В структуру Комитета входил также секретариат, который выполнял работу общего характера, в том числе, и канцелярскую. Секретариат выступал в роли связующего звена между Наркомземом и другими правительственными и научными учреждениями, на нем также лежали обязанности по оформлению протоколов, созыву заседаний, контролю за выполнением постановлений, соблюдению правильности расходования бюджетных средств, по ведению переписки и отчетности. В течение первых лет функционирования Комитета весьма ответственную должность учёного секретаря занимал А. Алешо, а заведующего канцелярии — И. Ювженко. О напряжённости работы канцелярии свидетельствует такой факт: на протяжении 1919 г. в канцелярии было зарегистрировано 1376 входящих и 1490 исходящих номеров корреспонденции, освещавшей вопросы административно-организационного характера (официальные документы, сведения, справки и многое другое). Руководство общими делами осуществлял президиум под председательством П. Тутковского, а с июня 1919 г. — С. Франкфурта. В состав секретариата также входили: заместитель председателя профессор А. Яната, учёный секретарь А. Алешо, члены — профессора В. Огиевский и О. Кривуша. Работа в секциях, подсекциях, бюро и учреждениях в основном была направлена на подведение итогов научных исследований, проведённых в различных отраслях сельского хозяйства. На основании сделанных выводов разрабатывались практические рекомендации, а также определялся вектор планирования дальнейшей научной работы. Комитету и подведомственным структурам приходилось работать в сложных условиях, связанных, в том числе, и с большими финансовыми трудностями. Несмотря на это, Комитет успешно выполнял функции координатора в системе теории и практики ведения сельского хозяйства. Сотрудники подведомственных Комитету научных учреждений много внимания уделяли оснащению лабораторий современным оборудованием, обеспечивающим высокий уровень исследовательской работы. По мере достижения определённых результатов в научной, научно-практической и научно-организационной работе,

¹² ЦГАВО Украины. Ф. 1230. Оп. 1. Д. 2. Л. 9–11.

актуальной для Комитета, становилась проблема финансирования печатных органов и издательской деятельности.

Ранее упоминалось, что в 1919 г. при Комитете была организована работа библиотеки, одна из задач которой состояла в приобретении необходимой для членов комитета научной литературы. Штат библиотеки состоял из заведующего (Г. Кох) и библиотекаря (Л. Фролова). Основной фонд библиотеки Комитета сформировался за счёт фонда библиотеки бывшего Народного министерства земельных дел. В 1919 г. фонд библиотеки Комитета пополнился литературой сельскохозяйственной тематики, приобретённой на специально выделенные для этого средства, а также за счёт научной литературы, полученной в дар, и других источников комплектования. К сожалению, часть ценных изданий, касающихся проблем сельского хозяйства (233 названия), была утрачена в условиях военного времени. Несмотря на сложность обстановки, оптимистические настроения и уверенность относительно перспектив развития библиотеки способствовали утверждению Положения о Центральной сельскохозяйственной библиотеке Украины, которая должна была стать правопреемницей библиотеки СХУКУ.

Результаты деятельности всех 10 секций Комитета (с подсекциями и бюро), принимая во внимание историю создания СХУКУ и условия, в которых приходилось работать на протяжении всего года, были оценены положительно, а принятые по ключевым вопросам решения считались оправданными. Таким образом, в сложной политической, экономической и социальной обстановке в Украине удалось создать орган — СХУКУ, объединяющий и координирующий научную и практическую деятельность всех отраслей сельского хозяйства. Создание такой структуры послужило толчком к дальнейшему развитию теории и практики земледелия, без которых невозможно укрепление материальной основы развития аграрного государства.

В течение 20-х гг. прошлого века советская власть продолжала поиск оптимальной формы координации научных исследований в аграрной сфере, ответственность за результаты которой, в основном, возлагалась на СХНКУ. Во исполнение кардинального решения президиума СХУКУ, на базе секций Комитета развернулась работа по созданию различных отраслевых институтов. Вследствие этого уже в декабре 1920 г. при Ботанической секции СХНКУ функционировали *Опытное хозяйство лекарственных растений* и *Контрольно-семенная станция*, а при секретариате Комитета, помимо библиотеки, — *Библиографическое бюро* (секретарь О. Леонтович)¹³. В 1923 г. Ботаническая секция расширилась за счёт создания *Института селекции* (директор профессор В. Колкунов), *Института семеноведения* (и.о. директора профессор А. Яната), *Центральной фитопатологической станции* (заместитель директора доцент Я. Куда). При Секции почвоведения был основан *Институт экспериментального почвоведения* (и. о. директора Г. Махов); при Экономической секции — *Сельскохозяйственный синоптико-конъюнктурный институт* (директор профессор С. Веселовский); при Зоологической — *Бюро рыбоведения* (председатель Л. Шелюжо), *Центральная энтомологическая станция* (и. о. директора — профессор И. Щеголев), *Центральная рыбная станция*; при Секции кормовой площади — *Центральная станция исследования кормовых растений*; при Метеорологической станции «Укрмет» — *Метеорологический музей* (директор В. Синиченко), *Мастерская точного изделия* (и. о. руководителя Л. Овцин), *Центральная станция сельскохозяйственной метеорологии* (и. о. директора М. Данилевский), *Центральная метеорологическая радиостанция* (директор К. Николаев), *Центральная лаборатория*

¹³ ЦГАВО Украины. Ф. 1230. Оп. 2. Д. 1 (1920). Л. 48–57.

для проверки метеорологических принадлежностей (руководитель инженер О. Левицкий). При секретариате Комитета действовал ряд бюро: *Бюро при Наркомземе* (председатель Я. Савченко), *Издательское* (и. о. председателя Ф. Полонский), *Терминологическое* (председатель К. Осьмак), *Библиографическое* (и. о. председателя К. Дубняк), *Библиотечное* (и. о. председателя В. Лебединский). Также при секретариате работали *Центральный сельскохозяйственный музей* (директор О. Гаршин), *Центральная мастерская наглядных принадлежностей* (и. о. управляющего В. Порицкий) и *Центральная фотолaborатория* (управляющий В. Горбачев) (Список..., 1923, с. 68–70).

В течение 1921 г. СХНКУ возглавляли М. Ковалевский и И. Щёголев. В этом же году в структуре СХНКУ происходят новые изменения. Так, на базе Зоотехнической подсекции создается Зоотехническая секция (заведующий профессор В. Лавренюк). Должности специалистов заняли Павловский и Михайлюк. Чрезвычайная комиссия, созванная Президиумом СХНКУ, 27 января 1923 г. утвердила новый план работы, составленный специалистом-зоотехником Ф. Юрковым. План отличался от предыдущего, академического, своей явно практической направленностью. Таким образом, именно Чрезвычайная комиссия определила первоочередные задачи Зоотехнической секции. В соответствии с ними в 1923 г. Зоотехническая секция начала работу, имея в своём составе единственного сотрудника, он же руководитель (Ф. Юрков). Лишь в июле 1923 г. штат секции пополнился ещё двумя единицами — специалиста (Б. С. Романов) и секретаря (Т. А. Коваленко) (Опоків Є., 1923, с. 293).

В феврале 1922 г. председателем СХНКУ был избран профессор С. Ф. Веселовский, который занимал эту должность до декабря 1923 г.

В 1922 г. состоялось 15, а в 1923 г. — 14 заседаний Мелиорационной секции СХНКУ. В ходе заседаний были заслушаны 33 научных доклада. Наиболее содержательные из них были сделаны академиками П. Тутковским (3 доклада), Б. Срезневским (2), профессорами Е. Опоковым (9), В. Ивановым (8), В. Лучицким (2), доцентом О. Черным (3), геологом В. Ризниченко (4), профессором Ф. Левченко (1), инженерами М. Лоташиевским (2), С. Писаревым (1), С. Комарницким (1), А. Огиевским (1), М. Розовым (1), Н. Тюленевым (1 доклад). В 1923 г. Мелиорационная секция насчитывала 18 членов. В её работе принимали участие 20–30 и более специалистов. С начала декабря 1923 г. Секция приступает к активной работе по укреплению связи с Укрмелиоземом (г. Харьков), с некоторыми местными органами власти, а также с опытными мелиоративными станциями Наркомзема — Сагайдацкой (Одесская область) и Рудня-Радовельской (Волинь).

На заседаниях секции обсуждался целый ряд важных вопросов, в частности такие, как проект устава и задачи Центральной научно-исследовательской мелиоративной станции в г. Козаровичи на Днепре, основанной в 1922 г. по инициативе секции. Секция вела совместные работы с Гидрологическим институтом, Научно-мелиорационным институтом и Мелиоводхозом (г. Москва), Укрметом и его Гидрометеорологической подсекцией. Два представителя секции вошли в состав Комиссии по созданию государственного заповедника на территории, где находится могила Т. Шевченко; здесь в 1923 г. членом секции В. Ризниченко были проведены геологические изыскания. План работы секции, помимо руководства научными исследованиями местных и центральных мелиоративных учреждений Наркомзема, включал решение вопросов, относящихся к гидрогеологии и мелиорации (орошение посевов, осушение земель, выявление и использование наземных и подземных вод, использование гидравлической энергии и др.). Деятельность секции предполагалось расширить в соответствии

с перспективой, очерченной проектом Научно-исследовательского института водного хозяйства Украины. Важность работ по мелиорации почв подчеркивалась в двух научно-популярных статьях, опубликованных заведующим секции — профессором Е. Опоковым (Опоків Є., 1923, с. 294).

Техническая секция СХНКУ была реорганизована в сентябре 1923 г. До этого секция и три её подсекции, при участии новых членов—инженеров, проводили работы в соответствии с существующим трехмесячным планом. Согласно этому плану, Строительная подсекция под председательством архитектора М. Дьяченко сосредоточила внимание на сельскохозяйственном строительстве. Теме сельскохозяйственного строительства были посвящены три доклада, сделанные М. Дьяченко, И. Немоловским и Г. Коваленко-Коломацким; были напечатаны цветные плакаты по сельскому строительству (автор М. Дьяченко) в количестве 2 тыс. экземпляров. Экономическая подсекция Украинской академии наук привлекает к сотрудничеству Строительную подсекцию СХНКУ для разработки учебного плана коммунального техникума и Губпрофобра — первой строительной школы. Подсекция сельскохозяйственного машиноведения и машинного строительства имеет в своём составе всего двух работников (Островский и Прибыльский). Тем не менее с 1924 г. планируется развернуть работы по сельскохозяйственному машинному строительству. Подсекция по терминологии и переводу под руководством инженера Дармороса проводит интенсивную работу по переводу с немецкого технической литературы, в частности книг «Механика Лауенштейна» и «Урочное положение» под редакцией Рошефора. Обе работы были запланированы к выпуску Госиздатом. Ограниченные финансовые возможности секции не способствовали активной издательской деятельности, поэтому многие необходимые советским специалистам научные труды по сельскохозяйственной технике не были опубликованы. По состоянию на 1923 г., в составе Технической секции работало 18 инженеров, 2 филолога и 1 художник (Д. Д., 1923, с. 294–295).

В начале 1923 г. при секции почвоведения СХНКУ был организован Комитет районизации Украины. Секция подготовила к печати Карту естественноисторических районов Украины (вместе с текстом) под редакцией члена и секретаря Комитета районирования Г. Г. Махова. На этой карте территория Украины разделялась на 25 физико-географических районов. На основании порайонного анализа урожайности сельскохозяйственных культур специалисты пришли к выводу, что районы существенно отличаются друг от друга по естественному плодородию почв. Этот факт подкреплял уверенность в правильности проведенного районирования.

Постановлением от 2 декабря 1922 г. была создана комиссия опытного дела при СХНКУ, а также утверждён её состав. В комиссию вошли председатели секций, близких по тематике работы, и специалисты некоторых других секций. С появлением Комиссии опытного дела был ликвидирован определённый пробел в структуре комитета, поскольку до этого научная работа отдельных секций, направленная на развитие сельскохозяйственного опытного дела, не была согласована, что негативно отражалось на общем результате. Вскоре был разработан и утверждён также проект устава комиссии.

На заседании Всеукраинского бюро опытного дела 10 января 1923 г. было принято решение о взаимосвязи и согласовании работы Всеукраинского бюро опытного дела и СХНКУ. С этой целью было решено поочередно проводить ежемесячные совместные заседания — в первую среду каждого чётного месяца — в Харькове, а также заседания Комиссии опытного дела — в первый четверг каждого нечётного месяца — в Киеве, с одним или несколькими представителями Бюро. Таким образом, комиссия стала

цепочкой, объединяющей деятельность двух больших политических и научных центров — Киевского и Харьковского, направленную на становление и развитие сельскохозяйственного опытного дела в Украине (Москвичів С., 1923, с. 58—59).

В 20-х гг. прошлого века незамедлительного решения требовали многие вопросы, ответы на которые не могли быть получены без помощи крестьянства. С этой целью в 1923 г. была сформирована сеть корреспондентов СХНКУ. В свою очередь, расчётливые, хозяйственные крестьяне стремились повысить эффективность своих практических навыков, используя результаты набирающих силу и расширяющихся научных исследований. Поэтому агрономы и другие специалисты аграрного сектора, а также учителя и сельская интеллигенция приветствовали появившуюся возможность через публикации обмениваться полезными в сельскохозяйственном отношении сведениями. В 1927 г. в корреспондентской сети насчитывалось уже около тысячи специалистов, к тому же, прослеживалась тенденции к её расширению. В собранных материалах корреспонденты в доступной форме представляли результаты научных исследований, касающихся мелиорации почв, борьбы с сорняками и засухой, пчеловодства и других вопросов сельского хозяйства, а также знакомили читателя с популярной литературой сельскохозяйственной тематики и становлением её рынка (П-ий І., 1927, с. 68).

В 1923 г. государственно-общественная научная организация, каким являлся СХНКУ, была переведена в Харьков и реорганизована в научно-практическое учреждение Наркомзема. Сложившиеся обстоятельства и неблагоприятные условия, в том числе технического характера, не способствовали быстрому и успешному проведению плановой научной работы.

Принятие нового устава, состоявшееся летом 1923 г., оказало положительное влияние на работу комитета. Этот документ предусматривал сотрудничество с другими научно-общественными учреждениями и организациями. Новые положения устава ставили перед комитетом, как научно-практическим учреждением НКЗД, следующие задачи: 1. Осуществлять руководство научной работой подведомственных НКЗД структур, а также рассматривать их годовые отчёты и укомплектовывать кадровый состав научных работников; 2. Обеспечивать в целом согласование научно-исследовательской работы, которая проводится НКЗД и другими ведомствами, трестами, кооперацией, общественными организациями; 3. Способствовать использованию научных результатов в практической деятельности земельных и других органов, а также оценивать их работу; 4. Согласовывать планы издательской деятельности и составлять сводные (общие) планы, популяризировать достижения аграрных наук и сельскохозяйственное образование; 5. Поощрять украинизацию сельскохозяйственной литературы, а также совместно с Институтом украинского научного языка при Всеукраинской академии наук разработать и утвердить украинскую сельскохозяйственную терминологию. К сожалению, выполнению поставленных задач препятствовали, в частности, трудности с переездом в Харьков кадрового состава сотрудников и ослабление связи между комитетом, его учреждениями и организациями.

В 1924—1925 гг. комитет возглавлял один из организаторов сельскохозяйственного опытного дела в Украине, учёный-аграрий М. М. Вольф, а с 1926 г. — профессор А. Н. Соколовский. В период с 1924 по 1925 г. в Киеве ещё оставалось значительное количество научных учреждений, работа которых была важна для Комитета. Такими являлись: Метеорологическая секция (Укрмет) со всеми вспомогательными подразделениями; Подсекция борьбы с вредителями леса; Бюро рыбоведения с Центральной рыбной станцией; научный отдел Терминологического бюро; Центральная

сельскохозяйственная библиотека. Перевод учреждений в Харьков осуществлялся за счёт ассигнований, предназначенных для проведения плановой научной работы, что сокращало и без того незначительные финансовые возможности комитета.

В результате проведённой реорганизации количество секций и комиссий комитета было сокращено, а в состав сохранившихся секций вошли ответственные научные работники от учреждений НКЗД и учреждений других отраслей сельского хозяйства. В целом деятельность секций была направлена на выполнение заданий, исходящих от руководства и оперативных отделов НКЗД. Таким же образом были реорганизованы Центральные руководящие органы комитета, в частности значительно сокращён состав пленума комитета, упразднён его совет и обновлен персональный состав президиума. Это время по праву можно назвать «периодом перманентной реорганизации комитета».

Тем не менее, несмотря на ряд объективных трудностей, бюджетное финансирование комитета в 1923–1925 гг. улучшилось. Это обстоятельство способствовало успешному выполнению значительной части плановых заданий, а также проведению ряда неотложных мероприятий, в частности, касающихся борьбы с засухой (Петренко Н., 1927, с. 65–66).

Уже в Харькове, 20 июля 1924 г., было утверждено новое, с изменениями, «Положение о Сельскохозяйственном Научном Комитете». В соответствии с новым Положением, спектр научно-исследовательских работ учреждений и организаций СХНКУ был существенно ограничен и сосредоточен в основном на разработках, имеющих практическое значение для деятельности земельных органов. Такое сужение поля деятельности и, собственно, подчинение СХНКУ оперативным отделам НКЗД оставило без внимания другие немаловажные проблемы сельского хозяйства, решение которых было крайне необходимым для перспективного развития и реконструкции сельского хозяйства Украины.

Вопрос о становлении и развитии сельскохозяйственного опытного дела в Украине как неотложной государственной проблеме, непосредственно связанной с формированием продуктивных сил и народного хозяйства в целом, особо остро был поставлен в 1925–1926 гг. На Первом Всеукраинском съезде, посвящённом изучению продуктивных сил Украины (январь 1925 г.), должное внимание было уделено *научному подходу* к исследованию особенностей и принципов формирования этой важной экономической и социальной категории, что в свою очередь подняло роль и актуальность сельскохозяйственной науки.

13 августа 1925 г. Коллегией НКЗД был утвержден новый устав СХНКУ. С принятием этого документа заканчивался четырехлетний период «перманентной реорганизации СХНКУ», весьма негативно отразившейся на его работе из-за децентрализации и отсутствия скоординированного плана научных исследований, проводимых секциями, подсекциями и бюро. Таким образом, данным документом предписывалось научную работу в разных отраслях сельского хозяйства проводить по тщательно согласованному единому плану¹⁴.

Совет народных комиссаров (Совнарком), рассмотрев рабочие планы НКЗД и СХНКУ, в своём Постановлении от 15 октября 1925 г. обращает внимание на возросшую роль науки в сельскохозяйственном производстве и повышение уровня научных исследований. В связи с этим необходимым и целесообразным являлось расширение

¹⁴ ЦГАВО Украины. Ф. 27. Оп. 8. Д. 72. Л. 14–14 об.

и развитие сети отраслевых научных учреждений и опытных станций. Было предложено НКЗД УССР разработать алгоритм решения этих сложных задач, соответствующий документ подать в Совнарком на рассмотрение и утверждение, а также подготовить специальный доклад о работе СХНКУ¹⁵.

Вопросы организации сельскохозяйственной науки в Украине были главными также на III Пленуме Укрглавнауки. Участники пленарного заседания (28 января 1926 г.) вновь подчеркивали, что до недавнего времени в Украине научно-исследовательская работа проводилась без скоординированного общего плана и согласованного направления исследований, а также в отсутствии должной взаимосвязи между отдельными ведомствами. Вследствие этого был поставлен вопрос о составлении общегосударственного плана научной работы с обозначением в нём целевых потребностей сельскохозяйственного производства на текущий момент и на перспективу¹⁶. На следующем пленарном заседании Укрглавнауки (23 февраля 1926 г.) Коллегия НКЗД по докладу президиума СХНКУ приняла ряд постановлений относительно нормирования сельскохозяйственной научной деятельности по линии как НКЗД, так и самого комитета. Основные из них: 1. К делу организации и развития сельскохозяйственной науки в Украине привлекать и рационально использовать научные силы и материальные ресурсы всех ведомств, учреждений и организаций, заинтересованных в развитии сельскохозяйственного производства; 2. Осознавая, что ответственность за организацию научно-исследовательской работы в Украине в основном несёт СХНКУ, как научный центр НКЗД, необходимо в первоочередном порядке проводить мероприятия, обеспечивающие строгую согласованность планирования таких работ по ведомственной линии; 3. Следует рассматривать СХНКУ не только как ячейку научной, научно-практической, научно-организационной и научно-общественной сельскохозяйственной работы, но и как орган, объединяющий все научные сельскохозяйственные силы Украины в интересах развития аграрных отраслей; 4. В соответствии с основными заданиями необходимо завершить формирование нормативной базы правового состояния СХНКУ как на уровне ведомства, так и других научных учреждений Украины; 5. Признавая исключительную роль и значение экономики сельского хозяйства для научной и практической деятельности НКЗД, неотложным делом следует считать возобновление и налаживание научной работы в отрасли экономики сельского хозяйства — с привлечением Экономической секции СХНКУ.

Во исполнение постановлений Коллегии НКЗД, пленум комитета 20–21 марта 1926 г. поддержал курс на укрепление и совершенствование планового развития сельскохозяйственной науки в Украине. По результатам обсуждения доклада президиума СХНКУ, новым его составом, избранным на пленуме 21 марта 1926 г., совместно с Коллегией НКЗД была разработана и 23 июля 1926 г. представлена программа деятельности и модель структурной организации комитета, а также утвержден формат взаимоотношений с оперативными сельскохозяйственными органами. Кроме того, после рассмотрения Коллегией НКЗД, на утверждение в Совнарком было подано новое «Положение о Сельскохозяйственном научном комитете Украины». Этот документ, учитывая характер деятельности комитета, утвердил и закрепил его положение в статусе центрального сельскохозяйственного научного учреждения и наметил перспективы развития секций комитета как самостоятельных научно-исследовательских отраслевых институтов (Петренко Н., 1927, с. 66).

¹⁵ ЦГАВО Украины. Ф. 27. Оп. 9. Д. 506. Л. 72.

¹⁶ Там же.

Помимо основных, в том числе комплексных проблем, касающихся научных исследований, СХНКУ приходилось уделять внимание неотложным вопросам общего характера. Однако вскоре Коллегия НКЗД своим постановлением рекомендовала ограничить работу Комитета подведением итогов и суммированием результатов научных исследований, полученных, в частности, также и опытными сельскохозяйственными станциями. По решению Коллегии НКЗД, на выполнение основного объёма научных и организационных работ в период 1926–1927 гг. Комитету были выделены средства в сумме 118 тыс. рублей¹⁷.

На протяжении 1926 г. правительством Украины много усилий было направлено на оптимизацию деятельности СХНКУ — посредством обращений в различные инстанции, принятия соответствующих постановлений и резолюций. Однако в начале 1927 г. острая полемика между властными структурами и представителями ведомства относительно целесообразности существования СХНКУ вспыхнула с новой силой. В результате длительного обсуждения было принято постановление об очередной реорганизации СХНКУ. Начиная с июня 1927 г., во исполнение ряда приказов НКЗД, по подразделениям СХНКУ прокатилась волна сокращений¹⁸, а незавершённые научные работы были переданы отраслевым профильным учреждениям и организациям¹⁹.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно заключить, что СХНКУ Украины являлся важным научным органом, который на протяжении 20-х годов XX в. квалифицированно и ответственно осуществлял руководство научно-исследовательской работой всех отраслей сельского хозяйства страны. В период 1918–1923 гг., предшествующий переводу СХНКУ в г. Харьков, его деятельность достигла высокого уровня развития, была активной и эффективной. Предполагалось, что в Харьковском центре научная работа Комитета получит новый заряд позитивной энергии. Однако непреодолимые организационные проблемы, возникавшие в процессе становления и развития научно-исследовательской работы аграрных отраслей народного хозяйства страны, в конечном итоге, привели к реорганизации СХНКУ.

Литература

Вергунов В.А. Основні історичні етапи розвитку та управління аграрною наукою України // Історія української науки на межі тисячоліть. Київ, 2001. Вип. 6. С. 31–33.

Вергунов В.А. Академізація вітчизняної сільськогосподарської дослідної справи: історико-науковий аналіз (До 75-річчя створення Української академії аграрних наук) // Нариси із історії природознавства і техніки. Х., 2005а. Вип. 45. С. 167–182.

Вергунов В.А. Професор Терниченко А.Г. (15.04.1882–11.02.1927) — фундатор української сільськогосподарської літератури та вітчизняного рослинництва // Генетичні ресурси рослин. 2005b. № 2. С. 143–147.

Вергунов В.А. Академік В.І. Вернадський — один із фундаторів наукового ґрунтознавства та сільськогосподарської дослідної справи в Україні // Історія української науки на межі тисячоліть. Київ, 2006. Вип. 26. С. 25–52.

Высшие и центральные государственные учреждения России 1801–1917. СПб., 2002. Т. 3. С. 70–106.

Д.Д. Технична Секція С.-Г. Наукового Комітету України // Вістник Сільсько-Господарської науки. Київ, 1923. Ч. 8–12. С. 294–295.

¹⁷ ЦГАВО Украины. Ф. 27. Оп. 8. Д. 72. Л. 14–14 об.

¹⁸ Там же. Л. 14 об.

¹⁹ Там же. Спр. 72. Арк. 12–12 об.

Коваленко С.Д. Діяльність Секції охорони природи Сільськогосподарського наукового комітету України з відродження державного заповідника «Асканія-Нова» (1919–1921 рр.) // Історія української науки на межі тисячоліть. Київ, 2009. Вип. 42. С. 152–157.

Коваленко С.Д. Сільськогосподарський науковий комітет України (1918–1927 рр.): організаційна структура та напрями діяльності [Електронний ресурс] // Історія науки і біографістика. 2011. Вип. 1. Режим доступу: http://www.nbuv.gov.ua/e-journals/INB/2011-2/11_kovalenko.pdf. [Заголовок з екрану].

Коротке справоздання про діяльність Сільсько-господарського Вченого Комітету України за 1919 р. // Труды Сільсько-господарського Вченого Комітету України. 1920. Т. 1. С. 3–16.

Красницька Г.М. Просвітницько-популяризаторська діяльність Ботанічної секції СГНКУ через Селекційно-насінневі курси у Києві 1923 року // Історичні записки. Луганськ, 2009. Вип. 21. С. 106–112.

Москвичів С. Комісія С.-Г. Досвідної Справи при С.-Г. Науковому Комітеті // Вісник Сільсько-Господарської науки. Київ, 1923. Ч. 1–2. С. 58–59.

Недокучаєв Н.К. Суцність сільськогосподарського опытного дела // Опытное дело в полеводстве: теория и практика. М.: Госиздат, 1929. 388 с.

Опоків Є. Зоотехнічна секція С.-Г. Наукового Комітету України // Вісник Сільсько-Господарської науки. Київ, 1923. Ч. 8–12. С. 293–294.

Пашківська О. Внесок Г.Г. Махова у становлення та розвиток вітчизняного агрогрунтознавства // Історія української науки на межі тисячоліть. Київ, 2002. Вип. 10. С. 126–130.

П-ий І. Сітка кореспондентів С.-Г. НКУ // Вісник Сільсько-Господарської науки. 1927. № 1. С. 68.

Петренко Н. Реорганізація Комітету в Центральну с.-г. наукову установу Республіки // Вісник Сільсько-Господарської науки. 1927. № 1 (січень). С. 65–66.

Савина Г.А. Чистые линии (В.И. Вернадский о Н.И. Вавилове) // Трагические судьбы: репрессированные учёные Академии наук СССР. М.: Наука, 1995. С. 7–45.

Сільськогосподарський науковий комітет України (1918–1927 рр.): 3б. док-тів і м-лів / УААН, ДНСГБ; уклад. В.А. Вергунов, А.С. Білоцерківська, Б.К. Супіханов, С.Д. Коваленко; під заг. ред. М.В. Зубця, Ю.Ф. Мельника; наук. ред. В.А. Вергунов. Київ: Аграр. наука, 2006. 528 с.

Список установ Сільсько-Господарського Наукового Комітету України з адресами та їх керівничим персоналом // Вісник сільсько-господарської науки. 1923. Ч. 1–2. С. 68–70.

Справка «О 100-летию создания Бюро по сельскохозяйственной механике». URL: http://www.sznii.ru/bibl/books/spravka_istoria.htm. (дата обращения: 20.07.2012).

The Ukrainian Agricultural Scientific Committee (1918–1927) in Coordination of Scientific Research in Agriculture

SVETLANA D. KOVALENKO

State Scientific Agricultural Library of the National Academy of Agricultural Sciences of Ukraine, Kiev, Ukraine; kovalenkod@ukr.net

Historical analysis of the research activity of the Ukrainian Agricultural Scientific Committee in the 1920s shows, that newly created Committee was the key coordinator of agricultural developments in Ukraine. Its activity enabled agrarian science and practice to recover despite the unstable political situation. During the period under review the Committee's institutions initiated research projects and received the first scientific results, which became the foundation for future progress in agriculture and related spheres.

Keywords: Ukrainian Agricultural Scientific Committee, agriculture, agrarian science, scientific research, V. Vernadskiy.

Ветеринарная командировка почвовед П.А. Костычева

А.А. ФЕДОТОВА

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН, Санкт-Петербург, Россия; f.anastasia.spb@gmail.com

В 1882 г. шесть русских учёных отправились в Западную Европу для изучения методов прививания сибирской язвы. Среди тех, кто отправился в путешествие, был П.А. Костычев. Позднее Костычев очень недолго работал с сибиреязвенными вакцинами, но эффект от этой заграничной стажировки был более чем значимым для его исследований в области почвоведения. Методы, которые Костычев изучил в лабораториях Э. Бальбиани (Париж) и Р. Коха (Берлин), дали ему возможность провести ряд микробиологических экспериментов, оказавших решительное влияние на развитие почвоведения. Парижская «сибиреязвенная» стажировка имела большое значение и для других участников — для протистолога Л.С. Ценковского, ветеринаров А.А. Раевского и Е. Земмера. В данной статье я на основе архивных документов собираюсь обсудить некоторые детали данной поездки, противоречиво описанные в биографиях этих крупных учёных. В частности, почему в «ветеринарную» делегацию вошёл Костычев — агроном и химик? Как изменился первоначальный план командировки, предполагавший стажировку в лаборатории Луи Пастера? Какие государственные и общественные деятели поддержали эту инициативу, как было выделено финансирование и т. д.

Ключевые слова: П.А. Костычев, микробиология, сибиреязвенные прививки, Л. Пастер, Л.С. Ценковский, Вольное экономическое общество, Главное управление государственного коннозаводства.

В 1882 г. по инициативе нескольких российских государственных и общественных деятелей шесть российских учёных отправились в Западную Европу для изучения методов прививания сибирской язвы. В числе тех, кто отправился в поездку, был агроном Павел Андреевич Костычев¹. И хотя в дальнейшем Костычев недолго работал с сибиреязвенными прививками, эффект от заграничной командировки оказался более чем значимым. Методы, освоенные Костычевым в лабораториях Э. Бальбиани (Париж) и Р. Коха (Берлин), дали Костычеву возможность осуществить ряд микробиологических исследований, принципиально важных для развития почвоведения. Он обнаружил, что ключевую роль в первичном разложении органических веществ и образовании гумусовых веществ играют не бактерии, а почвенные грибы.

Исходя из этого, недооценивать значение «сибиреязвенной» командировки Костычева было бы некорректно. Большое значение эта поездка имела и для других ее участников. Профессор Харьковского университета протистолог и ботаник Л.С. Ценковский работал в Париже в одной лаборатории с П.А. Костычевым. Вернувшись в Харьков, он стал пионером в борьбе с эпизоотиями на юге России. Еще один участник командировки — А.А. Раевский после смерти Л.С. Ценковского в 1887 г. успешно продолжил его работы по предохранительному прививанию скота на юге России². Существенное влияние оказали также работы профессора ветеринарного

¹ Наиболее исчерпывающую его биографию см.: Крупенников, 1987. обстоятельные статьи о Костычеве и о значении его работ для развития почвоведения и агрономии опубликованы в сборнике его избранных трудов (Костычев, 1951).

² К середине 1890-х гг. в восьми губерниях существовали земские бактериологические лаборатории, занимавшиеся борьбой с эпизоотиями. Каждой из них руководил один тех, кто прошёл

института в Дерпте Евгения Земмера. При всей весомости данных фигур в истории российского естествознания и этого эпизода в их научных биографиях, некоторые моменты поездки противоречиво освещены в литературе, прежде всего в биографии П.А. Костычева (Крупенников, 1897) и его товарища по работе в Париже — Л.С. Ценковского (Метелкин, 1950)³.

В данной статье я на основании архивных документов и опубликованных отчетов попытаюсь восстановить хронологию событий, а также по возможности прояснить моменты, противоречиво освещённые в биографиях учёных. В частности, почему в состав «ветеринарной» делегации вошёл агроном и химик П.А. Костычев? Какие государственные и общественные организации и деятели поддерживали исследования и спонсировали их? Как изменился первоначальный план командировки, предполагавший стажировку в лаборатории Луи Пастера?

Что такое сибирская язва (антракс) и каким страшным бедствием она была до появления прививок, я рассказывать не буду⁴, а начну с того, что Луи Пастер в мае 1881 г. успешно провёл публичную демонстрацию вакцинации овец от сибирской язвы⁵. Вскоре последовали другие публичные опыты, и они, как и первый, произвели очень большое впечатление на всю европейскую общественность. Успехи Пастера обсуждались российской общественностью и чиновниками, в том числе в правительственных кругах — в Министерстве Двора и Министерстве внутренних дел, упоминались во Всеподданнейших докладах по Департаменту земледелия и сельскохозяйственной промышленности Министерства государственных имуществ и т. д.⁶ «Архив ветеринарных наук», издававшийся Медицинским департаментом МВД, исправно перепечатывал сообщения на эту тему из европейских ветеринарных журналов.

Просвещённая общественность также не осталась равнодушной. В частности, состоящий при Главном управлении государственного коннозаводства ветеринар П.М. Медведский получил письмо от Сергея Александровича Рачинского. Рачинского сегодня помнят, прежде всего, как первого русского переводчика «Происхождения видов» (Дарвин, 1864). С 1872 г. Рачинский жил в своём имении в Смоленской губернии, где руководил Татевской сельской школой для крестьянских детей (о Рачинском и его школе см., к примеру: Соловьёв, 2002). Рачинский был вдохновлён сообщениями об экспериментах Пастера и советовал Министерству государственных имуществ немедленно организовать опыты Пастера в России. По его словам «приобретение сотни-другой кляч, содержание их

обучение у А.А. Раевского в Харькове (Ветеринарные деятели..., 1896).

³ К примеру, Крупенников неверно указывает даты поездки. Биографы Костычева и Ценковского дают разный состав «ветеринарной делегации» и т. д.

⁴ Сведения о падежах скота систематически публиковались в «Вестнике общественной ветеринарии». Журнал издавался Обществом ветеринарных врачей в Санкт-Петербурге 2 раза в месяц в 1889–1917 гг. Первым его редактором был В.Е. Воронцов. «Эпидемиологический листок» печатался, как правило, на восьмой странице журнала и представлял собой сводные таблицы по падежам в губерниях. Он отражал данные, получаемые сначала от Медицинского департамента МВД, позднее — от Ветеринарного управления МВД. Данные за более ранние годы имеются в «Архиве ветеринарных наук» (они печатались в Отделе V — «Ветеринарно-полицейский и судебный»); а также в материалах Российского государственного исторического архива (далее — РГИА): в фондах Ветеринарного управления МВД (Ф. 1848), Медицинского департамента МВД (Ф. 1297) и Главного управления государственного коннозаводства (Ф. 412).

⁵ Этот эпизод хорошо описан историками: Cadeddu, 1987; Geison, 1995, Латур, 2002 и др.

⁶ РГИА. Ф. 381. Оп. 47. № 116. Л. 171–175.

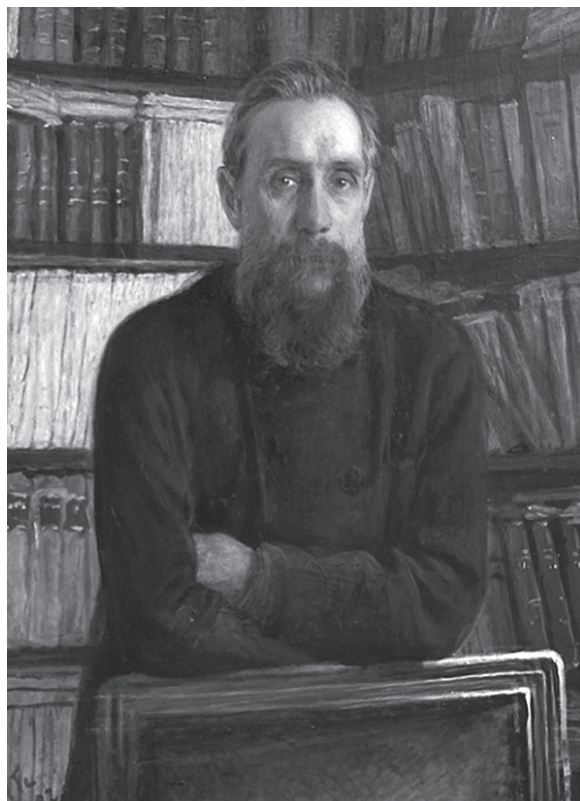

Рис. 1. П.А. Костычев. Портрет работы Н.Н. Ге, 1892 г.

в течение месяца» и пребывание в России самого Пастера с помощниками не станет более чем в 15–20 тысяч рублей, но «спасет тысячи лошадей и сотни человеческих жизней»⁷.

Это письмо не было единственным. И.И. Воронцов-Дашков (в то время главным-управляющим государственным коневодством, а также министр Императорского двора) в сентябре 1881 г. получил письмо на эту тему от Н.П. Игнатьева, министра внутренних дел⁸. Посол России во Франции также писал в Главное управление государственного коневодства⁹. Однако вопрос этот был не так прост, и прежде всего потому, что пастеровская вакцина не была идеальной. Длительность её действия была не слишком велика, а смертность от неё в некоторых случаях была ненамного ниже, чем от самой эпизоотии (Свод отчетов..., 1883). Вакцинирование больших стад не было дешёвым, вакцина не могла храниться долго. Само прививание должно было осуществляться квалифицированным и очень добросовестным специалистом, прошедшим соответствующую подготовку, постоянно контролирующим качество вакцины и т. д.

Кроме того, некоторые ветеринары, имевшие влияние на правительственные круги, даже в начале 1880-х гг. придерживались мнения, что появление сибирской язвы зависит

⁷ РГИА. Ф. 412. Оп. 4. Ч. 1. № 1276. Л. 1–2.

⁸ Там же. Л. 4–6.

⁹ Там же. Л. 7–10, 16–22.

Рис. 2. Луи Пастер. Портрет работы А. Эдельфета, 1885 г.

главным образом от почвенных, климатических и экономических условий и «что развитие и значительное распространение ее собственно в пределах России зависят не от передачи заражения одним больным животным другому, а вообще от дурного содержания скота»¹⁰.

Переговоры с Пастером велись, но довольно вялые. Идея пригласить его или его ассистентов не вызвала большого энтузиазма. Уже в августе 1881 г. была высказана идея о том, что целесообразнее будет не приглашать Пастера в Россию, а послать двух-трёх русских учёных к нему в лабораторию в Париж. Высказывались предположения, что сибирская язва должна иметь свои отличия в разных странах и французская вакцина может не подойти для российских условий. Простого заимствования технологии (а тем более закупок вакцины) может оказаться недостаточно, и нужны будут дополнительные исследования и усовершенствования вакцины. Мы должны оценить эти соображения как разумные.

Надо сделать небольшое отступление и рассказать о частной инициативе: некоторые скотоводы не остались равнодушными к достижениям Пастера и попытались

¹⁰ Там же. Л. 5 об. Сходное противодействие — заявления о том, что эпизоотии вызываются плохими условиями содержания, а не инфекционными агентами — встречал в 40–50-х гг. XIX в. П. Йессен в своих попытках получить финансирование на опыты по прививанию чумы рогатого скота (Veregouy, 2012). В 1870-х гг. О.А. Grimm высказывал предположение, что «вибрионы», которых исследователи находили в крови и внутренних органах погибших от сибирской язвы животных, появляются там в результате самозарождения и не являются причиной болезни (Гримм, 1872).

самостоятельно закупить вакцину. Их начинания не были удачными — энтузиастам не хватало опыта. К примеру, ветеринарный врач П. Вознесенский в имении помещика Кудрявцева «Неразлучное» под Херсоном 6 июня 1882 г. произвёл опыты прививания овец вакциной, заказанной у Пастера. 80 % из привитых овец пали. Вторичный опыт (29 июля) опять привел к гибели большинства овец. Привитые животные не обладали иммунитетом, и контрольное заражение вызвало их поголовный падеж последних из выживших. Причина этого, вероятно, заключалась в том, что вакцина слишком долго шла из Франции до Херсона и условия её хранения в пути не были надлежащими (Метелкин, 1950). Проверять вакцину перед тем, как делать прививки, ветеринар, не прошедший специального обучения, не умел. Этот и некоторые другие неудачные эпизоды имели, пожалуй, только то значение, что убедили учёных и ветеринарную администрацию в том, что контроль над предохранительными прививками надо сосредоточить в руках специалистов. Инициатива частных лиц, не имевших специальной подготовки, могла привести к эпизоотии (Предохранительное прививание..., 1883).

Вопрос о пастеровских прививках широко обсуждали в Вольном экономическом обществе (далее — ВЭО) осенью 1881 г. 31 октября 1881 г. статистик В.И. Ковалевский в торжественном собрании Общества сделал доклад на эту тему¹¹. После очень острой дискуссии¹² по данному вопросу на заседании 9 ноября Первое (сельскохозяйственное) отделение ВЭО предложило, во-первых, просить профессора Харьковского университета Льва Сергеевича Ценковского отправиться в Париж «для предварительного изучения в подробностях способов культуры бактерий сибирской язвы и тех приемов, которые применяются при добывании вакцины знаменитым французским ученым Пастером»; а во-вторых, «для ознакомления с ветеринарной стороной, с техническими приемами прививания послать во Францию специалиста-ветеринара, хорошо подготовленного для этого дела в научном и практическом отношении, <...> возложить на него разъяснение вопросов о разнообразии форм сибирской язвы и действии разных вакцинозных начал при различных формах болезни». На роль этого второго специалиста ВЭО предложило профессора Военно-медицинской академии Аркадия Александровича Раевского (1848—1916)¹³. А.А. Раевский и Л.С. Ценковский охотно согласились¹⁴.

Той же осенью 1881 г. и правительственные структуры, и ВЭО выяснили, что Луи Пастер не собирается принимать в своей лаборатории стажеров¹⁵. Вследствие этого директор канцелярии Главного управления государственного коннозаводства

¹¹ См.: Журнал торжественного..., 1881; Ковалевский, 1881а. На торжественном собрании присутствовал Великий князь Николай Николаевич-старший, который «согласившись с важностью поднятого вопроса, изволил выразить полное сочувствие этому делу и обещал сделать все возможное для его осуществления» (Журнал торжественного..., 1881, с. 412). Доклад В.И. Ковалевского был напечатан также в «Правительственном вестнике» (Ковалевский, 1881б).

¹² Журнал собрания..., 1882.

¹³ О Раевском см., к примеру: Ветеринарные деятели..., 1896; Калугин, 1951. Если автор очерка 1896 г. расплывчато пишет, что Раевский был командирован в Париж для изучения открытых Пастером предохранительных прививок сибирской язвы, то Калугин прямо говорит об институте Пастера. Раевский и Шмулевич (позднее командированный правительством) не только присутствовали на докладе Ковалевского, но и принимали активное участие в его обсуждении (Журнал собрания... 1882). Наряду с ними высказались А.В. Советов, А.И. Ходнев, А.С. Ермолов (будущий министр земледелия и государственных имуществ), Х.И. Гельман (ученик Е. Земмера) и некоторые другие.

¹⁴ РГИА. Ф. 91. Оп. 1. Д. 346. Л. 245—253.

¹⁵ Там же. Л. 255—260.

И.И. Мердер предложил отправить специалистов не к Пастеру, а к другим европейским ученым, к тем, «кто использовал тот же метод»¹⁶.

Вольное экономическое общество пыталось вести переговоры с Луи Пастером о работе русских учёных в его лаборатории. Пастер, однако, ставил условие — сначала визит его ассистентов в Россию (за счёт принимающей стороны), и только потом — визит русских учёных в его лабораторию¹⁷. ВЭО выделило из своих средств три тысячи рублей на поездку двух русских учёных в Париж. Общество (а именно его секретарь А.И. Ходнев и председатель Первого отделения А.В. Советов) пыталось найти пять тысяч рублей на работу ассистентов Пастера в России. Но надо заметить, делало оно это без особого усердия: обращаясь к земствам и к чиновникам в правительстве с просьбой спонсировать опыты Пастера в России, Совет ВЭО не скрывал, что он не видит особого смысла в этом визите¹⁸.

Создание вакцины от сибирской язвы давало надежды на создание вакцины чумы рогатого скота — болезни, которая благодаря санитарным и полицейским мерам стала сравнительно редкой для Западной Европы во второй половине XIX в., но по-прежнему, творила страшные опустошения в России¹⁹. В ходе переписки с русским правительством Луи Пастер выражал готовность заняться чумой крупного рогатого скота. Но позиция Пастера не устраивала российскую высшую бюрократию — по мнению многих, Пастер смотрит на своё изобретение не как учёный, а как коммерсант, и желает способ приготовления «прививной материи» сохранить в своих руках²⁰. Представители Главного управления государственного коннозаводства прямо заявляли, что не стоит отдавать разработку столь важного для российского скотоводства вопроса «в руки иностранных ученых», так как «это поставит нас в некоторую от них зависимость»²¹. Сравнительно благосклонно к идее визита Пастера в Россию относился министр государственных имуществ Михаил Николаевич Островский. Он также предлагал закупить вакцину для прививания 10 тысяч овец, но его инициатива не была поддержана²². ВЭО не удалось найти деньги на визит Луи Пастера в Россию. В качестве своего рода компенсации, Общество избрало Пастера своим почётным членом — разумеется, как крупного

¹⁶ РГИА. Ф. 412. Оп. 4. Ч. 1. № 1276. Л. 23–31.

¹⁷ Там же. Ф. 91. Оп. 1. Д. 346. Л. 259–260.

¹⁸ ВЭО обращалось в правительственные организации, в Санкт-Петербургское и Новгородское земства, но получило отказ. См.: РГИА. Ф. 91. Оп. 1. Д. 346. Л. 261–265, 271–277. Новгородское и Санкт-Петербургское губернские земства, в частности, отвечали, что опыты Пастера по прививанию сибирской язвы были успешными на овцах, а не на крупном рогатом скоте и лошадях. Овцы же не имеют большого значения в этом регионе.

¹⁹ Комплекс санитарных и полицейских мер, применяющихся в европейских странах, был описан, к примеру, Людвигом Буссе (1856). В России сходные меры были разработаны, однако плохо соблюдались. Даже в 1880-х гг. больных животных часто просто бросали на дороге или в лесу, их трупы не закапывали, или закапывали неглубоко и без всякой дезинфекции. См., к примеру: Евсеенко, 1882; Шварц, 1882; Протоколы заседаний..., 1887; и др. Вирус чумы крупного рогатого скота был изолирован и описан только в 1902 г. Морисом Николем (Maurice Nicolle, 1862–1932) и Мустафой Адил-Беем (Mustafa Adil-Bey, 1871–1904). Об их совместных работах писал, к примеру, М.Г. Тартаковский (1899). Он сравнивал Турцию с Российской частью Закавказья. Усовершенствование санитарных мер и вакцин против чумы крупного рогатого скота продолжалось на протяжении всего XX в. Её последняя крупная вспышка произошла в Кении в 2001 г.

²⁰ РГИА. Ф. 412. Оп. 4. Ч. 1. № 1276. Л. 11–15, 23–31.

²¹ Там же. Л. 43–45.

²² Там же. Л. 38–40 ; Ф. 381. Оп. 47. № 116. Л. 171–175.

Рис. 3. Е.М. Земмер
(Библиотека Тартуского университета. Фотоархив)

учёного, чьи открытия изменили жизнь человечества к лучшему, но также и для того, чтобы русские стажеры получили более теплый прием в его лаборатории²³.

Вернемся к составу «русской делегации» и обсудим тех специалистов, кто был командирован правительственными учреждениями. Директор канцелярии Главного управления государственного коннозаводства Иван Карлович Мердер (1830–1907) предложил трёх человек: «физиолога доктора Шмулевича²⁴, патолога-ветеринара Колесникова²⁵ и зоотехника-агронома Костычева»²⁶. Немного позднее к инициативе Главного управления коннозаводства присоединился Департамент земледелия и сельской промышленности, и к числу командированных был добавлен профессор Дерптского ветеринарного института Евгений Мартьянович Земмер (1843–1906)²⁷. Шесть тысяч рублей на эту командировку было выделено из средств Министерства Императорского двора²⁸.

²³ Там же. Ф. 91. Оп. 1. Д. 346. Л. 279–80.

²⁴ Яков Маркович Шмулевич (1839–1906) — доктор медицины, редактор журнала «Архив ветеринарных наук» (1875–1892).

²⁵ Колесников Николай Фалеевич (1850–?) — на момент командировки — адъюнкт-профессор ветеринарного отделения ВМА.

²⁶ РГИА. Ф. 412. Оп. 4. Ч. 1. № 1276. Л. 23–31.

²⁷ См. о нем: Алексеев, 1891. Земмер занимался сибирской язвой с 1866 г., а в 1870-х гг. обращался в Ветеринарный комитет с предложением организовать лабораторию для изучения предохранительного прививания в Дерпте, но получил отказ. К 1882 г. он, так же как и Раевский, уже имел опыт работы с предохранительными прививками. В 1881 г. он и К.К. Раупах были командированы Дерптским ветеринарным институтом и Ветеринарным комитетом в южные губернии для экспериментов с предохранительными прививками. Эти опыты, однако, не были успешными (Земмер, Раупах, 1882).

²⁸ РГИА. Ф. 412. Оп. 4. Ч. 1. № 1276 ; Л. 32–33.

Павел Костычев в записке И.К. Мердера фигурирует как зоотехник-агроном. Здесь Мердер немного приукрасил действительность. Весь зоотехнический опыт Костычева к началу 1882 г. ограничивался тем, что летом 1881 г. Костычев инспектировал государственные конные заводы в Воронежской и Харьковской губерниях. На заводах Костычев занимался состоянием пастбищ и покосов, а не лошадьми. Микробиологию Костычев до 1882 г. не изучал совсем²⁹. Вопрос, почему Мердер включил в состав делегации агронома и химика доцента Лесного института в Санкт-Петербурге П.А. Костычева, остаётся открытым. Вероятно, он просто доверял Костычеву как исполнительному и квалифицированному специалисту и обстоятельному исследователю. Также стоит предположить, что у Мердера было не слишком много подходящих кандидатов для этой поездки — катастрофическая нехватка ветеринаров в России в те годы хорошо известна. Кроме того, Костычев мог быть избран вполне целенаправленно. На заседании I Отделения ВЭО высказывалась идея, что ехать к Пастеру должен не ветеринар или ботаник (низшими организмами в те годы занимались преимущественно ботаники), а химик. Как было сказано на совещании, Пастер сам был химиком и «все исследования его опираются на брожение, которое <...> относится <...> главным образом к химии» (Журнал собрания..., 1882, с. 83). Следовательно, кандидатура химика Костычева не казалась абсолютно неожиданной в 1880-е гг.

Судя по переписке и отчетам, П.А. Костычев собирался серьезно заниматься болезнями домашних животных. В поездке он ставил себе цель научиться не только производить прививки сибирской язвы (что, как указывал Костычев «по описанию Пастера не должно быть трудно»), но и освоить способы микробиологических исследований, обнаружения бактерий, вызывающих другие болезни, в том числе чтобы «подготовить себя к изучению чумы рогатого скота, заразное начало которой до сих пор неизвестно» (Свод отчётов..., 1883, с. 65).

Костычев начал свою поездку с посещения Берлина — он проработал в лаборатории Роберта Коха в Берлине 6 недель (что составляет больше половины всего срока его поездки). Костычев рассчитывал у Пастера ознакомиться с методами исследования физиологии бактерий, но морфологию, систематику и технику микроскопирования он считал более полезным изучать у Коха. В своём отчёте (Свод отчётов..., 1883, с. 65–71) Костычев писал, что он изучал в лаборатории Коха:

«способы нахождения бактерий в воздухе, в почве и вообще во всякого рода предметах и получения чистых культур;

способы препарирования и культуры сибирской язвы (А.Ф.: *Bacillus anthracis* Cohn 1872); то же самое относительно бактерии найденной Пастером — “Vibrio septique” (А.Ф.: *Clostridium septicum* (Macé 1889) Ford 1927);

бактерии, найденные Кохом — Septicaemie der Mause Septicaemie der Kanigchen (А.Ф.: *Pasteurella multocida* (Lehmann & Neumann 1899) Rosenbusch & Merchant 1939), и несколько других групп бактерий;

ознакомился со способом ослабления бактерий сибирской язвы».

Итак, в Париж Костычев приехал, уже получив представления о методах микробиологических исследований. О визите к Пастеру он отозвался весьма сдержанно. Пастер, по словам Костычева, потратил на них четырёх (Костычева, Шмулевича, Земмера и

²⁹ Там же. Оп. 4. № 1248. 63 л. По результатам первой поездки в государственные конные заводы П.А. Костычев опубликовал статьи почти немедленно (Костычев, 1881).

Колесникова) в общей сложности 1,5 часа, объяснил самые общие вещи, «так что мы вышли от него, зная не больше того, что знали и до свидания с ним» (Свод отчётов..., 1883, с. 68).

Вскоре по приезде в Париж Костычев устроился в той же лаборатории, где уже работал Л.С. Ценковский — у Эдуарда Бальбиани³⁰. Костычев писал позднее, что он очень много получил от совместной работы с Л.С. Ценковским. Как он указывал в своём отчёте о командировке, вероятно, даже больше, чем получил бы от непосредственной работы у самого Пастера, но без Л.С. Ценковского³¹. Костычев также выражал надежду, что и Ценковский мог научиться от него некоторым манипуляциям химика, полезным для микробиолога. Операция для ослабления «сибироязвенного токсина» оставляла много свободного времени, и Костычев, следуя указаниям Ценковского, параллельно знакомился с различными группами бактерий, для того чтобы получить представления о том, как производить исследования над ещё неизвестными их формами. Костычев и в дальнейшем поддерживал тёплые отношения с Ценковским и опубликовал обзор его работ в области вакцинации скота (Костычев, 1887).

Спектр отзывов о посещении лаборатории Пастера русскими учёными простирается от негативных до нейтральных. Раевский в одном из писем секретарю ВЭО А.И. Ходневу высказывался резко: «Против обычных правил, установленных между <...> учеными Германии, Австрии и пр., которые так радушно принимают всякого, интересующегося научными вопросами, Пастер оказался мало любезным по отношению замечательным русским, которые, казалось, предоставили все гарантии высокого уважения и доверия, с каковым отнеслось к нему наше Общество (имеется в виду избрание Пастера в почётные члены ВЭО. — А.Ф.) и правительство, послав к нему большую группу специалистов, поручив им <...> перенести его учение на русскую почву». Никому из русских не удалось работать в лаборатории Пастера, т.к. «Пастер в последнее время занимается исследованиями, имеющими в виду не один только научный интерес, но и материальную выгоду»³². В отчёте, предоставленном в ВЭО, Раевский отзывался более сдержанно: «впоследствии все объяснилось тем, что Пастер вообще не имеет обычая допускать в свою лабораторию посторонних: не важно иностранцев или соотечественников» (Отчёт о занятиях..., 1883, с. 82). Н.Ф. Колесников в своём отчёте вообще не упоминал о негостеприимстве Пастера и писал, что «по приезде в Париж, все командированные лица представились г. Пастеру, который в течение нескольких часов объяснял нам свой способ культивирования микроорганизмов

Рис. 4. А.А. Раевский
(Ветеринарные деятели...,
1896, с. 102)

³⁰ Эдуард Бальбиани (Edouard-Gérard Balbiani, 1823–1899) — крупный эмбриолог, в 1874–1899 гг. — профессор эмбриологии в Колледж де Франс. Совместно с Луи-Антуаном Ранвье (Louis Antoine Ranvier, 1835–1922), Бальбиани основал и издавал журнал «Archives d'anatomie microscopique».

³¹ Ценковский, хоть и считался одним из крупнейших в России специалистов по низшим организмам, так же как и Костычев, прежде чем ехать в Париж, провёл некоторое время в лаборатории Р. Коха.

³² РГИА. Ф. 91. Оп. 1. Д. 346. Л. 293–297. О лаборатории Пастера в эти годы см., к примеру: Geison, 1995.

заразных болезней и в частности — микроорганизмов сибирской язвы» (Свод отчётов..., 1883, с. 1). Ценковский в отчёте ВЭО писал: «Пастер заявил и мне, и лицам, посланным от управления коннозаводства, что лаборатория его преследует чисто ученые цели и не может заниматься учебным делом. Поэтому я вынужден был ограничиться частыми посещениями Пастера, и кроме того [присутствовал] при вакцинациях производимых сотрудником Пастера» (Ценковский, 1883, с. 15).

Российские учёные несколько раз наблюдали, как ассистенты Пастера проводили вакцинации и участвовали в этих работах. Они устроились в различных лабораториях Парижа, слушали лекции, посещали учёных в других городах Франции и Европы. А.А. Раевский работал в лаборатории гистолога Андре-Виктора Корниля³³. Кроме антракса он изучал возбудителей куриной холеры, симптоматический сибирской язвы, посещал лабораторию химика Армана Готье³⁴, вместе с Ценковским ездил в Лион в лабораторию профессора Огюста Шово³⁵ и т. д.

Я.М. Шмулевич устроился в лаборатории Эмиля Дюкло³⁶ — по словам Шмулевича, «первого и наиболее талантливого ученика» Пастера, применяющего методы Пастера для изучения «участия низших организмов в нормальных процессах переваривания различных пищевых начал» (Свод отчётов..., 1883, с. 39). Я.М. Шмулевич работал там 3,5 месяца, туда же позднее был приглашён и Н.Ф. Колесников (работал 1,5 месяца). Шмулевич занимался разными группами низших организмов — «penicillum glaucum, aspergillus niger, различных видов мукоровых, многих видов дрожжевиков, молочного фермента, бутированного вибриона, преимущественно же амилробактеров, которых он культивировал из содержимого здоровых овец», изучает способы приготовления питательных сред, приёмы стерилизации, получения чистых культур и пр. (Свод отчётов..., 1883, с. 40). Шмулевич ездил в Женеву, для изучения 'charbon simptomatique'³⁷, в Лондон к специалистам по чуме свиней и сибирской язве и т. д. Земмер, начав свое путешествие с лаборатории Коха в Берлине, посещал специалистов по разным эпизоотиям во Франции, Германии, Швейцарии и Бельгии (Свод отчётов..., 1883).

Таким образом, русские учёные, не получив возможности пройти стажировку в лаборатории Пастера, устроились в других лабораториях. Надо понимать, однако, что это было не так просто. Во-первых, не каждая лаборатория была готова принять с распростертыми объятиями исследователя, который собирался работать с возбудителями опасных заболеваний. Во-вторых, не каждая лаборатория обладала необходимым оборудованием, и русским пришлось покупать его (как это пришлось сделать, например, Раевскому в лаборатории Корниля)³⁸.

Костычев вернулся в Санкт-Петербург в 20-х числах мая 1882 г. 26 мая он написал И.К. Мердеру, что считает возможным до начала работ по прививкам (их планировалось начать осенью) съездить в Беловодские конные заводы для дальнейшего изучения их

³³ Andre-Victor Cornil, 1837–1908.

³⁴ Armand Emile Justin Gautier (1837–1920). В числе прочего Готье занимался изучением брожения.

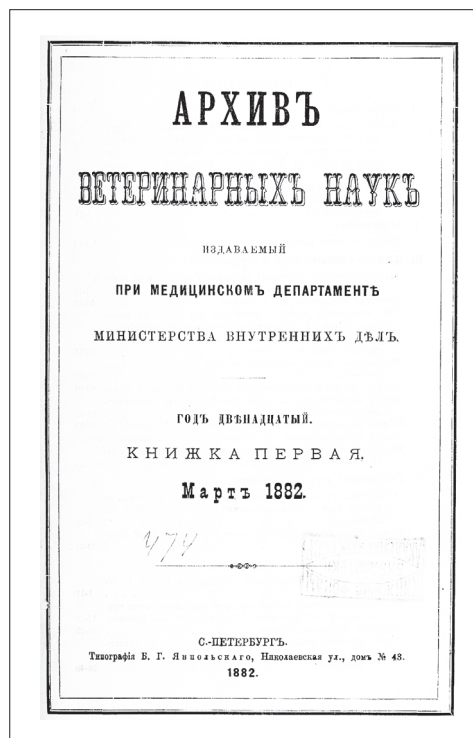
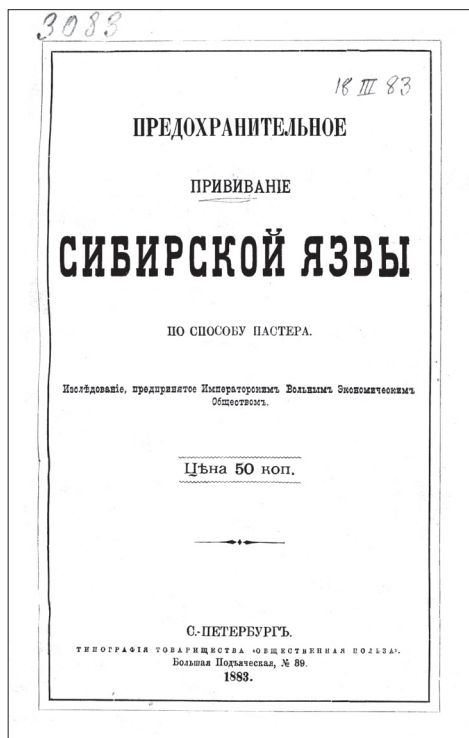
³⁵ Auguste Chauveau (1827–1917) — микробиолог, физиолог и патолог, профессор École nationale vétérinaire d'Alfort.

³⁶ Emile Duclaux (1840–1904) — химик и микробиолог, в те годы — профессор Института агрономии. Шмулевич (Свод отчётов..., 1883) упоминает, что лаборатория Дюкло — это в какой-то мере часть лаборатории Пастера, которую последний уступил своему ученику.

³⁷ Эмфизематозный карбункул — острое неконтагиозное заболевание скота, вызываемое бактерией *Clostridium chauvoei* (Arloing et al. 1887) Scott 1928.

³⁸ РГИА. Ф. 91. Оп. 1. Д. 346. Л. 304–305.

хозяйственных условий³⁹. Итого П.А. Костычев был в командировке менее 2,5 месяцев⁴⁰, из них 6 недель он провёл у Коха. Фактически командировку надо считать берлинской, а не парижской.

Осенью 1882 г. Костычев и его коллеги получил деньги на эксперименты по прививанию антракса. За материалом — «местной заразой сибирской язвы» Костычев съездил в Новолadoжский уезд⁴¹, Земмер работал с материалом, привезённым от Пастера. Впрочем, финансирование было скудным, животных было мало, они содержались плохо и болели даже без антракса (Свод отчётов..., 1883; Сведения об опытах..., 1883). Довольно скоро П.А. Костычев прекратил свои эксперименты с прививками сибирской язвы. Основные работы в этом направлении велись в южных губерниях, прежде всего при поддержке земств и овцеводов. П.А. Костычев использовал полученные им в Берлине и Париже навыки микробиолога в совершенно новой для того времени сфере — для изучения хода разложения органических веществ в почве. К своему удивлению, он обнаружил, что разложение растительных остатков до гумусовых веществ

³⁹ РГИА. Ф. 412. Оп. 4. № 1248. Л. 47.

⁴⁰ Деньги на «парижскую» командировку были выделены 13 марта, следовательно, Костычев не мог уехать ранее середины марта (РГИА. Ф. 412. Оп. 4. Ч. 1. № 1276. Л. 62–76).

⁴¹ Новолadoжский, а также Шлиссельбургский уезды долгое время были крайне проблематичными районами в отношении сибирской язвы — в первую очередь из-за Лadoжских каналов. Суда по ним двигались на конной тяге по так называемым бечевникам, и санитарное состояние вдоль них было ниже всякой критики. Сибирская язва была причиной гибели около 30 % лошадей (Журнал собрания..., 1882; Евсеенко, 1882; Шварц, 1882).

осуществляется не бактериями, а почвенными грибами. Именно эти результаты являются одной из главных научных заслуг П.А. Костычева. Их значение подробно описывали биографы Костычева и историки российского почвоведения, поэтому я не буду их обсуждать здесь⁴². Кроме того, Костычев вместе с альгологом Х.Я. Гоби опубликовал перевод сводки В. Цопфа «Дробянки-бактерии», сделав к ней ряд существенных дополнений (Цопф, 1884)⁴³.

* * *

Почему же агроном П.А. Костычев был отправлен в ветеринарную командировку? Хотя Костычев не имел опыта работы ни в области ветеринарии, ни в микробиологии, он в Главном управлении государственного коннозаводства имел репутацию добросовестного исследователя, а также хорошие отношения с руководством Главного управления. Важно отметить, что Костычев всерьез собирался заниматься ветеринарной микробиологией. Не получив финансовой возможности для исследований в этом направлении, он использовал свои новые навыки для работы в другой области и добился успеха.

Мы можем видеть, что в эти годы исследователь, который до этого совершенно не был знаком с микробиологией, имел возможность изучить её методы менее чем за два с половиной месяца. И этого оказалось достаточно для осуществления экспериментов, значение которых для развития микробиологии и почвоведения невозможно переоценить.

Другой аспект, на который мне бы хотелось обратить внимание, связан с финансовой поддержкой науки и «наукоемких технологий» в Российской империи. Некоторые государственные и общественные органы (такие, как Вольное экономическое общество или Главное управление государственного коннозаводства) были воодушевлены первыми результатами Пастера и готовы финансировать работы в этом направлении. Тем не менее российская бюрократия явно недооценила объём необходимого финансирования и количество квалифицированных специалистов. Проблема эпизоотий не могла быть решена при помощи тех средств, которые были выделены: девять тысяч рублей на стажировку шести экспертов и меньшие суммы для последующих экспериментов. Первоначальный энтузиазм правительственных кругов быстро прошёл. Министерство государственных имуществ, после возвращения из Парижа П.А. Костычева и трёх его коллег выделило в общей сложности 3000 руб. на покупку приборов, животных, на их содержание и эксперименты. После это финансирование прекратилось (Свод отчётов..., 1883; Сведения об опытах..., 1883). Наиболее успешные работы в 1880–1890х гг. в этом направлении велись в южных губерниях России в основном на средства земств и частных патронов⁴⁴.

---

⁴² И.А. Крупенников (1987) в своей биографии Костычева приводит целый ряд высказываний крупных биологов и почвоведов, высоко оценивших роль микробиологических исследований Костычева. Он также описывает те трудности, с которыми Костычев сталкивался в этих по-настоящему пионерных работах.

⁴³ Переводчики добавили параграфы о возбудителях сапа, малярии, брюшного тифа, а также выразили своё несогласие с мнением Цопфа о причислении бактерий к грибам. Костычев сделал специальное приращение о «методах обнаружения и определения количества бактерий в различных средах».

⁴⁴ По возвращении в Харьков Л.С. Ценковский получил на опыты от ВЭО 500 руб. Таковую же сумму ВЭО выделило Раевскому. От Харьковского общества сельского хозяйства Ценковский получил ещё 150 руб. Начало опытов было многообещающим, но дальнейшие обращения к Харьковской общественности и земству успеха не имели. Помог бывший ученик Ценковского —

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 10-06-00093-а.

Я признательна Наталье Евгеньевне Берегой и Ллоиду Аккерту за обсуждение этой статьи в процессе её подготовки.

Литература

[Алексеев А.И.] Е.М. Земмер // Ветеринарное дело. 1891. № 1. С. 1–5; № 2. С. 19–23.

Буссе Л.Ф. Врачебные и полицейские меры к прекращению падежей и заразительных болезней наших домашних животных, составленные по уставам, существующим в некоторых европейских странах. СПб., 1856. 132 с.

Ветеринарные деятели в науке и жизни. Аркадий Александрович Раевский // Вестник общественной ветеринарии. 1896. № 3. С. 102–103.

Гримм О.А. Отчет по исследованию сибирской язвы // Труды Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. Т. 3. 1872. С. 1–76.

Дарвин Ч. О происхождении видов в царствах животном и растительном путем естественного подбора родичей, или О сохранении усовершенствованных пород в борьбе за существование / перевел с англ. С.А. Рачинский. СПб.: А.И. Глазунов, 1864. 400 с.

Журнал собрания I Отделения ИВЭО 9 ноября 1881 года. (По поводу рассмотрения доклада В.И. Ковалевского о предохранительном прививании сибирской язвы и о желательном содействии этому делу) // Труды Вольного экономического общества. 1882. Т. 2. Вып. 1. Сельское хозяйство. С. 79–97.

Журнал торжественного общего собрания ИВЭО 31 октября 1881 г. // Труды Вольного экономического общества. 1881. Т. 3. Вып. 4. Действия Общества. С. 410–412.

Земмер Е.М., Раунах К.К. К учению об ослаблении заразы и вызывании иммунитета // Архив ветеринарных наук. 1882. Кн. 2. Отд. VII. С. 118–120.

Евсеев С. Сибирская язва в Новгородской губернии в 1881 г. // Архив ветеринарных наук. 1882. Отд. 5. Кн. 1. С. 1–11.

Латур Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир // Логос. 2002. № 5–6. С. 1–32.

Калугин В.И. Профессор А.А. Раевский. К 35-летию со дня смерти // Ветеринария. 1951. № 10. С. 60–62.

Ковалевский В.И. О предохранительном прививании сибирской язвы и о желательном содействии этому делу // Труды Вольного экономического общества. 1881а. Т. 3. Вып. 4. Действия Общества. Прил. 2. С. 417–427.

Ковалевский В.И. О предохранительном прививании сибирской язвы и о желательном содействии этому делу // Правительственный вестник. 1881б. № 244. (1 нояб.) С. 2; № 245 (3 нояб.) С. 2.

Костычев П.А. Из степной полосы Воронежской губ. Наблюдения и исследования над почвой и растениями. Ч. 1. Очерки залежного степного хозяйства // Сельское хозяйство и лесоводство. 1881. Июль. С. 251–270; Август. С. 301–317.

Костычев П.А. О прививках антракса в больших размерах: исследование проф. Ценковского относительно предохранительных прививок сибирской язвы овцам // Сельское хозяйство и лесоводство. 1887. Февр. С. 143–152.

помещик Складовский, который предоставил Ценковскому лабораторию в своем имении, сумел заинтересовать сибирезвенными прививками Херсонское земство и Общество сельского хозяйства Южной России. Впрочем, условия, в которых Ценковский ставил эксперименты и совершенствовал методику изготовления препарата, были очень скромными. Костычев описывал его лабораторию как пыльную каморку. Не исключено, что именно напряженная работа в некомфортных условиях привела к тяжелой болезни Ценковского. См. об этом: Костычев, 1887; Метелкин, 1950. См. также о земской поддержке антирабической лаборатории в Одессе: Хектен, 2001.

- Костычев П.А.* Избранные труды. Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 668 с.
- Крупеников И.А.* Павел Андреевич Костычев (1845–1895). М.: Наука, 1987. 220 с.
- Метелкин А.И.* Л.С. Ценковский. Основоположник отечественной школы микробиологов М.: Гос. изд-во мед. лит.-ры, 1950. 262 с.
- Отчет о занятиях в Париже по предохранительному прививанию сибирской язвы проф. Раевского // Предохранительное прививание сибирской язвы по способу Пастера. Исследование, предпринятое ИВЭО. СПб.: Общественная польза, 1883. С. 47–92.
- Предохранительное прививание сибирской язвы по способу Пастера. Исследование, предпринятое ИВЭО. СПб.: Общественная польза, 1883. 93 с.
- Протоколы заседаний Общества ветеринарных врачей в Санкт-Петербурге за 1885 г. СПб.: Типография МВД, 1887. 33 с.
- Сведения об опытах предохранительных прививаний сибирской язвы и чумы рогатого скота, произведенных в 1882–1883 гг. в С.-Петербурге доктором медицины Я. Шмулевичем и адъюнкт-профессором К. Колесниковым и в Дерпте ординарным профессором Е. Земмером // Журнал коннозаводства. 1883. № 6. С. 89–107.
- Свод отчетов и донесений по командировке за границу в 1882 г., по распоряжению главноуправляющего государственным коннозаводством, специалистов, с целью изучения предохранительных прививаний сибирской язвы и некоторых других повальных болезней животных. СПб., 1883. XVI + 71 с.
- Соловьёв И. С.А.* Рачинский. Татевская школа: Документальные очерки. Тверь: Твер. обл. кн.-журн. изд-во, 2002. 160 с.
- Тартаковский М.Г.* Современное состояние вопроса о предохранительных прививках против чумы рогатого скота. СПб., 1899. 64 с.
- Ценковский Л.С.* О Пастеровских прививках // Предохранительное прививание сибирской язвы по способу Пастера. СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1883. С. 15–46.
- Цонф В.* Дробянки-бактерии. Перевели с немецкого с согласия автора и значительно дополнили Хр. Гоби, П.А. Костычев. СПб.: Изд. К. Риккера, А.Ф. Девриена, 1884. 212 с.
- Хектен Э.* Наука в местном контексте: интересы, идентичности и знание в построении российской бактериологии // Вопросы истории естествознания и техники. 2001. № 3. С. 37–62.
- Шварц М.* Очерк эпизоотии сибирской язвы, свирепствовавшей в Тихвинском уезде Новгородской губернии летом 1881 г. // Архив ветеринарных наук. 1882. Отд. 5. Кн. 1. С. 26–40; Кн. 2. С. 100–114.
- Beregoy N. Ye.* Fighting against the cattle plague in Russia: 1800–1900 // Историко-биологические исследования. 2012. Т. 4. № 3. С. 94–100.
- Cadeddu A.* Pasteur et la vaccination contre le charbon. Une analyse historique et critique // History & Philosophy of the Life Sciences. 1987. Vol. 9. P. 275–276.
- Geison G.L.* The private science of Louis Pasteur. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1995. 378 p.

The “Veterinary” Reasearch Trip of the Soil Scientist Pavel Kostychev

ANASTASIA A. FEDOTOVA

Institute for the History of Science and Technology named after Sergey I. Vavilov,
St. Petersburg Branch, Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russia;
f.anastasia.spb@gmail.com

In 1882 six Russian scientists, including the agronomist Pavel Kostychev, went to Western Europe to study the methods of anthrax inoculation. Later, Kostychev worked briefly with the anthrax vaccine, but

the effect of foreign travel was also very significant for his soil studies. Research methods, which Kostychev assimilated in the laboratories of E.-G. Balbiani (Paris) and R. Koch (Berlin), provided him an opportunity to undertake a number of microbiological experiments, which turned out to be crucial for the development of the soil science. The Parisian “anthrax” travel also significantly impacted the other participants, including the protistologist Lev Tsenkovsky, and veterinarians Arkadiy Rajewski and Eugen Semmer. In my paper, using new archival documents I discuss the circumstances of this trip, which contradict that described in the biographies of those scientists. In particular, I address why the “veterinary” delegation included Kostychev who was an agronomist and chemist. And, I ask what government and public figures supported research and sponsored them?

Keywords: Pavel Kostychev, microbiology, anthrax vaccination, L. Pasteur, L. Tsenkovsky, Free Economical Society, Chief Agency of State Horse Breeding.

The Fight against Cattle Plague in Russia, 1830–1902

A brief overview of methodical approaches

NATALIA YE. BEREGOV

Institute for the History of Science and Technology named after Sergey I. Vavilov,
St. Petersburg Branch, Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russia;
beregovi@mail.ru

The fierce battle against cattle plague is part of the larger story concerning the establishment of veterinary science in Russia. It greatly affected how stockbreeding was advanced as a means of both agricultural and technological development. It also provides a cogent example of interconnection between practical tasks and fundamental knowledge for that particular era. Although at the beginning of the 19th century, the technology needed to carry out the research to develop new practical approaches was completely nascent. The prominent Russian doctors and veterinarians believed that cattle plague spread from the woefully poor care of cattle and could not be eradicated by means of inoculation. Peter Jessen was one of the foreign veterinarians employed in Russia who was an advocate of cattle plague inoculation. He believed in the viral nature of the disease and devoted his life to his experiments. Its viral nature was proved by several epizootologists in the early 1900's.

Keywords: cattle plague, The Committee for the improvement of the veterinary structure, Peter Jessen, mortality of horned livestock, inoculation, viral nature of the disease.

Fighting the cattle plague is part of the larger story surrounding the establishment of veterinary science in Russia. It affected how stockbreeding developed as a means of advancing both agricultural and technological understanding in the field. It also provides a cogent example of interconnection between practical tasks and fundamental knowledge for that particular period of time.

Fighting against the cattle plague is clearly a core subject in terms of the history of veterinary science throughout Europe. The end of the 18th century is when, in some European countries, the cattle disease (named the cattle plague, or Rinderpest) started to be examined, because it was a disease that regularly killed off thousands and, over time, millions of beasts and caused long-term damage to stockbreeding, local economies and the wealth of citizens. In the very beginning of the 19th century, some researchers, especially in the Copenhagen veterinary institute, expressed the opinion that the cattle plague was coming to Europe from Russia, which was reported to be a “motherland” for the Rinderpest.¹ This assertion for Russia certainly was disastrous as it could threaten the Russian foreign cattle trade. For this reason, it eventually gained the attention of the government, which initiated its examination within the Empire.

In turn, in the Russian Empire epizooties took away not less cattle heads than it did in Europe. They spread over the vast territory from Eastern Siberia to the Western provinces, as there were no railways in the first half of the 19th century that could be used for transportation of cattle. So cattle bands drifted from the eastern steppes to St. Petersburg and further into Europe. The charge of fighting against and the prevention of the Rinderpest in Russia was already one of the most important practical tasks in the first half of the 19th century. But

---

¹Russian State Historical Archives (Rossiiskii Gosudarstvennii Istoricheskii Archiv, hereafter referred to as RGIA). F. 412. Op. 3. D. 198 (1845–1850. Ob ustroistve veterinarnoi chasti v Rossii [About organization of veterinarian structure in Russia]). L. 202–203.

this mission could not be accomplished due to the lack of sufficient conditions and facilities available, as well as specialists who could carry out the research that would have brought about the knowledge and methods necessary to develop those practical tasks.²

In Europe, since the end of the 18th century, some efforts were made to research such methods of dealing with the Rinderpest, such as the inoculation of cattle. Some specialists believed in the contagious nature of the cattle plague and carried out some experiments of immunizing the animals. Those experiments did not always prove the effectiveness of inoculation, but this was work in progress and it didn't have wide applications; it was carried out in veterinary schools and academies as part of fundamental research. Although, when applied, the quarantine policy had worked very well.³ The same quarantine methods were applied in Russia, too. But here they didn't work so well. And there was no alternative at the same time. There were no satisfactory conditions for research, no institutes that could produce veterinary specialists or institutions where the research could be carried out. The only institution that produced veterinary specialists was the Medical-Surgery Academy in St. Petersburg, and even there to become a veterinarian (not a veterinary assistant), one should have earned a degree of doctor of medicine, because before the 1850's, the degree of master or doctor of veterinary medicine did not exist in Russia.⁴

One of those specialists was a doctor of medicine, Vsevolod Iv. Vsevolodov, an academic and an established specialist in veterinary matters. In 1840, he published a book about terminal diseases of livestock. In this book he described the cattle plague as typhoid disease, which happened because of poor care of the animals, because of climate conditions (too cold or too hot), and even because the animals were forced to drift soon after they had eaten food. Also, he wrote that he had observed the cases of cattle plague in the north and northwest, so he thought that the theory that the cattle plague came from the southeast was false. And he didn't believe in the contagious nature of this disease (Vsevolodov, 1846, p. 70). Vsevolodov was an opponent of the inoculation approach; he insisted that only good care and hygiene could prevent his cattle from epizooty (*ibid*, p. 100). Obviously, when the most respected veterinarian of the Empire didn't believe in the need for fundamental research, there was no reason for the research to be started on any grounds.

But, again, there was a lack of specialists to fill many veterinarian positions in the Empire in the first half of the 19th century. The vast majority of positions were taken by foreign specialists invited from abroad, from veterinary institutes of Copenhagen, Vienna, and Berlin, among others. One of those foreign veterinarians employed in Russia was Peter Jessen, who was born in Holstein in 1802. In 1822, he got a degree in veterinary medicine in Copenhagen and in 1823 was invited to Russia to work as a veterinarian in the military settlements in Novgorod. Shortly after that, in 1827, he became a veterinary doctor at the Tsar's Stables in St. Petersburg.

Peter Jessen (from Peshtich, 1896)

² RGIA. F. 412. Op. 3. D. 198. L. 47.

³ *Ibid*. L. 201.

⁴ *Ibid*. L. 10–12.

In 1847, he was included as a consultative member into the Medical Council, which proved an extraordinary career for the German veterinarian after 25 years of employment in Russia. In 1848, he left St. Petersburg for Dorpat where he took the post of the head of the newly founded Veterinary School (Peshtich, 1896, p. 37). He carried out several field and laboratory studies. Between 1858 and 1867, he was a member of the Special Committee at the Ministry of Internal Affairs. He published several monographs and a great many articles in professional journals. He died in 1875.⁵

He was a student of Erich Viborg, who was the first to begin to fundamentally examine the Rinderpest and inoculation against it. So, as his pupil, Jessen was very committed to the idea of inoculation and he wanted very much to advance and promote this research. He formulated several objectives for his fundamental research, that is “which contagious substance is best to use,” “what are the best conditions for this substance to immunize these animals,” etc. Since the 1830’s, he had contacted the government several times (various departments) and asked for funding to study the disease within a laboratory. What he promised was “total extermination of cattle plague in Russia.”

For the first time, his proposals gained the attention of the Medical Council of the Ministry of Interior in 1830, but was rejected because the Vice-Director of the Medical Council and Academic Secretary of the Medical-Surgery Academy, Jakov K. Kaidanov, commented on it by saying there was no need for any committees or laboratories besides Medical Council, which already existed, but as for need for more specialists, he agreed that there could be more veterinary schools and institutes.⁶ We can see how the natural, philosophic approach, which was dominant in the academic community at the time, didn’t allow many scientists to support fundamentally experimental research. The practical task of fighting against the cattle plague was accomplished locally by applying quarantine policies and killing all diseased and suspicious cattle. But even with these actions, given that there were not enough veterinarians, the epizooties didn’t stop. In 1844, in the eastern and southern areas of the Empire, the cattle plague destroyed nearly 500,000 cattle. And, for example, in Permskaya Province, 24,000 beasts died; in Ekaterinoslavskaya Province — 19,968; in Hersonskaya Province — 15,683.⁷ The necessity to develop approaches to halt this disaster became obvious and urgent.

In 1844, Pavel Dm. Kiselev, Minister of State Domains, reported to the Emperor the urgent need for solving the problem of the cattle plague, which would include the re-organization of the entire veterinarian sector of the state administration.⁸ First, he reported, it was necessary to start producing scientific human resources, specialists who could go into scientific expeditions and contribute valuable reporting and also form scientific commissions, as had been done successfully in European countries. To accomplish the task, the Emperor appointed the Special Committee, which consisted of representatives of the following administrative departments:

Ministry of State Domains;
Horse-breeding Department;
Ministry of Interior;
Medical Council;
Ministry of Public Education.

⁵ His most detailed publication about the cattle plague is: Jessen, 1853.

⁶ RGIA. F. 472. Op. 1. D. 969 (1830. O sochinennyh vrachom Jessenom zamechanijah o padezhah skota [About doctor Jessen’s notes about the mortality of livestock]). L. 3–4.

⁷ Ibid. F. 412. Op. 3. D. 198 (1845–1850). L. 16.

⁸ RGIA. F. 412. Op. 3. D. 198. L. 1–5.

The purpose of the Committee was to find ways to re-organize the veterinarian sector of the state, and the prioritized goal of it was to win the fight against the cattle plague. In the course of its work, the Committee received the paper by Peter Jessen, who hadn't given up his attempts to gain governmental attention to his ideas. The paper was what we currently know as "the project for grant." He asked for funding to organize a laboratory for field study of the Rinderpest. He promised that this research would help to solve the problem completely. He wrote that the fact that epizootics appeared in Russia again and again proved that the quarantine policy didn't work here as it had worked in Holstein (where he was born), for instance. This again brought about a question of the "motherland" of the Rinderpest. Jessen asked for funding for a big, experimental station for inoculation of cattle plague somewhere in the steppes, around Novorossiisk. There he wanted to arrange a few buildings for the animals, buildings for the veterinarians and servants, the laboratory, pharmacy and the anatomic theater. The station could have at one time about 200 cattle. The period of inoculation and recovery is two weeks, so he assumed that one year would have been enough to immunize all the cattle of the steppes. He also wished to use this station to clarify some scientific questions, which were important for fundamental research in veterinary science at that time:

Which substance is better for inoculation: blood, mucous or urine?

In which stage of the course of the disease should those substances be collected?

Which method of inoculation is preferable?

Which part of the body should be inoculated: shoulder, neck or under the tail?

Which season is a better time for inoculation?

At what age of the animal is inoculation more effective?

Is it possible to keep the substance for a long time so it doesn't lose its properties?

Is it possible to process the substance in the laboratory so it becomes more effective?

As he thought from a scientist's perspective, he mentioned that even if the research proved that inoculation doesn't work, it would be an advantage to veterinary science, and if it proves its usefulness, that would be an advantage of both the state economy and veterinarian medicine. We can see that as early as the first half of the 19th century, fundamental research should have been of interest to the administration (i. e. have economic applications and meet practical needs) to get funding from the government. Compared to what the opponents of inoculation suggested to do in case of the cattle plague — to process the animal sheds with a solution of sulfuric acid and corrosive sublimate, feed the animals well and isolate them from suspicious ones — the fundamental approach required a lot of funding.

Unfortunately, Jessen's project didn't get funding. But the following thing happened: The Committee made a decision to open in Dorpat (now Tartu) the Veterinary Institute which would prepare specialists and doctors of veterinary medicine.⁹ The Institute was opened in 1848, and Peter Jessen received the post of its first director and could arrange there a laboratory. This appointment strongly indicates that the government was finally persuaded by Jessen and his frontline projects that fundamental knowledge could greatly benefit the economy and help to accomplish practical tasks.

But, to highlight the broader picture of the fight against the cattle plague of that time (1830–1850's), it's worth mentioning that the frontline ideas of Peter Jessen were not supported by a majority of veterinarians and local authorities. The most common belief was still that "inoculation is not approved by most scientists, unknown in most places, and very difficult

⁹RGIA. F. 412. Op. 3. D. 198. L. 10.

to apply.”¹⁰ The Free Economic Society published pamphlets about the cattle plague with descriptions of different approaches of dealing with the disease, such as rubbing the live-stock’s skin with solutions of sulfuric acid, chlorine and lime.¹¹ These pamphlets were distributed among farmers and local governments and were obligatory to use against epizooties.

That same year, Peter Jessen started his research in Dorpat. For 20 years he performed numerous laboratory and field experiments. He and his former student Fedor Unterberger carried out experiments during 1853 and 1854 in Kharkov, Kursk, Kazan and Herson. In 1854, Jessen carried out his first experiments in the Novorossiisky area (Otchet, 1854). Those experiments had positive results and promised victory in the fight against the disease in the near future. As a substance, he used secretions from the eyes and noses of diseased animals. As a method of inoculation, he used implantation of woolen threads under the skin. After this field research he came up with the plan for future research, which emphasized three main points:

1. Need to arrange an institute to produce inoculate.
2. Need more specialists.
3. Need money (to reimburse owners who had lost their cattle).

Then, in 1855, there were more experiments in Herson, and in 1858, Raupach, a graduate of the Dorpat Institute, carried out some experiments in Poltava (Karlovka village), which also had positive results.

This news inspired the government, and in 1858, it arranged a special Scientific Committee under the Ministry of Internal Affairs to study the results of cattle plague inoculation in the Russian Empire. The Committee consisted of the president of the Medical-Surgery Academy, P.A. Dubovitsky, member of the Military-Medical Scientific Committee, G.M. Prozorov, professors of the Medical-Surgery Academy Rozhnov and Ravich, Peter Jessen and a member of the Scientific Committee of the Ministry of State Domains, E.A. Peterson.¹² They performed some experiments which proved the effectiveness of inoculation, because immunized cattle didn’t catch the disease again. The report about these experiments was published in 1867. Shortly after that, the Committee was dismissed.¹³

Although there was evidence of effectiveness of inoculation, there was no agreement between members. Some members still objected to the introduction of this method into practice. This disagreement can be illustrated by one case that took place shortly before the closing of the Committee: Peter Jessen asked the Ministry of State Domains to fund him to go to Zurich to represent Russia at the International Veterinarian Congress. He was refused because Peterson commented that “Jessen can not represent Russian veterinarians abroad because Russian

¹⁰ About this controversy in 1856–1860 see: Zolotovskiy, 1856; 1863.

¹¹ Central State Historical Archives of St. Petersburg (Centralnii Gosudarstvennii Istoricheskiy Archiv in St. Petersburg = CGIA SPb). F. 536. Op. 9. D. 2654 (1844. O tom kak dolzhno postupat v sluchaje pojavleniya chumy rogatogo skota [About what must be done in case of appearance of plague in the cattle]). L. 3–16.

¹² RGIA. F. 1287. Op. 21. D. 1941 (1858. Po otnosheniju Medicinskogo Departamenta MVD ob uchrezhdenii komiteta I ob otpuske summy dlja ustroistva chumoprivivaniya skotu [Paper from the Medical Department of the Ministry of Interior about setting up the committee and allotment of funding for inoculation of cattle plague]). L. 1–15.

¹³ RGIA. F. 1341. Op. 119. D. 218 (1867. Po vysochaisheму poveleniju o zakrytii komiteta ob uluchshenii veterinarnoi chasti [About the dismissing of the Committee for the improvement of veterinary structure]). L. 1–5.

veterinarians do not believe in inoculation of Rinderpest; they consider it a typhoid disease which can be cured only by hygiene."¹⁴

Thus, by the beginning of 1870's, the results of fundamental research weren't yet practically embraced. Moreover, opposition to the research started to grow within the scientific community. We should note that the viral nature of the disease wasn't discovered until the end of the 19th century. There were no vaccines yet, and using the "substance" led to great losses of cattle in the course of inoculation. Therefore, enormous funding was required. The government slowly started taking the side of the opposition. It turned out that to kill all the diseased (and even suspected) cattle and reimburse the owners would be less expensive for the administration than to continue supporting fundamental research along with funding its practical implementation, which was organizing special institutes and inoculation stations all over the Empire.

As a result of this change of attitude in the government, a law was passed on June 3rd, 1879. According to this law, cattle owners could not resist the killing of their cattle if one case of cattle plague was discovered. They had no alternative, though they did receive some financial compensation.¹⁵ Nevertheless, this measure appeared to be quite effective. In the six years after its introduction, the spread of the Rinderpest epizooties was limited to three provinces, and in 38 provinces it was totally eradicated. The three provinces where the measure of killing wasn't so effective — Samarskaya, Orenburgskaya, Ufa and Zakavkazje — are all Eastern and South-eastern provinces and steppes. This reminds us about Jessen's idea that the Rinderpest spreads from certain places, its so-called "motherland," and that's why it's impossible to fight against it there with quarantine and radical policy.

It is interesting that the fundamental research continued even after it was officially claimed ineffective and impractical. In the late 1880's, the special institute for pure fundamental biomedical research was opened in St. Petersburg — the Institute for Experimental Medicine. And there Professor M.V. Nentsky carried out research of effective approaches for inoculation.¹⁶ At the end of the 1880's, his results were successfully applied in Zakavkazje where part of IEM's funding was spent on organizing a special station where the vaccines were produced. In 1900, the same station was also opened in Chita (further to the east). Simultaneously, with professor Nentsky, the research of cattle plague inoculation was done by another employee of the IEM, Mikhail Tartakovsky. It was Tartakovsky who experimentally proved the viral nature of the disease and its contagious character. In 1902, Nicole and Adil-Bey discovered the virus activator. Tartakovsly described their research and published it in several brochures in Russian (Tartakovsky, 1899; 1901).

By the turn of the 19th century, the results of fundamental research, which was carried out by means of pure science, allowed the government again to think of the possibility of "replacing knife by syringe." But it didn't happen until the production of vaccines became massive, on an industrial basis, and this happened only in the second third of the 20th century.

---

¹⁴RGIA. F. 382. Op. 1. D. 27 (1867. Po predlozheniju Jessena o komandirovanii ego na veterinarnyi congress v Zurich [About Jessen's proposal about sending him on to the International veterinarian congress in Zurich]). L. 5–6.

¹⁵See the details of the act in: Полн. Собр. Зак. 1867 г., Т. XIII, изд. 1892 г., Уст. Врач., ст. 1278, 1279, 1291, 1299. Complete Collection of Laws of 1867. Vol. XIII. Medical Statutes, 1892. P. 1279, 1291, 1299.

¹⁶*Nencki, Wilhelm Marcelli* (1847–1901), physiologist-chemist and bacteriologist, professor of physiological chemistry in Bern, from 1891 was a head of physiological-chemical department of the Imperor's Institute of Experimental Medicine in St. Petersburg. About him: Golikov, 2011, p. 340.

References

- Golikov Yu.P. (Голиков Ю.П.)* Nencki, Wilhelm Marcellii // *Biology in St. Petersburg 1703–2008*. St. Petersburg: Nestor-Historia, 2011. P. 340.
- Jessen P. (Иессен П.П.)* O sovershennom istreblenii skotskoi chumy [About the total extermination of the horned livestock plague]. St. Petersburg, 1853. 20 p.
- Kolyakov Ya.E. (Коляков Я.Е.)* M.G. Tartakovsky — vydajuschisja patolog i epizootolog (M.G. Tartakovsky — an outstanding pathologist and epizootologist) // *Veterinaria*. 1967. № 10. P. 67–69.
- Otchet o pervyh opytah privivanija chumy roगतому skotu v Novorossiiskom kraje [Report about first experiments of inoculation of plague to horned livestock in Novorossiiskii area]. St. Petersburg, 1854. 18 p.
- Peshchich N.P. (Пештич Н.П.)* 50-letije Obschestva veterinarnyh vrachei v Sankt-Peterburge [50 years of the Veterinarians Society in St. Petersburg]. St. Petersburg, 1896. 70 p.
- Tartakovsky M.G. (Тартаковский М.Г.)* Sovremennoje sostojanije voprosa o predohranitelnih privivkah protiv chumy roगतого skota [State-of-the-art of the question of inoculation of cattle plague]. St. Petersburg, 1899. 63 p.
- Tartakovsky M.G. (Тартаковский М.Г.)* Obzor noveishikh rabot o predohranijelnykh privivkah protiv chumy roगतого skota [Review of most contemporary works on inoculation of cattle plague]. St. Petersburg, 1901. 8 p.
- Vsevolodov V.I. (Всеволодов В.И.)* O chume roगतого skota. Vtoroje izdanije dlja rukovodstva ujezdnyh vrachei [About the horned livestock plague. Second edition, guidance for county doctors]. St. Petersburg, 1846. 142 p.
- Zolotovskiy A.A. (Золотовский А.А.)* O znachenii chumoprivivanija v veterinarnoi praktike // *Vojenno-medicinskiy zhurnal* (St. Petersburg). 1856. June. P. 26–54 ; September. P. 1–66 ; December. P. 67–80.
- Zolotovskiy A.A. (Золотовский А.А.)* Otvet na zamechanija professora Derptskogo veterinarnogo uchilishcha Jessena na schet statji “O znachenii cumoprivivanija...” // *Zapiski veterinarnoi mediciny*. 1863. № 1. P. 1–20.

Борьба с чумой рогатого скота в России в 1830–1902: краткий обзор путей и подходов

Н.Е. БЕРЕГОЙ

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН, Санкт-Петербург, Россия; beregoi@mail.ru

Борьба с чумой рогатого скота — это часть истории развития ветеринарной администрации и научной ветеринарии в России. Она повлияла на то, каким путем развивалось скотоводство, как в сельскохозяйственном, так и в технологическом отношении. Она также является хорошим примером взаимодействия практических задач и фундаментальных исследований в данный период времени. Хотя в начале XIX в. не существовало ни подходящих условий, ни специалистов, которые могли бы проводить исследования и создавать знание и методы, необходимые на практике. Ведущие русские врачи и ветеринары считали чуму рогатого скота заболеванием, проистекающим от плохого ухода за животными, и не верили в пользу прививания. Петр Иессен был одним из иностранных ветеринаров на русской службе, который отстаивал признание пользы прививания, верил в вирусную природу заболевания и посвятил жизнь экспериментам и исследованиям в этой области. Вирусная природа чумы рогатого скота была доказана в 1896 г., а возбудитель её был выделен в 1902 г.

Ключевые слова: чума рогатого скота, Комитет по улучшению ветеринарной части, П.П. Иессен, падежи скота, прививание, вирусная природа заболевания.

Improving Socialist Animals: American Farming Experts on the Soviet Collectivization

JENNY L. SMITH

Georgia Institute of Technology, Atlanta, USA; jenny.smith.gatech@gmail.com

Using the first-hand accounts of two American experts on collective pig farms in 1930 and 1931 as evidence, this paper explores the disconnect between the ambitions for new collective farms set out in the First Five Year Plan and the reality of these farms as it was experienced by these two foreign specialists. These accounts give historians insight into the failures and frustrations of early collectivization as well as the ways in which unexpected, biotic factors such as disease and nutrition had a tremendous influence on industrial farming in the Soviet Union, limiting its progress and stifling growth in the agricultural sector.

Keywords: Collectivization, Animal Husbandry, Industrial Farming, Disease.

In November of 1929 the Central Committee modified the first Five Year Plan of the Soviet Union to include reforms for farms and rural areas. This addendum reorganized and collectivized the majority of Soviet farms. Historians have focused on the problems collectivization created for grain production and distribution across the country, but almost ten percent of newly collectivized farms were earmarked by the Commissariat of Agriculture to specialize in raising livestock to help increase national supplies of meat and milk, and these animal farms have been overlooked. The centrality of these farms increased dramatically in 1930 after mass protests against collectivization slaughtered significant numbers of the country's cows, sheep, pigs and horses (Viola, 1999). Soviet animal farms received extra money and attention and were intended to be models for future collective farms. Because of the extra support they received, historians and economists have long assumed these model farms experienced inevitable success and because of this, they have largely ignored their fate (Davies, 1980). In fact, many of these farms became expensive, embarrassing failures for the state. This article examines the earliest downward trajectories of two of these farms through the eyes of two American scientific experts; agricultural specialists who had been hired by Amtorg, the Soviet trade representation in the United States to help improve the Soviet Union's first generation of animal farms.

Before collectivization few farming operations had specialized in livestock, and there were few agricultural professionals who were trained in the feeding, breeding or veterinary care of farm animals. The People's Commissariat for Agriculture struggled to fill these gaps of expertise, hiring outside experts from the United States, Britain and Germany to lend their assistance to the task of building successful animal farms (Dalrymple, 1964, p. 192). Ultimately, the inability of the state to manage these new animal farms effectively was a significant failure in early Soviet agricultural modernization that would haunt the country for decades.

The famine in Ukraine and Southern Russia during 1932 and 1933 overshadowed the initial struggles of collective farms, but the organizational problems that these farms in particular encountered in their first two years of operation portended years of chaos and disorganization. Moshe Lewin has noted that "the first plan...produced a kind of self-perpetuating mechanism in which uncoordinated and quite arbitrary economic targets served to enlarge the scope of 'planning' without necessarily improving order or efficiency on the ground" (Lewin, 1973, p. 287). Mismanagement, cronyism and a revolving door of local leadership hurt agricultural productivity in the years after collectivization. In addition to human failures, Soviet authorities were in denial

about just how hard it would be to turn small family farms in marginal parts of the country into robust communal surplus producers. Natural limits of climate and disease were initially assumed to be surmountable, but these factors were a steeper obstacle for early Soviet agricultural industrialization than initially imagined.

The two American livestock specialists both came from the state of Iowa. George Heikens and Guy Bush worked in the Soviet Union from the early summer of 1930 until the end of the summer of 1931. Their letters home and to Soviet officials offer early candid critiques of the new post-collectivization animal farms of the Soviet Union and these observations contain thick descriptions of two remote collective farms that had been earmarked to specialize in swine breeding during these years. As a source base, these letters have limitations. Nevertheless, their observations give rich and detailed accounts of the everyday workings (and dysfunctions) of village life in the immediate aftermath of collectivization. Both Bush and Heikens were naïve observers: neither of them spoke Russian, neither had ever travelled outside of the United States before this trip, and both of them, while curious about the Soviet Union's experiments with Communism, remained patriotically American, and regarded Soviet policies most often with bemusement and occasionally with contempt. The histories set out in their letters reveals as much about their own shortcomings as experts and emissaries as they do about the everyday activities of the villages where Heikens and Bush lived.

However, because of their training and their elevated status as foreign specialists, Guy Bush and George Heikens were also authority figures on the farms where they worked. They had daily interactions with the managers, veterinarians and other officials that administered these new institutions. Both sets of letters are full of observations about how the farms were run and opinions (however biased) about what kinds of mistakes the managers and animal caretakers were making. Of the greatest interest to this paper, both Heikens and Bush list actions and improvements on the farms that managers and authorities in Moscow planned to make that, for one reason or another, never came to pass. Because failure and shortfalls were anathema to the Soviet trope of progress and modernization in this period, the distance between the plan and the reality is almost never made explicit in internal official reports produced by these kolkhozes. Bush and Heikens may have been naïve and limited in their observations of the farms where they worked, but their critical perspective and their ability to identify the distance between the plan and the reality on the ground of their respective kolkhozes make these letters, problematic as they are, valuable sources for understanding some aspects of the daily administration of collective farms during this era.

Indeed, the failures and shortcomings Heikens and Bush perceived in the post-collectivization, pre-famine Soviet countryside were issues that would become the primary stumbling blocks for Soviet agricultural organization on collective farms until after World War II. In particular, Heikens and Bush consistently found three problems in their collective farm placements: incompetent managers, a chaotic and completely unpredictable schedule of performance review and project evaluation, and an unacceptably high death rate among the animals. It is important to note that while two of these are clearly management problems that were common across industries during the First Five Year Plan, the last issue, that of livestock mortality, was particular to the sector of animal agriculture. While much has been made of the slow recovery of animal stocks during the 1930s, it is important to note that much of this lag was due to biotic factors such as disease or exposure. While poor management and poor work organization served to exacerbate these biological realities, they often were not the root cause of such hardships. The inability of collective farm managers and Swine Trust bureaucrats to improve the material conditions of either pigs or humans on the animal farms where Heikens and Bush were stationed

Swineherds in Rodomonovo, 1930

was the failure that became the stumbling block of industrial agriculture for the Soviet Union. While definitions of industrialization typically focus on labor organization, mechanization and the scale of production, the experience of the first generation of animal farms in the Soviet Union exposed a category of industrialization that was initially ignored by Soviet managers: anthropogenic control over nature. Gaining control over the nature of pigs proved more elusive and more expensive on the two farms that Bush and Heikens observed than their employers, the Swine Trust, had initially anticipated. These stumbling blocks, identical in the experiences of both Heikens and Bush, point to a larger and more systemic problem of realizing ambitious plans on disorderly, poorly run collective farms during the first Five Year Plan.

Travel to the USSR for private American citizens was not common before or after the first Five Year plan, however, between 1928 and 1932 a window of international exchange opened between the two countries. Of the 5000 or so Americans who traveled to the US between 1928 and 1932, perhaps only two hundred each year travelled there as employees of the Soviet state, and most of these workers held jobs in factories rather than on farms (Engerman, 2003; Fitzgerald, 2003). However, in 1930 and 1931, *Amtorg*, the Soviet business representative in the United States, signed several dozen college-educated agricultural engineers into the working ranks of the Soviet Union. Once in the country, were assigned to report to either the swine or cattle trusts (*Svinvod*, *Skotovod*) that managed the livestock industry for the Commissariat of Agriculture.

In the late spring of 1930 twenty men, including Iowans George Heikens and Guy Bush were hired by the Soviet Swine Trust as specialists “working out and applying of all manner of work in the sphere of pig-husbandry, that is the mechanization of hog houses equipment, the application of more perfect means of feeding, breeding, growing and fattening of pigs.”¹ Heikens and Bush had similar backgrounds. The two men had grown up on mixed-use farms in Iowa, and both delayed attending college in order to help out on their family’s farms. In college, both had focused on hog breeding, which was a skill that caught the interest of Soviet

¹ “*Spetsialistu po Svinovodstvu Kheikinsu: Instruksii*” (Hog Production Specialist Heikens: Instructions) 1930. George Andrew Heikens Papers (1902–1976), Iowa State University Special Collections R/S 21/7/15 Box 1, Folder 2.

employers. When they signed their contracts Heikens was just about to graduate from Iowa State College at age 30, and Bush, at 39, had spent two years in town pursuing a job as a writer for *Wallace's Farmer*, the Midwest's most popular agricultural periodical. By the summer of 1930, the Great Depression had dimmed career prospects for both men and Heikens and Bush considered themselves lucky to be among the animal specialists hired to work abroad. The Soviet Swine Trust would pay them over one thousand dollars for their year abroad, a far more generous annual salary than they were likely to earn in Iowa that year, and would cover travel and living expenses. And so, in the blistering heat of late July, Heikens and Bush packed trunks full of the warmest clothes they owned and set off separately, first by train, then by Atlantic steamer, for a place they both called "Red Russia." They had very little notion of what awaited them across the ocean.

Heikens and Bush were hardly alone in their ignorance. In 1930 most Americans had little idea how farm collectivization or other aspects of socialist rule had changed the everyday lives of rural citizens in the Soviet Union. During their terms of service Bush and Heikens would experience the disorganization and antipathy of a typical Soviet collective farm firsthand. However, in the late summer of 1930, as Americans who had previously learned about events in the Soviet Union only through newspapers and radio programs, Joseph Stalin's five-year plan to industrialize the country appeared to be an unusual but admirable experiment in modernization that had many elements in common with changes in agriculture that Heikens, Bush and countless other rural Americans had lived through over the past generation.

In part, the collectivization drive of 1929 and the state's interference in farm organization upended Soviet rural society because the previous decade had been one of benign neglect of the countryside by the Soviet government. Farmers had been left to their own devices for most of the 1920s, as the state focused first on establishing a socialist order in the cities. Indeed, farmers paid fewer taxes and received more cash for their crops in the late 1920s than in any other decade of the 20th Century, and because of this, it was an era that was remembered by many with nostalgia. One Siberian farmer who later defected recalled the farms of the 1920s as having "everything a man wanted. Good horses and cows...there was nothing I did not like"². In response to the relative stability and wealth of the decade, farmers built up their stocks of animals, invested in new tools and seeds, and improved their barns and houses. This era of relative prosperity ended with the collectivization drives that began in the winter of 1929.

Collectivization began as an orderly, if ambitious campaign of property mergers, but it rapidly devolved into state-sponsored terrorism. During the first months of the campaign, the state offered small cash rewards to farmers who joined a *kolkhoz*, or collective farm but this was largely unsuccessful. When bribes and propaganda did not convince peasants to join the *kolkhoz*, the state turned to violence, forcing rather than enticing farmers into collectives. Authorities in Moscow initially underestimated the strong opposition collectivization projects faced, and for a few weeks in early 1930, peasant farmers actively protested enforced collectivization. At first the state did little, but this tolerance ended in late February, after farmers across the country took their collective objections one step too far and slaughtered their livestock rather than surrender them, as scheduled, to the *kolkhoz*. In response to this slaughter the state intensified its campaign of *dekulakization*, a push to identify and persecute the capitalist elements in agricultural communities. The spring campaigns killed some peasants, arrested others, and disenfranchised and banished entire families to distant provinces (Viola, 1999, p. 71).

---

² Harvard Project on the Soviet Social System. Schedule B. Vol. 24. Case 296 (interviewer K.G.). Widener Library, Harvard University. P. 6–7.

By September of 1930, the dust had settled and the violence had (temporarily) abated. The state was now decisively in charge of most farms across the Soviet Union and the vast majority of these farms were now collectivized. Even so, state power had been distributed unevenly across the land. For example, in the village where George Heikens was sent, Rodomanovo, a few hours outside of Leningrad, collectivization had taken place without much struggle and few households had been disenfranchised through *dekulakization*. In contrast, the village near Rostov where Guy Bush lived had been a central area of peasant resistance and subsequent *dekulakization* and the punitive effects of terror lingered long after his stay. In the years after Bush a quarter of this administrative department would starve in a man-made famine, conceived by Stalin as a follow-up exercise of violence targeted at regions perceived to be antagonistic to collectivization (Danilov, Manning, Viola, 1999).

Above all, while the Soviet state presented collectivization as an orderly and rational way to better utilize land and animal resources, the vast majority of Soviet farmers experienced collectivization as a loss. Few people comprehended the bureaucracy the state put in place, understanding only that a few insiders had attained choice positions in the new government and had a new authority that upset tried and true traditions in rural areas. Insular and isolated villages now hosted a stream of outside officials and experts who passed through to enforce new rules, survey the land, record population statistics and establish non-parochial schools. The same nostalgic Siberian farmer quoted earlier summed up his new life after collectivization in this way: "All the people agree that (collective farmers) work harder than before, and now they don't know who they're working for."³

Collective farmers may not have known for whom they worked, but they certainly recognized the allure of outsiders. Bush and Heikens both noted that they were often treated as celebrities as they went about their daily lives in the rural Soviet Union. Strangers sacrificed their seats in theaters to make sure the men had a view of the stage and gave up their sleeping bunks in railway cars to so that the Americans could sleep in beds on overnight train trips. In rural areas the Americans were not just a spectacle but also a marvel; Heikens noted on his first day in the village of Rodomanovo "I'm like a God around here."⁴ Bush, visiting the town of Kashary in late fall, wrote that "the crowd made it almost unbearable, for they crowded around me until there was hardly breathing room... I have penetrated a community where foreigners are scarce so I am still a novelty."⁵

The knowledge, education and experience with American style farming were skills that experts like Heikens and Bush planned to transfer to Soviet farm workers over the course of their year abroad, but this expectation proved to be naive. American experts who appeared on collective farms across the Soviet Union in 1930 were there to build modern agricultural enterprises, but their audience for these plans made up of collective farmers and collective farm managers, was not necessarily receptive to yet another change in procedure, even if it did come from exotic American outsiders. At the end of their year on the job, both Heikens and Bush left Russia discouraged by their failure to effect change where they had been posted. The experiences of both men show that while they both began their positions with great optimism in their ability to improve the animal farms to which they have been assigned, over the course of just a few months they become disillusioned with this task.

---

³ Harvard Project on the Soviet Social System. Schedule B. Vol. 24. Case 296 (interviewer K.G.). Widener Library, Harvard University. P. 13.

⁴ Letter. George Heikens to Heikens family, August 8, 1930. George Andrew Heikens Papers (1902–1976), Iowa State University Special Collections R/S 21/7/15 Box 1, Folder 5.

⁵ Letter. Guy Bush to Louise Bush, October 20, 1930. Private Collection of Guy Bush Jr.

George Heikens had never left Iowa, much less the United States before he set out in August of 1930. After a journey that took him through New York City and Germany before arriving in Leningrad, Heikens was ultimately, and seemingly randomly assigned to live and work in the village of Rodomanovo, a day's travel from Leningrad. Rodomanovo needed a swine expert, and Heikens fit the bill. Rodomanovo's farmland had been collectivized just a few months earlier, and one of the collective farms worked by the residents of Rodomanovo had been earmarked by the Commissariat of Agriculture to become one of the new model animal farms. Where imported animals would be bred and shipped out to other farms across the country. Heikens wrote proudly to his parents in September of 1930 that "our farm is to be a model one and we are to have anything we want to make it so."⁶ The specialty of the new Rodomanovo model farm, the Commissariat of Agriculture in Moscow had already decided, would be pigs. Never mind that when Heikens arrived neither the private nor the collective farms surrounding Rodomanovo kept many pigs, and those that were available were feral, sickly specimens. The swine trust had already ordered new and better purebred sows from Germany, and these were due to give birth in October. For his first few weeks on Rodomanovo, Heikens' main concern was preparing for the new pigs, and, once they arrived, keeping his new charges alive. His letters home rarely mention the Russian workers he supervised, except to remark upon their astounding inability to perform even the simplest task around the pig barns correctly. Heikens communicated with almost everyone on the farm with the sporadic help of a full time translator. During his time on the farm, he went through four translators; the first three assigned to him disliked living in the village so much that they left after just a few weeks of work.

Compared to George Heikens, Guy Bush was a more experienced traveler and swine expert, but he still found himself at sea once he arrived at his assigned posting, Farm 22, forty miles outside the town of Millerovo in the Rostov region of southern Russia. Bush's hard experience over the winter of 1931 presaged the grim future of famine that the region would experience between 1932–1934, although, as with Heikens, his posting started out optimistically enough. Guy Bush left his infant son and wife in Iowa and took a train East, where he sailed from New York in mid-August. Like Heikens, he stopped briefly in Moscow to meet his new bosses at the Svinovod, or swine trust, and he left again almost immediately for Millerovo. Millerovo was still a sleepy, old-fashioned southern village when Bush arrived. While Collective Farm 22 was planned out as a cutting-edge, 100,000-acre enterprise, its workers still lived in villages reminiscent of the 19th Century. Bush noted that church bells still rang out every morning, that the peasants were skilled craftsmen who sewed their own clothing and thatched their tiny two room cottages with hand harvested straw. Bush noted that the peasants in Millerovo gathered together on nice evenings to sing folk songs and dance together, and every peasant seemed to have the nervous (and to Bush, strange and exotic) habit of nibbling on toasted sunflower seeds at all times of the day.⁷

Guy Bush and George Heikens had known each other slightly before they left Iowa, and they met several times at conferences sponsored by the Svinovod held for the American specialists scattered across the Soviet Union during their year in Russia. They had very similar responses to the work situations they encountered in the Soviet Union, although their material living conditions were quite different from one another. Heikens' farm was relatively prosperous with plenty of good housing available for workers and families, and it had functioned as a

---

⁶Letter. George Heikens to Heikens family, August 8, 1930. George Andrew Heikens Papers (1902–1976), Iowa State University Special Collections R/S 21/7/15 Box 1, Folder 5.

⁷Letter. Guy Bush to Louise Bush, September 16, 1930. Private collection of Guy Bush, Jr.

collective farm for some years prior to the formal collectivization drive of 1929. In addition, the manager of Heikens' farm was an agricultural professional who had come from the local community. In contrast, material conditions on Guy Bush's farm were bleak, and of all the American specialists living in the Soviet Union that year, he was the most isolated, being 40 miles (by horse) from the nearest rail station.

Given these differences, it is surprising to note that both men arrived with optimistic expectations of what they could accomplish in their year abroad. However, they rapidly became disillusioned with the work they were doing. While regional differences mattered, and Heikens' village was much calmer and more prosperous than the remote village in which Guy Bush lived, both men experienced some of the hardships and adjustment pains of collectivization first hand. They both endured harsh living conditions over the winter of 1931, although the lack of food, heating and housing at Bush's Farm 22 in Millerovo was more striking. When Bush was asked by his employer if he would stay on Farm 22 for another year, he wrote "I could only answer that I could not continue under the present living and working conditions. Engineers are treated quite nicely but the agricultural force is looked upon as — (I hardly know what)."⁸ The food situation in 1930 was also difficult. Although both men had access to the best local foodstuffs available — in the fall, Bush was allowed to purchase a sheep carcass which hung outside his bedroom window for the several weeks as he ate it — both complained bitterly at its monotony, especially the lack of fruit and garden produce.⁹ Heikens' mentioned in August of 1930 that "the food here is good, but not as good as it was on the boat (over). Have had rice with milk several times lately."¹⁰ Bush noted that many could hardly be expected to do much hard manual labor over the winter because, "black bread and thin soup is a poor cold-weather diet...the families all in a two-room house (with) little to cook and with conditions as they are, apparently some have lost hope."¹¹ The food and housing shortages around Rostov would only intensify over the next two years.

Both Heikens and Bush were aware of the purges at least tangentially: in fact, they both participated in condemning various managers who they felt were doing poor work, even though they knew that the price of being convicted of wrecking or spoiling a work project was often death or a long term in a labor camp. Bush wrote at the end of November that "I sit here like a little tin god, removing those from office who fail to produce. Often a life is at stake. I can't say that I like it—but there is no pleasure as an American in being connected with a failure so I've started to wade ruthlessly through them to make a showing while I'm here."¹² Bush was not unique in his indifference to the fate of those around him; this pattern holds true for British and American educators touring Leningrad and Moscow, foreign industrialists working in factories, and other agrarian specialists on farms throughout the country.¹³ Heikens and many of his peers were not particularly sympathetic to the Soviet socialism, but they were firm believers in modernization. Their ability to ignore the trauma of affected citizens was the result their own hubris and a strong belief that agricultural industrialization was a form of progress, as well as the state's ability to mask what was going on.

⁸ Letter. Guy Bush to Louise Bush, March 4, 1931. This is quite similar to reports of "Amerikanka" the enclave originally constructed for American engineers at Magnitogorsk. See: (Kotkin, 1995, p. 125–126).

⁹ Letter. Guy Bush to Louise Bush, October 24, 1930.

¹⁰ Letter from George Heikens to Heikens family, August 20, 1930. George Heikens papers, Iowa State University, Box 1, Folder 5.

¹¹ Personal Letter from Guy Bush to Louise Bush, December 21, 1930.

¹² Letter. Guy Bush to Louise Bush, November 24, 1930.

¹³ Cf. the experience of Samuel Harper in the Soviet Union in 1926 in: (Engerman, 2003, p. 129–132).

Rodomanovo remained a terror-free archipelago during Heikens' year on the farm, and because he was ignorant to the violence unfolding in other parts of the country, Heikens settled in to life on Rodomanovo quickly, but eventually grew frustrated with the managers with whom he worked. Like Bush, Heikens experience a brief honeymoon period where he was cautiously optimistic that he would be able to make positive changes and to work with the managers of the farm. Heikens approached the job with an air of competency and confidence, often noting, with probably accuracy if not humility that he knew quite a bit more about pigs than anyone on site. "there is an unlimited opportunity for me to help here They need our experience very much and certainly need more livestock, he wrote, from his orientation site in Moscow in early August of 1930."¹⁴ In his first day at Rodomanovo he wrote home "the managers do not know much about hogs if you ask me."¹⁵

After one month on the job, Heikens was asked to make recommendations for site improvements to the director of the farm. His suggestions were based on his previous experiences as well as the knowledge he had acquired from his time at Iowa State and as a member of professional farming organizations. They were wide ranging but essentially called for a complete overhaul of operations in order to bring them in line with what he knew would work on an Iowa farm. Food, housing, farrowing and general animal management were lacking on Rodomanovo. Pigs needed to receive dry rations with less fiber Heikens noted, not wet food—and certainly not steamed potatoes, which the pigs were being given daily at that point. Adult pigs should have rings threaded through their noses to curb rooting, and they should be let out onto fenced pastures, which would allow the farm to dismiss the 24 swineherds employed by the farm. New piglets should not have their milk teeth cut out, which led to infections, but they should be castrated earlier, weaned earlier and their ears should either be notched or tattooed with a unique identifying number at five days of age. Every building at Rodomanovo needed a new wooden, sloped floor to replace the earth floors of the barns and outbuildings, the roofs leaked and needed repairs and the new ventilation system was not effective.¹⁶ It is easy to see why these suggestions for expensive and wide-ranging improvements could be resented by managers on the farm, as they called into question almost every policy and routine that had previously been established. They were also delivered by "experts" who had more theoretical knowledge than experience, and who did not have much of an appreciation for the costs or other hardships that might be associated with the improvements they recommended (Fitzgerald, 1996). Nevertheless, at this early stage managers and Swine Trust officials agreed that Heikens suggestions were necessary and tentatively approved every single one of them.

Naïve and occasionally condescending in his communications to officials of the Swine Trust, Heikens' letters also reveal an adaptable and even-tempered man intent on doing the job he was hired for as efficiently as possible. Heikens noted that he was disappointed to learn that Rodomanovo had forty pigs due to give birth in the frigid months of December and January, a dangerous proposition on even a well-established farm, but Rodomanovo did not have a single heated barn. However, Heikens did not waste time complaining about the poor planning that created such a situation but instead pushed to prepare at least one heated building for their arrival. Over half these winter-born piglets ultimately died die from diarrhea and skin diseases brought on by malnutrition, a terrible return on a major investment.

¹⁴ Letter. George Heikens to Heikens family August 4, 1930. George Heikens Papers Iowa State University Special Collections. Box 1, Folder 5.

¹⁵ Letter. George Heikens to Heikens Family, September/October, 1930.

¹⁶ "Protocol of the Deliberation at Rodomanovo State Commercial Hog's Breeding Farm" August 23, 1930, George Heikens Papers, Box 1, Folder 16, Iowa State University Special Collections.

The early demands Heikens made strained the budget and the abilities of Rodomanovo's staff. Although the central office of the Swine Trust was essentially on board with Heikens' proposed overhaul of the farm in order to tailor it to the full time large-scale production of pigs, one of their problems was trying to decide where to start this work. At first, there was an ambitious attempt to honor Heikens' many requests. In his words, "they are building (sty separating) gates to my drawings. Make them exactly like the drawings and even noticed where I had not drawn in the nails on several boards. I believe gates will be lots better than their bars they have now."¹⁷ The manure pile in front of the main pig barn Heikens had objected to for sanitary reasons was relocated to a far corner lot, the windows of the birthing sheds were glazed to insulate them and allow light in. After careful consideration, the managers above Heikens decided they could not change the feed for all the pigs, but pregnant sows and piglets received a revised feeding plan that included more dry food and less wet food. Lastly, the farm director wrote to Moscow, asking if the pigs should have their ears notched or tattooed, and received the reply that "we cannot give you any stable instructions, this subject being worked up by the Board, the results will be immediately communicated to you."¹⁸

Heikens did not come into direct conflict with management until December, when the fodder and bedding supply deteriorated due in part to pilfering by workers who had little access to these necessities for their privately owned livestock. The collective farm's animal population grew due to both births and new arrivals, and the new pigs added stress to operations. By late November, a population of 300 pigs had grown to 1,200 and Rodomanovo was clearly overwhelmed. And this time it was not the management, but the unruly nature of the pigs that stymied progress. The health of the herd was of particular concern. Skin diseases and gastrointestinal disorders weakened the pigs, killing off many of the new piglets. In early January, against Heikens' orders, workers fed a group of pregnant sows alcoholic malt which caused nine of them to abort their litters and another five to farrow a week early, resulting in the deaths of almost all of their offspring.¹⁹ During this early winter scene of death, Heikens was frustrated by the incompetence of his workers as well as the isolation of his post. Heikens wrote home to his parents "I have to do lots of little things which cheap help could just as well do if they knew how" and "the workmen here know absolutely nothing about hogs, they can't drive one 10 feet." "If I wasn't so busy, this would be a lonely place. There are no movies, nothing to read and no one to talk to."²⁰

Guy Bush on Farm 22 in Rostov experienced many of these same frustrations, often from the same causes that so upset Heikens. Bush complained to his wife and family about the poor and incompetent management on his farm, but it was the health of the pigs and their untimely deaths that delivered the most crushing defeats to his work. Diseases were varied, acute and seemingly insurmountable. At his arrival, Bush had noted that cholera was endemic to the herd.²¹ During the cold winter, the smallest pigs succumbed to pneumonia and "scours" or serious diarrhea. In the early spring the poor feed regime that included little in the way of vitamins meant that growing pigs became severely malnourished and got rickets, a disease caused by a lack of Vitamin D.

¹⁷ Letter. George Heikens to Heikens Family, October 20, 1930. George Andrew Heikens Papers (1902–1976), Iowa State University Special Collections R/S 21/7/15 Box 1, Folder 5.

¹⁸ Letter. Swine Trust to George Heikens. A final decision was not handed down on ear notching until the mid 1950s.

¹⁹ George Heikens to swine Trust, January 15, 1930. George Andrew Heikens Papers (1902–1976), Iowa State University Special Collections R/S 21/7/15 Box 1, Folder 3.

²⁰ George Heikens to Heikens Family, personal correspondence. January, 1931. George Heikens Papers, Iowa State University Special Collections, Box 1, Folder 5.

²¹ Guy Bush to Louise Bush, September 20, 1930.

Complaints about Soviet ignorance in feeding practices for modern farms was a constant refrain in Bush's letters: he was initially promised one hundred tons of soybeans for his new hogs, but when he went to pick up the feed, what was offered was actually only 4 ½ tons of woody stems from soybean plants that had been processed for human food. "It is an illustration of how little they know about their own organization." Bush wrote home, clearly frustrated by this change in plans.²² "I am doing considerable manual labor, not that it is necessary, but I find it is the only way to train the workers. They do not know anything about the minor details in caring for swine. There is a terrible waste of labor, which must be eliminated."²³ Especially noteworthy in these lines is how closely Bush's words echo the stereotypical criticisms of Soviet leaders at this time as they railed against ignorance, apathy and inefficiency on the collective farm.

Although by April the pigs at Rodomanovo had stopped dying, Heikens' faith in his ability to improve the farm never returned. In spring, his letters home noted that there was no attitude of cooperation or compliance with his orders. The workers were still incompetent, but by April they were surly toward both Heikens and the work. Heikens complained that "I have to watch the workmen pretty closely, they sometimes forget to feed a whole group of hogs and never put enough straw in the pews if no one is watching" and "every fourth day" he must completely explain their jobs again, as they seemed to forget the routines. Once Heikens had become familiar with the organization of the farm, he also echoed the Soviet bureaucrat's refrain that Bush picked up, noting that "the place is in a state of disorganization all the time." The spring brought increased death to the herds of pigs Heikens managed, which also meant increased surveillance by outside engineers and officials. Heikens was less circumspect in his communications with his superiors about such visits, he wrote "I feel that regular inspection is necessary, but...I do not like to have people tell me that ours is the worst farm in Russia and that the imported sows are doing fine on other places when I know of several farms where not all is smooth sailing."²⁴ Although none of the many visitors to Heikens' farm in the spring of 1931 blamed him directly for Rodomanovo's failure to meet the high expectations of production that had been set by Moscow, criticism was implicit in the sheer volume of outside evaluations the farm received, something Heikens perceived when he wrote to his supervisors that "we had visits from very many engineers, journalists, veterinarians and general inspectors, all of whom criticized freely"²⁵.

Heikens also had an increasingly difficult relationship with the head manager of the swine department, an Alexander Kotoff, who had originally supported Heikens' work. While this was the director Heikens judged to "not know anything about hog farming" the two seemingly had a good rapport in the fall, with Heikens arranging for Kotoff to order a hunting rifle he had seen in the Sears Roebuck catalog Heikens had with him, and the two walking together on nice Sunday afternoons throughout the autumn. By early April, however, Heikens was driven to formally complain about Kotoff as a bad manager. To quote from one letter he wrote to the Swine trust. "I explained to Mr Kotoff many times...that I am very particular about the system of feeding sows at farrowing... and he saw it in use at (another collective farm) but disregarded it and did not tell the workmen to feed differently... Results: a greater chance of having scoured pigs..."²⁶

²² Guy Bush to Louise Bush, December 14, 1930.

²³ Guy Bush to Louise Bush, November 24, 1930.

²⁴ George Heikens to the Swine Trust, April 4, 1931 George Andrew Heikens Papers (1902–1976), Iowa State University Special Collections R/S 21/7/15 Box 1, Folder 8.

²⁵ Ibid.

²⁶ Letter. George Heikens to the Swine Trust, April 4, 1930. George Andrew Heikens Papers (1902–1976), Iowa State University Special Collections R/S 21/7/15 Box 1, Folder 1.

Heikens' willingness to point fingers at others echoes Bush's opinion that poor management was central to the failures the farm was experiencing.

George Heikens was also recruited to formally educate the workers on the farm by giving evening lectures two or three evenings a week during the winter months. He had done this work before in Iowa. By this point in his work in Russia, Heikens was less than optimistic about his ability to make a positive difference in the work environment of the farm. He wrote to his parents in February, "Don't know if (the lectures) help much or not. Sometimes I think the workmen will never understand hogs. They throw in some feed and walk off."²⁷ His frustrations were directed both at the low level of education the workers had and at their unwillingness to learn new skills or to put out much labor to help modernize a farm that, in Heikens' opinion, desperately needed many kinds of updates. In March Heikens was reassigned to a purebred stock farm closer to Moscow, a change he welcomed, in part because it entailed less responsibility and contact with untrained workers, and in part because the spring mud of Rodomanovo was becoming oppressive.²⁸

Heikens noted when he arrived at his new farm that "there are about half as many hogs here...so it is lots easier. I do not have enough to do in fact."²⁹ He enjoyed being closer to Moscow, which was accessible by a commuter train, and he was excited to be just down the river from a cement factory where four Americans and a German engineer were also employed as foreign experts. This meant he had people with whom he could talk without needing an interpreter. Although the Soviet government offered to double his salary, Heikens did not wish to stay, deciding instead to go home in August when his contract expired, and by October of 1931, he was back to farming his family's farm in Spencer, Iowa.

Bush and Heikens made little impact as foreign experts on the improvement of the Soviet Union's swine population during the 1930–1931 seasons. There were not significantly more pigs by 1932 than there had been in 1931 or 1930. Heikens, Bush and presumably their American colleagues and skilled Soviet counterparts all arrived in the countryside and set about their work with great optimism and a good set of qualifications, but their experiences soured quickly. The high salary and the privileges that were granted to foreign workers by the state, such as better food, access to train tickets and better housing were not enough to outweigh the frustrations of working in these early animal farms. Heikens and Bush both expressed great relief at leaving the country when their contracts were up. Although their postings were thousands of miles apart, Bush and Heikens encountered similar sticking points in the animal farms where they worked. These included continuous frustration with the management and uncertainty about how and when their work or the work of those they supervised would be evaluated. Finally, the persistence of a high mortality rate among the animals they cared for eroded morale and ruined the growth and progress of the farm that the Soviet Union was so keen to chart.

During the year Bush and Heikens were in the Soviet Union, the focus of Soviet national agricultural policy was twofold: first, to produce as much grain as possible. This was not in order to increase the amount of food available to Soviet citizens, but instead was intended to fulfill sales obligations the Soviet Union had already made over the summer of 1930. As the price of wheat collapsed on the world market after the stock market crash, the Soviet Union had sold advance contracts on wheat, promising parts of the 1930 and 1931 fall harvests to fulfill these sales. The state had to produce a bumper crop of grain, as these amounts were essentially owed to the world market. In most cases the revenue generated from advanced sales had already been

²⁷ Letter. George Heikens to Heikens family. February 16, 1930. *Ibid.* Folder 5.

²⁸ Letter. George Heikens to Heikens family, March 16 1930. *Ibid.*

²⁹ Letter. George Heikens to Heikens family, April 14, 1931. *Ibid.*

spent in order to obtain gold, with which the Soviet government could then purchase heavy industrial supplies such as tractors and steel.³⁰

The second focus of Soviet agriculture was animals, and it was this priority that Bush and Heikens experienced firsthand and ultimately judged to be a failure. In order to thrive and multiply, animal farms needed to be managed in a way that could accurately measure and control their productivity, but also the animals themselves needed to be controlled. The well-managed sheep, pig, cow or horse circa 1930 in the Soviet Union required an abundant and well-planned diet, access to competent veterinary care and relative freedom from the harsher elements of the environment. To Bush and Heikens' growing frustration, animal farms in the Soviet Union were not able to offer any of these necessities to their charges. And as a result, Soviet animals remained pre-industrial, continually under-performing their state planned progress.

In some ways, pigs make excellent industrial animals because they respond so well to relatively minor changes in their diet, housing and hygiene. Increasing the protein in a pig's diet by just a few percentage points corresponds with an improved feed-to weight ratio, for example. And while pigs are naturally sickly, prone to cholera, scours, pneumonia and bacterial infections, they are relatively easy to keep alive if they can be kept indoors and away from cold air for the first few weeks of their lives. However, while these modifications sound straightforward and low-cost, they proved nearly impossible for first-generation Soviet collective pig farmers to implement, even with the help of over-confident American experts.

For example, the ten villages that made up Bush's model collective farm, one of the largest in the whole Soviet Union, supported only a few thousand workers in 1930 but was intended to host 20,000 hogs as well as a thousand head of cattle. It is unclear whether anyone running either Bush's farm or Heikens's farm understood enough about raising animals to recognize that industrial farm operations could not rely on grass and hay to feed these new animals. At one point, Bush's manager suggested that new animals be fed straw (which was inedible) to make up for shortcomings in the diet. Bush noted early in his stay "farm feeds vary a great deal...and they have not as yet appreciated the value of some of the necessary feeds to properly produce swine." Later he complained "I have no proteins like milk, meat meal or fish meal to work with. There is no alfalfa either."³¹ Bush himself, as the most privileged eater on the farm had only sporadic access to milk and meat, the Soviet Union had none of these products to spare to feed the animals it planned to raise.

Farm managers struggled with an appropriate response to such failures, often overreacting or responding in ineffective ways. Guy Bush recognized before pigs ever arrived on his farm that the sheds that would house them were placed too close together and disease would spread quickly among infected populations. As Bush predicted, this happened in the early winter, but when it did happen, Soviet authorities were intent to single out scapegoats to blame the incident on. On Bush's farm, the blame fell on "a poor old veterinarian who I had esteemed up to now, has been one of the few honest people with whom I work...he is accused of hindering the development of a government project. If the accusations are true, he will pay with his life...the present system here has developed some crafty 'blamers'. The better they can blame or transfer responsibility to the other fellow when things go wrong the better job they hold."³²

Housing for animals became another point of contention on both farms, and again, these struggles point toward a rigid set of requirements built into the nature of pigs that the Soviet

³⁰ For the initial decision, taken by the politburo in 1925, see: (Woodruff, 2008, p. 201, 204).

³¹ Personal Letter from Guy Bush to Louise Bush, October 12, 1930.

³² Letter. Guy Bush to Louise Bush, November 17, 1930.

material reality in 1930 simply could not meet. On both farms, planners assumed that by building entirely new outbuildings for animals, these buildings would be modern, hygienic, and would be able to house the huge influx of new animals. In all instances they were mistaken. On Bush's farm, animals were supposed to be kept indoors all winter. This had originally been the plan on Heikens's farm as well, but after his protest, this plan was changed. In part, exercising pigs during the long winter kept their strength up. It also exposed them to sunlight, which helped them manufacture Vitamin D, the lack of which damaged their immune system. The houses were also too drafty on Heikens's farm, with no glass in the windows to shelter younger pigs from the brutal northern winter, and on Bush's farm, the houses were placed too close together.³³ In both cases, regional authorities provided materials and supplies for constructing new buildings while overlooking important details that would later make the difference between the success and failure of the project overall. Fences were not common at this time, and the Soviet Union saw no need for enclosed pens, since there were plenty of workers who could work as herders.³⁴ However, the lack of fences meant that male and female animals were hard to keep separate from one another, and it was also hard to keep young, vulnerable pigs apart from the adults. In a pre-industrial system, fences are not necessary features; since different populations of swine rarely need to be isolated from one another. However, generally speaking, industrial hog production is centered on the notion of isolation, not simply to limit procreation but also to prevent the spread of disease. Heikens' main complaint about the farm at Rodomanovo was "they are putting too many hogs together in large herds to suit me. I believe they are heading for trouble in their hog farms...They won't take our advice at all when it is against a plan of the government, they just figure the government is always right".³⁵

In some ways, the Soviet Union's experiences creating animal farms were less anomalous than those of the United States, a country that had industrialized both its fields and its barns in less than a generation. Guy Bush and George Heikens were both, at times, appalled by the primitive conditions of the farms on which they worked, but both men were the products of an economic system and an environmental milieu that made industrializing easy.

American successes at raising hogs and cattle were built upon the relatively temperate climate, cheap land and free water that were available to farmers in the United States. Alfalfa, an ideal animal feed, grew abundantly, and once farm machines like tractors and combine harvesters helped overcome the chronic labor shortages that had plagued 19th Century agricultural expansion, the result had been an explosion in productivity. Many American farmers chose to increase the value of their grain and fallow fields by fattening up livestock and by the turn of the 20th Century, Americans ate more meat and drank more milk than citizens of any other nation. Exporting this model was not especially practical.

The Soviet Union's more marginal environment did not lend itself to surplus grain production. Although alfalfa later became an important crop for Soviet cows, in 1930 it was still a novelty. Guy Bush repeatedly requested alfalfa, but there was none to be had for Millerovo in the spring of 1931. Likewise, the Soviet Union had a very different labor situation from the

---

³³ Maurice Hindus notes the same cramped barn layout and lack of glass (due to cost) on farms in 1931: (Hindus, 1988, p. 20, 232).

³⁴ Guy Bush to Louise Bush, October 12, 1930. See also Heikens' photograph of two swineherds at work. George Andrew Heikens Papers (1902–1976), Iowa State University Special Collections R/S 21/7/15 Box 1, Folder 8.

³⁵ Letter. George Heikens to Heikens family, April 10, 1930. George Andrew Heikens Papers (1902–1976), Iowa State University Special Collections R/S 21/7/15 Box 1, Folder 5.

United States; a primary concern in the Soviet Union was ensuring that collective farms were able to offer employment to all *kolkhoz* members who wished to work. This resulted in preserving a work category like that of swineherd. Because of this labor surplus, well into mid-century, Soviet agriculture maintained a pre-modern feel. Twenty five years after Guy Bush and George Heikens arrived in the Soviet Union, an American official viewing a new mechanized industrial pig farm in 1955 remarked on how non-industrial the operation looked. "It did not appear to be a highly efficient organization. The mechanized or automated operations, such as the preparation of hog feed, were eclipsed by the amount of hand labor which both preceded and followed the mechanized portion."³⁶ From the time of collectivization until the end of the Soviet period, there was a tension between the Soviet Union's much-celebrated dream of total mechanization and automation, and the reality that, in agricultural settings, replacing human labor with machines was not always economically or politically the best option for agricultural policy.

The American experts recognized this disconnect between the dreams of the Soviet Union and the reality as it played out on the ground, although through their eyes these discrepancies most often looked like failures or proof that Soviet farms were enduringly backward locations, in spite of their attempts to modernize. In a letter home in August of 1931, Guy Bush described the frustration felt by Americans toward the increasingly impractical plans for animal farm expansions the Soviet Union had. At one swine specialist's conference in the spring Bush and others were presented with a description of the hog farms that would be built during the new second Five Year Plan. "The second five-year plan calls for massive buildings housing 5000 or more swine each. The one proposed was ½ mile long, two stories high and the pigs were to be fed from conveyor belts...The project was so different that one of the Americans in a satirical mood designed a four-story hog house. The roof was to be used as an exercise lot for sows. Each floor was to have a trap door that would automatically drop a hog to the lower floor when it reached a certain weight until eventually it came out as sausage. In the mechanism the exercising sows were furnishing power to operate the sausage mill. Needless to say the latter project was not presented but of course was widely discussed by the four of us in attendance — especially after a little liquid encouragement"³⁷. In these after-hours discussions, Americans joked privately about the Soviet plan's over-automation and massive scale.

These two naïve Americans were not the only experts to have noticed these kinds of impracticalities. These were the same flaws that Nikolai Bukharin, Alexei Rykov and other prominent members of the Politburo had originally identified in the first Five Year Plan. American criticisms of Soviet plans were often made privately, in letters home or, as Guy Bush notes, informally among friends. 1931 was not the year for vigorous public debate on the relative strengths and weaknesses of the Central Committee's Five Year Plans. Nevertheless, these critiques have endured and it is worth revisiting the candid, if flawed assessments of some of the only foreigners to witness the aftermath of collectivization and the surge of activity that surrounded the first Five Year Plan. These accounts give historians insight into the failures and frustrations of early collectivization as well as the ways in which unexpected, biotic factors such as disease and nutrition had a tremendous influence on industrial farming in the Soviet Union, completely limiting its progress and stifling the growth of the agricultural sector until well after the Second World War.

---

³⁶ NARA RG 166 Records of the Foreign Agricultural Service Narrative Reports 1955–1961. Doc: "visits to soviet agricultural installations: November 15, 1961 Folder: Agriculture.

³⁷ Letter. Guy Bush to his Louise Bush, August 9, 1931. Personal Collection, Guy Bush, Jr.

Literature

- Dalrymple D.* The American Tractor Comes to Soviet Agriculture: The Transfer of a Technology // Technology and Culture. 1964. Vol. 5. № 2. P. 191–214.
- Danilov V. P., Manning R., Viola L.* Tragediia sovetskoi derevni: Kollektivizatsiia i raskulachivanie. Dokumenty i materialy, 1927–1939 [The Tragedy of the Soviet Countryside: Collectivization and Dekulakization. Documents and Materials, 1927–1939]. Vol. 4. Moscow: Rosspen, 1999. 1056 p.
- Davies R.W.* The Soviet Collective Farm, 1929–1930. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1980. 216 p.
- Engerman D.* Modernization from the Other Shore: American Intellectuals and the Romance of Russian Development. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2003. 399 p.
- Fitzgerald D.* Blinded by Technology: American Agriculture in the Soviet Union, 1928–1932 // Agricultural History. 1996. Vol. 70. № 3. P. 459–486.
- Fitzgerald D.* Every Farm a Factory: the Industrial Ideal in American Agriculture. New Haven: Yale University Press, 2003. 242 p.
- Gregory P. R., Naimark N.M.* The Lost Politburo Transcripts: from Collective Rule to Stalin's Dictatorship. New Haven: Yale University Press, 2008. 271 p.
- Hindus M.G.* Red Bread: Collectivization in a Russian Village. Bloomington: Indiana University Press, 1988. 372 p.
- Kotkin S.* Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley: University of California Press, 1995. 639 p.
- Lewin M.* The Disappearance of Planning in the Plan // Slavic Review. 1973. Vol. 32. № 2. P. 271–287.
- Medvedev Zh. A.* Soviet Agriculture. New York: W.W. Norton and Company, 1987. XI, 464 p.
- Viola L.* Peasant Rebels under Stalin Collectivization and the Culture of Peasant Resistance. Oxford: Oxford University Press, 1999. 325 p.
- Woodruff D.* The Politburo on Gold, Industrialization, and the International Economy, 1925–1926 // The Lost Politburo Transcripts: from Collective Rule to Stalin's Dictatorship / P.R. Gregory and N.M. Naimark. New Haven: Yale University Press, 2008. P. 199–223.

Улучшая социалистических животных: американские эксперты о коллективизации

ДЖЕННИ Л. СМИТ

Технологический институт штата Джорджия, Атланта, США; jenny.smith.gatech@gmail.com

На основании писем и воспоминаний двух американских экспертов по разведению свиней, приглашённых в советские колхозы в 1930–1931 гг., в статье рассматривается разрыв между амбициями политиков и экономистов первой пятилетки, создававших новые колхозы, и реальными сложностями. Эти свидетельства дают историкам представления о неудачах и разочарованиях ранней коллективизации, а также проблемах, с которыми неожиданно столкнулись создатели индустриального животноводства. Биотические факторы, такие как болезни и особенности питания при содержании на больших фермах, оказали огромное влияние на развитие промышленного сельского хозяйства в Советском Союзе, ограничивая его прогресс и рост.

Ключевые слова: коллективизация, индустриальное животноводство, американские специалисты.

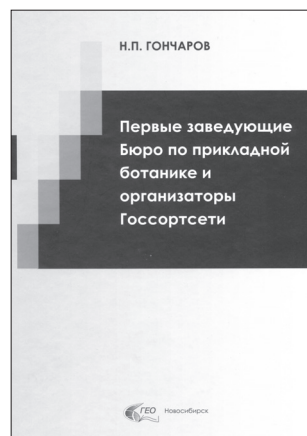
РЕЦЕНЗИИ И АННОТАЦИИ

О прошлом прикладной ботаники

К.В. МАННОЙЛЕНКО

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН, Санкт-Петербург, Россия; ihst@ihst.nw.ru

1894 год стал знаковым для развития отечественной ботаники в плане её взаимодействия с сельским хозяйством. В этом году при Учёном комитете Министерства земледелия и государственных имуществ было основано Бюро по прикладной ботанике. Это событие произошло благодаря стараниям известного учёного А.Ф. Баталина (1847–1896). Заметим, что истоки этого прогрессивного начинания уходили к концу семидесятых годов XIX в. Тогда, в 1877 г. при Императорском ботаническом саду в Санкт-Петербурге была открыта первая в России контрольная семенная станция, организатором которой и выступил Баталин. Он дал импульс развитию семеноводческого дела в России, одним из первых развернул целенаправленную работу по изучению сортового разнообразия гречихи, проса, риса, льна и других полезных растений, выяснению их распространения.

Эти работы, как и основание Станции для испытания семян, тесно увязаны с учреждением Бюро по прикладной ботанике. Бюро сыграло выдающуюся роль в деле познания биологического разнообразия культурных растений. Истории создания Бюро по прикладной ботанике, деятельности её первых заведующих и посвящена рецензируемая книга¹ профессора Николая Петровича Гончарова, специалиста в области генетики пшениц, активно выступающего также на поприще истории селекции и прикладной ботаники.

¹ *Гончаров Н.П.* Первые заведующие Бюро по прикладной ботанике и организаторы Госсортсети. Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2009. 212 с.

Выход в свет книги «Первые заведующие Бюро по прикладной ботанике и организаторы Госсортсети» следует всемерно приветствовать. Через осмысление прошлого науки, на основе документов, исследовательских программ и мировоззренческих установок автор по сути обращается к будущему, адресуя свой труд грядущим поколениям учёных.

Книга состоит из двух разделов. Первый освещает работу заведующих Бюро по прикладной ботанике. Это пять человек — А.Ф. Баталин, А.А. Фишер фон Вальдгейм, И.П. Бородин, Р.Э. Регель, Н.И. Вавилов. Именно эти учёные внесли неоценимый вклад в становление и развитие прикладной ботаники. Благодаря их знаниям и усилиям Бюро по прикладной ботанике превратилось в крупнейший научный центр мирового значения. Ныне это Всероссийский научно-исследовательский институт растениеводства им. Н.И. Вавилова РАСХН. Книга Н.П. Гончарова носит системный характер. Она даёт представление о научной и организационной деятельности учёных, проложивших пути к формированию прикладной ботаники, созданию коллекций возделываемых растений.

Раздел, посвященный заведующим бюро, охватывает около 50 лет — с конца XIX в. почти до начала Великой Отечественной войны. Галерею заведующих открывает А.Ф. Баталин. Его период заведования продолжался всего два года (1894—1896). Далее следовали А.А. Фишер фон Вальдгейм (1896—1898); И.П. Бородин (1898—1904); Р.Э. Регель (1904—1920); Н.И. Вавилов (1920—1940). У каждого из этих учёных была своя научная судьба. Каждый из них работал в пределах тех условий и возможностей, которые открывала перед ним историческая эпоха. Однако, при всех различиях жизни, их объединяли общие идеи, твёрдая убежденность в актуальности поставленных задач. Они исследовали природу культурных растений, определяли их сортовое разнообразие и происхождение, выясняли особенности процессов жизнедеятельности изучаемых объектов в конкретной среде их обитания.

Оценивая работу первых заведующих, автор книги обращает мысль читателей на преодоленные ими трудности организационного характера, прослеживает решение вопросов, связанных с финансированием.

Н.П. Гончаров поднимает вопрос о степени участия И.П. Бородина в развитии прикладной ботаники в России. В отличие от своего предшественника по Бюро А.Ф. Баталина, И.П. Бородин специально не занимался культурной флорой. Его усилия на посту руководителя Бюро в течение пяти лет ограничивались справочной работой, ответами на поступающие в Бюро запросы. Тем не менее при отсутствии финансирования, огромной занятости педагогической и научной работой он начал сбор образцов ячменя, возделываемого в России и привлёк к этой работе Р.Э. Регеля. Научный авторитет позволил Бородину продолжить начинания А.Ф. Баталина и А.А. Фишера фон Вальдгейма, привлечь к бюро внимание сельских хозяев, вовлечь в исследовательскую работу некоторых из своих учеников, в частности В.Н. Любименко.

Центральное место в книге занимает очерк о Н.И. Вавилове (1887—1943). Н.П. Гончаров отошёл от традиционного подхода к рассмотрению итогов научного творчества Вавилова, увязанного с периодами его жизни — московским, саратовским, петроградским, ленинградским. Автор книги сделал акцент на результатах многочисленных экспедиций Н.И. Вавилова, провёл тщательный анализ его исследований, направленных на изучение центров происхождения возделываемых растений, рассмотрел отклики и суждения современников о концепции Вавилова. Представленные в книге материалы о выдающемся учёном и организаторе науки уточняют и дополняют представления об истинности его научного подвига, показывают вклад в развитие бюро.

Автором очерчены преемственность и новации в этой работе, постановка новых задач, обращённых к селекции.

В книге нашли освещение трагические страницы биографии Вавилова, их корни и причины. Н.П. Гончаров также не мог не заострить внимание на судьбе вавиловской коллекции, частично вывезенной в Германию в годы Великой Отечественной войны.

Второй раздел книги включает данные о работе организаторов Госсортсети. Обоснованно и аргументированно выводятся из забвения имена крупнейших деятелей растениеводческой науки — В.В. Таланова и В.Е. Писарева. С использованием новых архивных материалов описана их роль в создании системы Госсортсети.

Очень полезна справочная часть рецензируемой работы — каждый очерк (кроме посвящённого Вавилу) снабжен хронологическим указателем опубликованных трудов и рукописей², для Таланова и Писарева приведён список авторских свидетельств, выданных на созданные ими сорта.

Хочется надеяться, что публикация книги Гончарова «Первые заведующие Бюро по прикладной ботанике и организаторы Госсортсети» вызовет резонанс не только в среде историков науки, но главное — в среде тех, кто сегодня реально работает в области прикладной ботаники. В этой связи уместно напутствие И.П. Бородина: важно, чтобы «ярко горели по-прежнему и светили демократической массе факелы аристократов ума, знания и таланта»³.

Энциклопедия по истории биологии в Санкт-Петербурге

Я.М. ГАЛЛ

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН, Санкт-Петербург, Россия;
yasha@jg7549.spb.edu

Интерес к энциклопедическим изданиям всегда огромен. Хорошие словари и энциклопедии — это постоянный спутник любого культурного человека.

Рецензируемое издание⁴ в полном смысле слова уникально. В одной книге читатель получает информацию о биологах и биологических институтах, научных обществах, изданиях за 300 лет существования города⁵. Как пишет во вступительной статье ответственный редактор издания Э.И. Колчинский, «хотя справочник посвящен ученым и учреждениям Санкт-Петербурга, он отражает огромный пласт исследований и в других районах страны» (с. 15). Действительно, читатель получает издание общекультурного и общесоциального

² Некоторые из указателей составлены в соавторстве с И.В. Котелкиной (ВИР, Санкт-Петербург).

³ *Бородин И.П.* Андрей Сергеевич Фаминцын // Журнал Русского ботанического общества. 1919. Т. 4. № 1/4. С. 148.

⁴ Биология в Санкт-Петербурге. 1703–2008 : энциклопедический словарь / отв. ред. Э.И. Колчинский; сост.: Э.И. Колчинский, А.А. Федотова. СПб.: Нестор-История, 2011. 566 с.

⁵ Справочник состоит из более чем 1650 статей, написанных 156 историками и биологами.

значения. Многие биологи и специалисты смежных специальностей из-за репрессий, революций и войн оставались совершенно забытыми. И вдруг они буквально оживают на страницах энциклопедии. Не следует забывать, что Санкт-Петербург в течение более чем двух столетий был столицей Российской империи и научная жизнь в нем протекала интенсивнее и разнообразнее, чем в любом другом городе страны.

Обычные справочники, посвящённые учёным, охватывают довольно узкий профиль, и в них редко затрагивается история институализации науки. Настоящий энциклопедический словарь столь многогранен, что дает много информации и по социальной истории науки. В силу того, что в справочнике представлены не только биологи, но и учёные смежных специальностей (почвоведы, агрономы, медики и т. д.), он является справочником по истории науки о жизни в широком смысле слова.

Статьи, посвящённые учёным, построены по единому принципу. Сначала излагается краткая биография, описывающая образование и карьеру с упоминанием наиболее важных должностей и постов, причём значительная часть информации проверена по первичным источникам. Во второй части статей изложен основной вклад исследователя в науку. Приводятся ссылки на оригинальные работы, литературу о его деятельности и архивные документы. Любой специалист смело может пользоваться информацией энциклопедии для своих исследований. Важно и то, что в справочнике использована система перекрестных ссылок — фамилии учёных и названия учреждений, о которых написаны специальные очерки в данном издании, выделены курсивом. Читатель сразу же получает надёжный ориентир, экономит время и имеет возможность создать более полную картину.

Во вступительной статье Э.И. Колчинского хорошо показан вклад Академии наук в развитие биологии в стране. Ведь до 1934 г. Академия наук находилась в Петербурге—Ленинграде. Однако не менее важным является и тот факт, что здесь находились и правительственные учреждения. Составители и авторы справочника уделили немало внимания тем структурам, которые не часто получали отражение в историко-научных работах, к примеру, под эгидой сельскохозяйственного ведомства.

Издание такого ранга — крупное событие в научной и культурной жизни не только Санкт-Петербурга, но и всей страны. Безусловно, этим изданием будут пользоваться учёные, историки, социологи науки, которых интересует не только их локальная, но и мировая история науки. Нужно отдать долг благодарности всем тем, кто взял на себя огромный труд по созданию такого многогранного и действительно уникального издания.

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

«В этих местах я единственный ботанофил»: Вторая Демидовская конференция «Демидовские встречи»

В.К. ШТИБЕН, Е.В. СМЕРНОВ

Соликамский государственный педагогический институт, Соликамск, Россия:
spksol@mail.ru

Семья промышленников Петровской эпохи Демидовых хорошо известна историкам науки благодаря вкладу третьего поколения — братьев Прокофия, Никиты и Григория — в развитие отечественной науки и техники. Кроме понятной для заводчиков-металлургов поддержки инноваций в области инженерного дела (медаль, учреждённая Н. Демидовым «За успехи в механике»), Демидовы оставили заметный след в истории ботаники. Знаменитый П.С. Паллас назвал новый род растений *Demidovia* в честь Прокофия Демидова, основавшего во второй половине XVIII в. крупнейший в Европе частный ботанический сад в подмосковном Нескучном. Любитель ботаники, корреспондент К. Линнея, Григорий Демидов до последнего времени оставался в тени своего старшего брата.

Созданная несколько лет назад в «соляной столице России» г. Соликамске (Пермский край) общественная организация «Соликамский Демидовский клуб» поставила своей целью восполнение пробелов в демидоведении, начав реализацию историко-биографического и мемориального проекта «Григорий Демидов. XXI век». 27 августа 2010 г. состоялась первая конференция «Демидовские встречи». Она прошла под лозунгом «Диалог культур: Россия—Швеция». Основное внимание уделялось научным связям семьи Демидовых с К. Линнеем. В рамках конференции была инициирована научно-просветительская программа «Ботанические сады 59^о», установившая контакты между садом Упсальского университета и мемориальным ботаническим садом Г. Демидова¹ в Соликамске.

---

¹ Мемориальный сад Г. Демидова был создан в Соликамске садоводом-энтузиастом А.М. Калинин. Коллекции сада с максимально возможной точностью воспроизводят собрания исторического сада Г.А. Демидова.

Мемориальная доска с барельефом Г.А. Демидова, держащего в руке ананас, и надписью: «В честь 270-летия первого в России Соликамского ботанического сада Григория Демидова от благодарных сограждан». Установлена в 2001 г. на церкви Иоанна Предтечи — единственной уцелевшей постройки усадьбы Демидовых (Соликамск)

11 ноября 2011 г. в Соликамске состоялась вторая конференция «Демидовские встречи», посвящённая Григорию Акинфиевичу Демидову (1715–1761). Среди участников всероссийского форума — известные историки науки, музейные работники, краеведы, преподаватели местных учебных заведений, специалисты-ботаники. Конференция привлекла внимание широкого круга заинтересованной публики: представителей общественных организаций, студентов, журналистов.

Остановимся на тех сообщениях, в которых затрагивалась роль Г.А. Демидова в развитии ботаники.

Доклад заслуженного учителя РФ, доцента Соликамского государственного педагогического института **Владимира Константиновича Штибена** был посвящён жизнеописанию Г.А. Демидова, в первую очередь его «жизни в ботанике». Докладчик отметил важность и новизну осуществлённой им реконструкции биографии Григория Демидова. В основу исследования было положено изучение архивных документов и опубликованных источников, среди которых — фонды архива Пермского края, переписка Г.А. Демидова, дневниковые записки его сыновей и др.² В таком масштабе работа ранее не проводилась; отдельные публикации содержали лишь разрозненные сведения о Г.А. Демидове³.

Обращаясь к «ботанической биографии» Г.А. Демидова, докладчик начал с основного дискутируемого вопроса — даты закладки ботанического сада вблизи вотчинного села Демидовых Красного (ныне район Соликамска). Историки науки обычно связывают

² Документы Петербургской академии наук, Второй Камчатской экспедиции, переписка Г.Ф. Миллера, С.П. Крашениникова, письма Г.А. Демидова к К. Линнею, труды и письма Г.В. Стеллера, П.С. Палласа, Н.П. Рычкова и И.И. Лепёхина и др.

³ Среди немногих работ, в которых упоминается история ботанических увлечений Г.А. Демидова: *Баньковский Л.В.* Сад XVIII века. Соликамск, 2004; *Юркин И.Н.* Демидовы — учёные, инженеры, организаторы науки и производства: опыт науковедческой просопографии. М.: Наука, 2001; *Черкасова А.С.* Германия и Урал в XVIII в. Научные и культурные связи // Русские и немцы в XVIII веке: Встреча культур. М.: Наука, 2000. С. 116–125.

появление основных коллекций сада с пребыванием там в 1746 г. Г.В. Стеллера, передавшего Демидову часть ботанического собрания Второй Камчатской экспедиции⁴. Как показывает Штибен, Г.А. Демидов уже в 1730-е гг. был известен как любитель естествознания, в первую очередь ботаники, знаток местных растений, обладатель завидного оранжерейного собрания. Документальные данные позволяют считать, что сад имел внушительные коллекции ещё до вынужденной высадки там материала Стеллера. В этом контексте важны свидетельства о саде учёных-натуралистов, которые оставили заметки о знакомстве с Демидовым и его садовым собранием. Так, согласно запискам Стеллера, первая встреча его с Демидовым состоялась в конце 1730-х гг., когда учёный по экспедиционным нуждам провел в Соликамске три месяца. За это время Стеллер пополнил коллекцию уже имевшегося «обширного» сада своими сборами, определил некоторые растения, показал Демидову, как вести их учёт и описание. В комментариях И.Г. Гмелина, посетившего Демидова в начале 1740-х гг., говорилось, что у того «прекрасный сад с большими затратами, в котором находится по-настоящему королевская оранжерея, единственная в этой стране»⁵. Именно Гмелин предложил Демидову сосредоточиться на сборе полной коллекции уральской флоры. Анализируя эти и другие свидетельства о «прекрасном саде», Штибен делает вывод, что возраст сада к этому времени — не менее 10 лет, что позволяет датировать его закладку началом 1730-х гг.

Докладчик подробно останавливается на коллекции Г.А. Демидова и общем описании сада в разные периоды, основываясь на комментариях известных ботаников, натуралистов и путешественников: И.Г. Гмелина, Г.В. Стеллера, И. Аммана, С.П. Крашенинникова, Н.П. Рычкова. Так, 25 августа 1770 г. Н.П. Рычков отмечал, что «в саду можно найти собрание большей части трав, растущих в Африке, Америке, в Сибири и в самых Камчатских пределах. Сад разделен на множество оранжерей и цветников, из которых каждая особливо заключает в себе растения других стран. Из овощей родятся там ананасы, лимоны, апельсины, померанцы, фиги, дули, груши и различных родов вишни и яблоки»⁶. Особый интерес представляет описание коллекции сада (в то время принадлежащего сыну Александру), сделанное в 1771 г. И.И. Лепёхиным, представлявшее собой научный каталог с перечислением более 500 видов⁷. Важным свидетельством технической оснащённости сада являются впервые введённые в научный оборот документы о продаже сада А.Г. Демидовым А.Ф. Турчанинову и о разделе имущества А.Ф. Турчанинова после его кончины, в которых перечисляются «сад с разными произрастаниями на 378 сажень, ранжерея каменная 9х3 сажени для выращивания ананасов и винограда... ранжерея деревянная... ранжерея каменная для яблочных дерев 24 × 3½ сажень».

Как показывает далее Штибен, крайне важна для историко-научного анализа переписка Г.А. Демидова. Так, Григорий в течение многих лет был корреспондентом К. Линнея, посылал учёному ценные растения местной флоры, обменивался семенами, обсуждал важные вопросы флористики. Анализ посланий Г.А. Демидова к Линнею

⁴ Баньковский Л.В. Пермистика: Заметки об истоках пермской региональной культуры. Пермь, 1991. 108 с.

⁵ Gmelin J. G. Reise durch Sibirien von dem Jahr 1733—1743. Teil 4. Goettingen, 1751. S. 516—520.

⁶ [Рычков Н.П.] Продолжение журнала и дневных записок путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1770 году. СПб.: Тип. Академии наук, 1772. 132 с.

⁷ [Лепёхин И.И.] Дневных записок путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепёхина по разным провинциям Российского государства, в 1772 году. Ч. 4. СПб.: Тип. Академии наук, 1805.

позволил автору доклада утверждать, что Демидов перешагнул за рамки любительства в садоводстве: он выписывал специальную литературу из Европы, проводил большую работу по интродукции, акклиматизации, флористике, систематике растений. Наряду с оранжерейными экзотами в саду культивировались растения сибирской и дальневосточной флоры; составлению наиболее полной коллекции растений пермского края Демидов уделял особое внимание.

Подытоживая доклад, Штибен отмечает, что естественнонаучные изыскания Григория Демидова совпали с периодом, когда систематика как чисто описательная наука начинала выстраивать связи с морфологией, экологией, биогеографией. В Соликамском саду можно проследить (в частности, по описанию И.И. Лепёхина) попытки создания максимально более полных коллекций растений, отнесённых к одному роду, а также коллекций близкородственных видов. Результаты ботанико-географических исследований Демидова наряду с работами И.К. Кириллова и П.И. Рычкова способствовали установлению флористических границ между Европой и Азией. Всё это позволило автору сделать итоговый вывод о том, что Соликамский сад Г.А. Демидова в середине XVIII в. был первым крупным периферийным ботаническим собранием и научным центром по изучению флоры восточных территорий России.

Ольга Александровна Малолетнева, заведующая историко-мемориальным музеем «Некрополь Демидовых» (г. Тула), предприняла одну из первых попыток показать семью Г.А. Демидова в окружении культурной элиты России. Докладчик остановилась на изучении вклада потомков Григория в развитие ботанической науки в России. Так, было отмечено участие сыновей Г.А. Демидова Александра, Петра и Павла, проходивших обучение в Европе и посещавших там лучшие ботанические собрания, в пополнении собраний Соликамского сада и закладке собственных садов. В частности, докладчик рассказала о научных увлечениях Павла Григорьевича Демидова. Именно он передал в дар Московскому университету естественнонаучную коллекцию, в состав которой входили гербарные листы из ботанического сада отца.

В докладе *«Демидовы—Сан-Дonato во Флоренции: история и современность»* **Светланы Адольфовны Клат**, главного специалиста Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводский Урал» и заслуженного работника культуры РФ, подробно освещена жизненная линия одной из ветвей рода Демидовых, ставших князьями Сан-Дonato. В частности, автор затронула тему продолжения садоводческих традиций Демидовых, остановившись на создании уникальных садов во флорентийских имениях Пратолино и Сан-Дonato, принадлежащих семье Демидовых.

С.А. Клат также представила на конференции доклад *«Начало становления демидовского госпиталя в Нижнем Тагиле»*, в котором остановилась на ещё одной грани прикладных ботанических изысканий Демидовых — провизорской деятельности. В развитие провизорской сферы на Урале особенно заметен вклад младшего из братьев Демидовых — Никиты Акинфиевича, который после смерти отца унаследовал Нижнетагильскую группу металлургических и горнодобывающих предприятий. Именно там были учреждены аптечные заведения, работу которых курировал Н.А. Демидов. В частности, речь идёт о создании «плантаций» (аптекарских огородов) как для иностранного посевного материала, так и для растений, традиционно применяемых местными травниками. Примечательно, что будучи сторонниками рационализма и скептического отношения к знахарству, Демидовы рекомендовали своим подчинённым вести записи «о пользе некоторых растений по указаниям местных жителей», выискивать действенные рецепты

и описания трав, собирать сами «полезные растения», а также производить сборы гербарного материала этих растений.

Доклад **Яны Юрьевны Мукосеевой**, старшего преподавателя Соликамского государственного педагогического института, был посвящён вкладу И.И. Лепёхина в изучение сада Г.А. Демидова в ходе экспедиции на Урал в 70-е гг. XVIII в. Автор подробно остановилась на том, как происходило описание Лепёхиным 524 видов растений, произраставших в саду, которым в то время владел старший сын Г.А. Демидова Александр. В докладе рассмотрены также научные контакты Лепёхина и И.П. Фалька — ученика и последователя К. Линнея, участника Академических экспедиций 1768–1774 гг. В частности, докладчик остановилась на взаимодействии Лепёхина и Фалька в деле обработки собранных гербарных материалов для пересылки их К. Линнею. Комплексные экспедиции под руководством И.П. Фалька, И.И. Лепёхина и П.С. Палласа, организованные через 30 лет после окончания Второй Камчатской экспедиции, сыграли важную роль в развитии региональных естественнонаучных исследований, в том числе в области ботаники.

Наталья Юрьевна Сугрובה (Соликамский государственный педагогический институт) в своём докладе предприняла попытку анализа вклада Л.В. Баньковского в изучение истории развития ботанического сада Г.А. Демидова, прежде всего в контексте участия в формировании сада известных учёных — современников Демидова. Автор отметила, что Л.В. Баньковский посвятил истории демидовского сада немало работ⁸; его вклад в демидоведение неоценим. Однако многие из приведённых им данных нуждаются в уточнении. В частности, докладчик обсуждает версию Баньковского, согласно которой участники Второй Камчатской экспедиции И.Г. Гмелин, С.П. Крашенинников и Г.Ф. Миллер в 1732 г. лично участвовали в создании ботанического сада. Косвенным свидетельством такого участия Баньковский считает высадку в оранжереях и открытом грунте сада многолетних растений Предуралья, Зауралья, Западной Сибири, которые принадлежали к коллекции Гмелина. Однако в путевых дневниках исследователей, как отмечает Сугрובה, упоминания об этом отсутствуют; более того — Миллер писал, что «... мы в Соликамске не были». Имеется только краткое описание сада (декабрь 1742 г.) в записках Гмелина. Вероятно, встречи и консультации Григория Демидова с академиками происходили/могли происходить значительно позже, уже после 1746 г. в Санкт-Петербурге в стенах Академии наук. Особую роль в развитии сада Г.А. Демидова автор доклада отводит И. Амману, И.Я. Лерхе, Т. Герберу, Г.В. Стеллеру. На основе изучения их достаточно скудной переписки с Демидовым автор, тем не менее, выделяет ряд направлений, по которым происходило столь важное для Григория консультирование и оказывалась конкретная помощь. Прежде всего это — обмен коллекционным материалом, описание особенностей физиологии в связи со сменой условий произрастания, опыты по акклиматизации, систематизация гербария и семенного материала, определение видовой принадлежности образцов флоры Урала, Сибири и Поволжья, налаживание учёта коллекционного материала в соответствии с общепринятыми научными нормами и инструкциями Академии наук. Автор выявляет в переписке и ещё один важный момент: признание академических учёных, что контакт с Демидовым — одна из наиболее простых возможностей получения качественного материала флоры Урала и других территорий. Как отмечает в заключение Сугрובה, ботанические увлечения Демидова, ставшие благодаря его авторитетным корреспондентам серьёзным научным занятием «соликамского ботаника», приносили пользу и противоположной, «академической» стороне.

⁸ См. сноски 3 и 4.

Игорь Николаевич Юркин, главный научный сотрудник Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН (Москва), на основе документов РГАДА показал процесс и результат раздела промышленного хозяйства А.Н. Демидова между сыновьями. Автор подчёркивает, что именно Григорий проделал важную и трудную работу, позволившую каждой из частей наследства относительно успешно существовать самостоятельно. В частности, отошедшая к Григорию часть наследства обеспечила возможность успешного развития ботанического сада в Соликамске. Содержание сада требовало финансовых вложений, и хотя никаких документов, указывающих на конкретные суммы, в архивных коллекциях семьи Демидовых пока не обнаружено, понятно, что эти вложения были значительными (содержание сада, приобретение семян, «отводков» новых культур, выписка литературы и пр.). Одним из источников таких вливаний были успешные промышленные проекты Г.А. Демидова в металлургическом производстве.

В завершение форума был проведен круглый стол, на котором были подведены итоги конференции и обозначены актуальные вопросы регионального демидоведения. Ведущий дискуссии, председатель «Соликамского Демидовского клуба» **Евгений Витальевич Смирнов**, обратил внимание её участников на две главные проблемы: 1. Пути продвижения проекта «Союз Демидовых городов»; 2. Организация празднования 300-летия со дня рождения Г.А. Демидова. Участники дискуссии И.Н. Юркин, С.Е. Вогулкин, В.К. Штибен, Т.Д. Келлер, Д.Ю. Крутяков, С.А. Клат, Е.В. Насекина, О.А. Малолетнева, А.М. Калинин, Н.Ю. Сугрובה и другие предложили подготовить проект учредительного документа по созданию союза Демидовских городов России; провести ряд мероприятий, приуроченных к празднованию 300-летия со дня рождения Г.А. Демидова (2015); инициировать издание Демидовского словника (Демидовской энциклопедии). Кроме того, было высказано пожелание открыть музей Г.А. Демидова и создать памятник ему в Соликамске.

Заключительным аккордом конференции стало вручение медалей Григория Демидова «За идеалы просвещения», учреждённых общественной организацией «Соликамский Демидовский клуб». В частности, медали были удостоены А.М. Калинин — за вклад в создание и развитие мемориального ботанического сада Г.А. Демидова; В.К. Штибен — за работу по сохранению памяти и написание первой биографии Григория Демидова; администрация Соликамского городского округа — за деятельную поддержку демидовского движения в г. Соликамске.

Юбилей Тимирязевского биологического музея

МАРИНА В. КУЛИКОВА

Государственный биологический музей им. К.А. Тимирязева, Москва, Россия;
marina@gbmt.ru

2012 год — юбилейный для Государственного биологического музея им. К.А. Тимирязева. Уже 90 лет этот музей просвещает, обучает, знакомит москвичей и гостей столицы с основными направлениями биологических наук. Это комплексный естественнонаучный музей, действующий как научно-образовательный и художественно-эстетический

Здание Биологического музея — усадьба П.И. Шукина (1892–1904)

центр. Его основная экспозиция развернута на площади 800 м² и посвящена таким разделам современной биологии и экологии, как развитие жизни на Земле; антропогенез, многообразие современного мира животных и растений; анатомия и физиология растений, животных и человека; генетика и селекция; экологические основы охраны природы. В Биологическом музее представлены разделы, не отраженные в других естественнонаучных музеях Москвы (ботаника и физиология человека и животных). В ботанической экспозиции представлены влажные препараты, демонстрирующие видоизменения органов растений, макеты цветковых растений, диорамы, отображающие растительные сообщества, муляжи достижений отечественных селекционеров.

Коллекции музея насчитывают более 85 тысяч единиц хранения, объединённых в 23 группы. Экскурсионная тематика музея насчитывает примерно 80 тем, адаптированных на разный возраст, уровень знаний и потребности слушателей. Помимо традиционных лекций проводятся тематические занятия с использованием микроскопов, часть экскурсий сопровождается демонстрацией опытов, живых объектов. Экскурсанты — от дошкольников и школьников до студентов вузов, техникумов, педагогических и медицинских училищ (ежегодно более 90 тыс. человек). Музей организует более 50 выставок в год: фондовые, клубные, интерактивные выставки; партнерские выставочные проекты, выставки по результатам всероссийских детских конкурсов.

Музей основал Борис Михайлович Завадовский¹ при кафедре биологии Коммунистического университета им. Я.М. Свердлова в 1922 г.², тогда же он получил имя

¹ Б.М. Завадовский (1895–1951) — крупный специалист в области физиологии, эндокринологии и биологии развития, впоследствии академик ВАСХНИЛ. Долгое время оставался директором Музея.

² Коммунистический университет имени Я.М. Свердлова — высшее учебное заведение ЦИК СССР и ВКП(б), готовившее кадры для советской и партийной администрации, действовавшее

Экскурсия по экспозиции «Развитие органического мира»

К.А. Тимирязева, которого Завадовский считал одним из своих учителей. В 1934 г. он был выделен в самостоятельное учреждение и разместился в здании на Малой Грузинской улице. Б.М. Завадовским и его соратниками были сформированы основные положения о деятельности нового музея: это не «вещевой», а проблемный музей, демонстрирующий основные проблемы всех направлений биологии; музей-лекторий, ориентированный в первую очередь на студентов и школьников; музей-лаборатория, где сотрудники проводят экспериментальные научные работы, а лекции сопровождаются показом животных, растений и физиологических экспериментов.

Над созданием музея в разные годы работали Н.П. Кренке (1892–1939), эволюционисты Б.В. Власов (1893–1964), А.А. Парамонов (1891–1970) и П.П. Смолин (1897–1975). Основой послужили «Музей живой природы» А.Л. Бродского³, который был одним из первых экологических музеев в России; коллекции анатомических и зоологических препаратов профессора Д.Ф. Синицина, коллекции кружка по изучению фауны и флоры и другие учебные коллекции Московского городского (народного) университета им. А.Л. Шанявского. К сожалению, как писал Б.М. Завадовский (1927), «...коллекции дошли до нас... в сильно поредевшем виде и сильно попорченные молью. Поэтому они были почти полностью заменены новыми приобретениями и оригинальными препаратами, изготовленными в собственной мастерской». Однако отдельные коллекционные образцы отметили недавно свой 100-летний юбилей — часть таксидермических экспонатов была отреставрирована и сохранена.

Основой чучельной коллекции стали результаты проводившихся в музее физиологических экспериментов (Завадовский ставил опыты по влиянию гормонов на

в Москве в 1918–1937 гг. В 1920 г. к нему было присоединено научно-популяризаторское отделение бывшего университета им. А.Л. Шанявского.

³ На тот момент — доцент Коммунистического университета им. Я.М. Свердлова.

Разнообразие фондов Биологического музея

организм животных). Затем стали собирать экспонаты, документирующие видовое разнообразие животного мира, аномалии развития, достижения селекции. Часть экспозиции была представлена живыми объектами: растения, аквариумные рыбки, птицы и мелкие млекопитающие. В 50–70-х гг. XX в. музей пополнился ещё несколькими интересными коллекциями: муляжи плодов сортов плодово-ягодных культур, в том числе выведенных И.В. Мичуриным;⁴ скульптурные антропологические реконструкции М.М. Герасимова и его учеников — сотрудников Лаборатории пластической реконструкции и Института судебной медицины; чучела и тушки птиц натуралиста и писателя Е.П. Спангенберга; экспонаты, демонстрирующие результаты операций по пересадке органов, проведённые основоположниками трансплантологии В.П. Демидовым и А.Г. Лапчинским; гербарий московского флориста А.Н. Петунникова; коллекция раковин моллюсков А.Г. Лисичкина и А.П. Соколова. В последние годы музейные фонды пополнились коллекциями насекомых, включающими типовые экземпляры и экземпляры редких видов, муляжей грибов, птичьих гнезд и кладок, скелетом стеллеровой коровы, редкими книгами, таксидермической скульптурой. В музей были переданы личный архив и библиотека Б.М. Завадовского.

В музеях биологической тематики почти всегда есть предметы анималистического искусства. В нашем музее это работы основателей московской школы анималистики — В.А. Фаворского, В.А. Ватагина, А.Н. Комарова.

В последние 20 лет в одно из важных направлений культурно-образовательной деятельности музея выделилась работа с семейной аудиторией. Возникла специальная программа «Семья в музее» со своими формами и методами общения музея с детьми

⁴Такая коллекция муляжей, демонстрирующая результаты работы селекционеров, — единственная в своём роде в нашей стране.

Юбилейная конференция
«Музейный посетитель: как сделать так, чтобы он возвращался» (2012)

и их родителями. На первый план выдвинулись коммуникационная, просветительская досуговая и социальная функции музея. Эта программа помогает решению главной проблемы — экологического просвещения на основе биологических знаний и воспитания независимо от возраста и профессии. В настоящее время программа включает около 20 разнообразных событий.

В юбилейный год, с 22 по 25 апреля Музей организовал и провел Всероссийскую научно-практическую конференцию **«Музейный посетитель: как сделать так, чтобы он возвращался»**⁵. Сегодня музеи очень ярко и отчётливо ощущают на себе, что их посетитель меняется стремительно. Успевают ли при этом музеи «идти в ногу» с современным посетителем? Как сделать так, чтобы оправдать его ожидания? Нужно ли подстраиваться под современного посетителя музея? Привлечь посетителя в музей — это полдела. Как наладить с ним отношения и сделать так, чтобы из случайного гостя он стал верным другом? Что побудит его вернуться в музей завтра и послезавтра?

В программе конференции работали три секции и обсуждались следующие вопросы:

«*Современный музейный посетитель — кто он?*». Методы исследования музейной аудитории, посетитель музея вчера, сегодня, завтра — ожидания, запросы, потребности.

«*Коммуникация с музейной аудиторией внутри музея*». Методы и формы работы с посетителями, технологии привлечения нового посетителя в музей, музей в системе дополнительного образования, музей как институт образовательного досуга, edutainment,

⁵ К началу конференции был издан сборник тезисов: Музейный посетитель: как сделать так, чтобы он возвращался: тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции / Государственный биологический музей им. К.А. Тимирязева; под ред. М.В. Куликовой и Ю.И. Михневич. М.: Акварель, 2012. 220 с.

как новый тренд в работе с посетителем, способы формирования своей постоянной аудитории музея.

«*Взаимодействие с посетителем вне музея*». Музейные программы на других площадках, межмузейные проекты, взаимодействие с посетителем в сети Интернет: сайт музея, социальные сети, форумы, блоги, youtube.

В конференции приняло участие 92 человек из 57 учреждений из 22 городов России. — сотрудники музеев различного статуса и подчинения (национальных, краеведческих, областных, художественных, естественнонаучных, технических, историко-архитектурных, музеев-заповедников, музеев при университетах), а также педагоги.

Открыли пленарное заседание профессор Б.А. Столяров (Российский центр музейной педагогики и детского творчества Русского музея) с докладом «*Музей и дети: новые условия*»; Е.Б. Медведева (главный редактор журнала «Музей») с докладом «*Музей не для всех, а для каждого*»; М.В. Мацкевич (Государственная Третьяковская галерея), с докладом «*Двенадцать “почему”. Что мешает музею стать “Местом Открытий”*». О причинах прихода посетителя в музей и отказа вновь посетить его». Прозвучал ряд выступлений сотрудников музеев естественнонаучного профиля: И.Г. Бухарова (Байкальский музей Иркутского НЦ СО РАН) «*Особенности взаимоотношений с посетителями в Байкальском музее*»; Е.И. Гридина (Государственный Дарвиновский музей, Москва) «*Маркетинг — выстрел в цель*»; М.П. Новикова (Национальный музей Республики Татарстан) «*“Краеведческая среда” как форма взаимодействия с музейным посетителем в Национальном музее Республики Татарстан*»; О.Л. Попова (1-й МГМУ им. И.М. Сеченова) «*Безопасная среда и музейная педагогика*»; Н.В. Слепкова (Зоологический институт РАН) «*Посетитель в Зоологическом музее Зоологического института РАН в Санкт-Петербурге. Проблемы и решения*»; Л.П. Чермных (Международный университет природы, общества и человека «Дубна», Московская область) «*Педагогика сотрудничества в музее образовательного учреждения*»; Е.Я. Мигунова (Московский зоопарк) «*Изучение посетителей в зоопарках. Наблюдение за наблюдающими*». Восемь докладов было сделано сотрудниками Биологического музея.

В рамках программы конференции помимо теоретической части (доклады) сотрудники Биологического музея познакомили гостей с основной экспозицией, юбилейными выставками, интерактивной экспозицией «Смотри в оба!», с новым фирменным стилем музея. Участники конференции посетили музейную оранжерею и коллекцию растений Красной книги г. Москвы под открытым небом. В рамках конференции гостям было предложено принять участие в ежегодной программе музея «Фестиваль увлекательной науки».

Славная история Военно-медицинской академии и её непорешенное будущее

А.И. ЕРМОЛАЕВ

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН, Санкт-Петербург, Россия;
andrey.i.ermolaev@gmail.ru

7–8 апреля 2012 г. состоялась XXII Годичная конференция Санкт-Петербургского союза учёных. Она проходила в Большом конференц-зале Санкт-Петербургского научного центра РАН.

Вечернее заседание второго дня конференции было посвящено истории петербургской Военно-медицинской академии (ВМА). Название заседания говорило само за себя: «Военно-медицинская академия — уникальный образовательный, лечебный и научно-исследовательский центр города, страны, мира». В ходе заседания было заслушано три доклада и ряд запланированных и незапланированных выступлений, иногда очень эмоциональных, вызвавших оживлённую дискуссию.

Первый доклад под названием «Очерки истории Императорской Медико-хирургической (Военно-медицинской) академии» сделал доктор медицинских наук, член-корреспондент РАМН Владимир Олегович Самойлов. Доклад был посвящён предыстории и первым этапам истории этого учреждения. Вывод, который можно сделать из доклада: это нонсенс, что мы считаем датой образования Академии 1798 г. Как показывает автор, более обоснованно вести отсчёт с 1733 г.

Как только при Петре I стали осваивать эти земли, здесь появились солдатские лазареты. Петр приказал создать четыре госпиталя: сухопутный в Москве, сухопутный и адмиралтейский в Санкт-Петербурге, адмиралтейский в Кронштадте. Проект зданий петербургских госпиталей принадлежит Доменико Андреа Трезини.

С 1733 г. в Генеральном госпитале началось обучение врачей. В то время статус «Генеральный» обозначал обязательное обучение. В 1735 г. издан регламент, в котором чётко прописана система подготовки. В 1742 г. в Генеральную госпитальную школу пришел Иоганн-Фридрих Шрейбер⁶, немецкий врач-физиолог, который развивал концепцию Вольфа и Лейбница, пытался математизировать физиологию. Соглашаясь стать преподавателем школы, Шрейбер потребовал, чтобы его называли не младшим доктором, а профессором. В результате он стал первым профессором медицины в России.

Автор доклада настаивает на том, что в России начиная с XVIII века существовала самобытная медицинская школа, сохранившаяся до сих пор. Сегодняшняя попытка навязать России Болонскую систему вряд ли оправдана, потому что у нас свои, не менее давние традиции правильного медицинского обучения.

В российскую традиционную систему входят следующие три атрибута:

1. Воспитание врача у постели больного. Бурхааве настаивал, чтобы учили врачей при больших госпиталях, чтобы ученики обследовали множество больных.

---

⁶ Петр I являлся сторонником системы медицинского образования профессора и ректора Лейденского университета Германа Бурхааве (Бургаве). Шрайбер был одним из учеников Бурхааве, и он ввёл его систему в преподавание в России.

2. Объединение терапии с хирургией. Название «Медико-хирургическая академия» — не тавтология, так как слово «медикус» в XVIII в. обозначало «терапевт».

3. Солидная теоретическая подготовка, основу которой составляли химия, физика и анатомия.

На практике это означало пятилетний план обучения без воскресений и выходных. Жизнь учащихся была тяжёлой, школу оканчивало примерно две трети поступивших.

С 1761 г. лучших выпускников стали посылать за границу для получения докторской степени. В 1786 г. две лекарские школы были соединены в одну. Появилось три кафедры, то есть три профессора вместо одного.

Когда в 1813 г. русская армия вошла в Париж, в составе войск числилось около 700 врачей. Если бы Академия была создана в 1798 г., то она просто не успела бы подготовить столько военных медиков, но на самом деле Академии в это время было не 15 лет, а на 65 лет больше.

Второй доклад — «Кафедральные музеи академии» — сделал доктор медицинских наук, профессор ВМА Николай Федорович Фомин. Доклад был посвящён демонстрации тех коллекций, которые хранятся в музеях Военно-медицинской академии.

В первую очередь это так называемая «оружейная палата» при кафедре оперативной хирургии — там собрано «оружие», которым работали хирурги в доасептическую эру. Эта коллекция неоценима. Кафедра оперативной хирургии была образована в 1868 г. для доклинической подготовки к занятиям хирургией на трупах и на экспериментальных животных, то есть для обучения операциям как технологическому процессу на аналогах человеческого тела (животные и т. д.). Такая система сформировалась впервые благодаря Пирогову. В нашей стране топографическая и хирургическая анатомия преподаётся хирургами, а не анатомами, как за рубежом, и это очень ценно для подготовки военных медиков.

В коллекции музея хранятся инструменты со времён средневековья до наших дней. По ним можно изучать технологию прижигания открытым огнём и калёным железом, приемы древней китайской медицины, методы кровопускания (включая жгуты Лоррея, лейб-медика Наполеона), историю переливания крови (медные шприцы с теплоизоляторами и т. д.), нейрохирургии и трепанации черепа, операций на суставах, пластических операций... В музее хранятся офтальмологические наборы разных стран, пилы для ампутаций, иностранные и отечественные военно-хирургические наборы и многое другое. К сожалению, как отметил автор доклада, все эти коллекции сейчас под угрозой. Готовящийся перенос Академии за пределы Санкт-Петербурга в посёлок Горская под Сесторецком скорее всего будет фатальным как для самой Академии, так и для её музеев. Как выразился Н.Ф. Фомин, «наши учителя великолепно реализовали принцип “стены учат”. В новых зданиях мы потеряем эти стены».

Автора доклада чрезвычайно волнует судьба той сокровищницы хирургических инструментов, о которой он рассказывал. Музей появился в середине XIX в. благодаря профессору И.В. Буяльскому. Буяльский подарил академии свою коллекцию, которая стоила не менее 200 тысяч рублей, и после этого дара музей сразу стал самым большим в мире. Коллекции музея прирастали благодаря энтузиастам, а всё реорганизации XX в., как правило, шли ему во вред. Из музейной коллекции сегодня потеряно практически всё, кроме той части инструментов, которая осталась на кафедре оперативной хирургии. Возможно, что при следующем переезде она будет потеряна до конца.

Третий доклад — «Архитектура Военно-медицинской академии» — зачитала сотрудник Государственного Эрмитажа Наталия Владимировна Милашева. Доклад был посвящён истории зданий академии. В 2011 г. автору доклада удалось обнаружить письмо, датированное 15 мая 1796 года, о желании Екатерины Второй выстроить здание для Академии. Также Н.В. Милашева демонстрировала письма из архива и слайды с изображением медали, посвящённой госпиталям.

Лейтмотивом последовавшей за докладами **дискуссии** было осуждение решения Министерства обороны РФ о переносе Военно-медицинской академии за пределы города. Обсуждались как историко-культурные последствия разрушения этого памятника научно-педагогической мысли, так и чисто практические последствия такого переноса.

Заместитель председателя Законодательного Собрания Санкт-Петербурга Сергей Анатольевич Анденко (выпускник ВМА) пояснил, что планы переноса никто не обсуждал с городским парламентом, что ЗакС уже готовит письмо по этому поводу⁷. Перенос академии грозит тем, что мы можем потерять систему подготовки врачей. Больных трудно будет оперативно доставлять к новому месту расположения, а врачей надо воспитывать у постели больного. Отдельный вопрос — как туда будут добираться родственники больных.

ВМА — это учреждение военное. Некоторые полагают, что если одеть гражданских врачей в форму, их можно будет направить в горячие точки, но военно-полевая хирургия — нечто особенное. Процесс обучения военного врача невозможно отделить от процесса воспитания. Дух ВМА сам воспитывает военврачей в истинном понимании этого слова. Главное, чего не понимает руководство Минобороны, — можно разделить академию как научное учреждение, но нельзя как национальное достояние. Последнее перенести куда-то невозможно. Высказывались предложения, что Военно-медицинскую академию нужно сделать президентской, как когда-то она была Императорской. Но эта мысль, к сожалению, не находит поддержки в правительстве.

С.А. Анденко выразил надежду, что голос учёных может заставить правительство отказаться от планов переноса.

О том же говорил и генерал-майор медицинской службы в отставке, доктор медицинских наук, профессор-офтальмолог Вениамин Васильевич Волков: «Я считаю ВМА своей родиной... более 70 лет связано с ней... ВМА — уникальный научный центр, который нельзя потерять... Переезд никому не нужен и задуман только ради того, чтобы выгодно продать землю в центре города, на которой стоит Академия».

Профессор Юрий Евгеньевич Шелепин, зав. лабораторией физиологии зрения в Институте им. И.П. Павлова, в шутку предположил, что следующим шагом за переносом Академии станет перенос на другое место Петропавловской крепости.

Выступлений было много, потому что широкую научную общественность Петербурга очень тревожит будущее старейшей в России медицинской школы, созданной ещё Петром Первым. Не будем перечислять всех выступавших. Главное, о чём они говорили, — надо сплотиться и добиваться того, чтобы вопрос о переносе ВМА был пересмотрен, и что Военно-медицинскую академию, 25 зданий которой имеют статус памятников федерального значения и охраняются ЮНЕСКО, необходимо сохранить.

⁷Дальнейшую историю этого письма можно посмотреть в Интернете: http://delovoe.tv/event/ZakS_obratitsya_k_prezide/; <http://www.zaks.ru/new/archive/view/92708>; <http://www.novayagazeta.spb.ru/2012/40/2>.

Читайте в ближайших номерах журнала

Людмила А. Кутикова, Александр Ф. Алимов. Владимир Иванович Жадин — гидробиолог, зоолог, малаколог.

Bradford D. Martin, Ernest Schwab. Symbiosis: “Living together” in chaos.

Federica Turriziani Colonna. On the Convergence of Evolutionary Biology and Developmental Biology into the Evo-Devo Theory. Why they did not integrate before and why they finally could.

Staffan Müller-Wille. The Economy of nature in classical natural history.

Юрий А. Орлов. Воспоминания об анатомо-гистологическом кабинете Петроградского университета. *Публикации, вступительная статья и комментарии С.И. Фокина.*

Подписной индекс журнала 57386 в каталоге НТИ («Издания органов научно-технической информации») агентства «Роспечать». Цена полугодовой подписки составляет 368 рублей. Редколлегия советует вам своевременно оформлять подписку на журнал «Историко-биологические исследования».